

Валентина Кострова

ПАПИНА ДОЧКА

1 глава

-Саид- (11.07.2018)

Устало потер глаза, успев перехватить озабоченный взгляд Али. Пришлось улыбнуться, чтобы не придумывал себе чего. В последнее время именно второй сын чаще со мной оказывался, чем Азамат, хотя на него у меня были большие планы, но может не все потеряно и мальчик пока просто не вырос из детских штанишек, ведя себя как капризный шестилетний ребенок. Вздыхнул.

Больше всех меня радовал Ахмет. Мой первенец, моя гордость, мой свет. Закончив в Вашингтоне обучение юридических наук, он вернулся домой. Занялся практикой и вскоре стал одним из лучших адвокатов Эмиратов. По семейному праву. Женился на той самой девушке, с которой общался до отъезда, родители которой жужжали мне на ухо о свадьбе с самого начала их отношений. Его брак открыл для меня совершенно другой мир, где приходилось давить своего зверя, сажать на короткую цепь и улыбаться. Родители невестки были родственниками королевской семьи Эмиратов. Кто бы мне сказал двадцать лет назад, что мне суждено стать косвенным родственником принцев и принцесс, рассмеялся тому в лицо.

Не смотря на два часа ночи, дом был полон людей. Невозможно было подъехать к крыльцу, ибо стояли грузовые машины, откуда выносили цветы, ткани, предметы интерьера и много чего, чего я толком и не знал.

-Сегодняшний вечер обещает быть незабываемым! – со смешком прокомментировал Али, наблюдая за грузчиками. Он повернулся ко мне с переднего сиденья, небрежно придерживая руль. –Она решила с размахом отметить свое восемнадцатилетие? Аман не считается?

-Аман поддержал сестру в ее стремление устроить пир на весь мир. Я не стал мешать ее фантазиям воплощаться в реальность!

-Отец, ты ее слишком балуешь! Как будем мужа искать после тебя???

-Думаю, что данный вопрос в течение пяти лет не обсуждается! А потом я сам подберу ей подходящего спутника!

-Но ты же придерживаешься политики не вмешиваться в личную жизнь...-карие глаза похолодели. Я изогнул бровь, усмехаясь.

-Я не вмешиваюсь в ваши жизни, вы мальчики и сами разберетесь с

кем спать, а с кем жить, но Анна моя единственная дочь и я не позволю какому-то идиоту топтаться грязными ботинками в ее душе!

-Ну, а если она влюбится в неподходящего кандидата, что ты будешь делать? Стравливать на беднягу своих бойцовских собак?

-Посмотрим! – одним словом угрожающим тоном прекратил ненужный разговор. Поджал губы, смотря в темноту.

Каждый отец рано или поздно понимает, что его любимая малышка из смешливой девчушки превратится в прекрасную девушку.

Девушку, на которую смотрят с похотливым блеском, которая вызывает полон рот слюны, из-за которой рука тянется к ширинке.

Пока Анна была рядом со мною, жила в Эмиратах, не беспокоился о ней. Законы страны «не дразнить гусей» дочерью соблюдались тщательно под моим пристальным взглядом. Она не была мусульманкой, но всегда носила платья в пол, закрывающие руки до запястья, покрывала голову и иногда часть лица, но это уже по прихоти. Мне было важно, чтобы как можно меньше ее видели раздетой. Потому что Анна внешне была очень красивой девушкой, притягивала взгляды против воли. Даже с платком на голове ее глаза, цвета ясного неба, как драгоценные камни, обращали на себя внимание. А взмах длинных черных ресниц заставлял и мое сердце учащенно биться. Отправив дочь учиться в Англию, такого контроля над ней не было, но девушка сама не стремилась пользоваться данной свободой, она по-прежнему предпочитала скромные наряды, опуская глаза в пол, если рядом оказывалась особь противоположного пола.

Скрипнул зубами. Дочь единственное, что у меня осталось после Арины, вместе с пулей. От воспоминаний стало трудно дышать. Стало мутно. Я дернул ручку двери и вышел из машины, вздохнув полной грудью прохладный ночной воздух. Сердце сжалось, пропустило удар, а где был шрам, неприятно заныло. Так было каждый раз, когда я вспоминал хоть на секунду свою любимую блондинку... без которой живу шестнадцать лет.

Я до сих пор не понимаю, как отец мог жить без Марины. Как он каждый день просыпался и продолжал идти вперед. Мы с ним не говорили на тему любимых женщин. Никогда. Единственный раз, в больнице, когда я не хотел ничего в этой жизни, лишь бы меня оставили в покое и лишь бы перестали пичкать лекарствами и дали умереть. От тоски. Он научился дышать без любимой, а я до сих пор

задышался. И кислородной маской была Анна.

Не стал ждать, когда Али припаркует машину, уверенным, быстрым шагом направился к дому, от меня шарахался служащий персонал, но я их не замечал. Взбежал по лестнице на второй этаж, намереваясь сразу же пойти к себе, но в последнюю минуту передумал и нашел другую дверь. Несколько секунд стоял перед нею, прислушивался. Было тихо. Открыл дверь, лишь свет со двора освещал комнату. На большой кровати, с прозрачными балдахинами, как и положено принцессам, спала дочь. Дочка. Доченька. Дочура. Мысленно, как только ее называл, не позволяя себе в слух произнести хоть одно уменьшительное слово.

Будучи малышкой, она всегда скручивала одеяло и закидывала ногу. Бывали дни, когда эта черноволосая девчушка спала со мною и ее ноги уже оказывались на мне. Прошли годы, привычка закидывать ноги на одеяло не прошла, привычка приходить ко мне в комнату посреди ночи, потому что ей приснился страшный сон и в восемнадцать лет осталась. Только теперь приходилось Анне каждый раз выговаривать, что ей не пять, и она обязана спать в своей постели, а не с отцом. Помогало мало, упрямица все равно прокрадывалась ко мне и устраивалась рядом.

Подошел ближе. Она спала. Глубоко, сладко. Улыбнулся, протянул руку и убрал прядь с лица, слегка погладив по щеке. Моя любимая девочка. Как же мне будет тяжело отдавать ее какому-то парню, стискивать руки в кулаки, зная, что ее...

-Папа? – на меня смотрели сонные голубые глаза.

-Спи малыш, я тебя разбудил! – поцеловал ее в лоб, она довольно улыбнулась и вновь вернулась в свой сон, который заставлял ее губы улыбаться. Поспешил выйти из комнаты дабы совсем ее не разбудить. У нее бывает такое, что от моего присутствия просыпалась. Арина просыпалась, если меня не было рядом...

В своей спальне не спеша разделся, сел на кровать, уставившись перед собою. Восемнадцать лет назад она была со мною...родила мне чудесную малышку. Вдохнул. Потянулся к тумбочке, вытащил блокнот, а из него фотографию. Арина...Нежно провел пальцем по линии подбородка, очертил губы, стискивая зубы. Как же я желал хоть на секунду поцеловать ее губы, прикусить зубами, вжаться всем телом и слышать, как она стонет от меня. После нее ни одна не

смогла хоть частично удовлетворить мою звериную сущность. Ведь хищник прекрасно понимал, что не его самка под ним. Секс стал просто сексом для расслабления. И мне было все равно с какими глазами смотрели партнерши, чаще с ужасом, натягивая до подбородка простыни. Но почему-то они вновь и вновь возвращались в мою постель, если я позволял, с готовностью превращаясь в покорных рабынь.

Захлопнув блокнот, швырнул его обратно в ящик, встал и босиком направился на балкон. Достал из карманов брюк сигареты, прикурил. Итак, сегодня у двоих моих детей совершеннолетие. По российским законам они уже самостоятельные личности, по европейским- еще года три под опекой. С подарком давно было определено, дети росли среди роскоши и достатка, но были не избалованы. Не позволил. Сегодня Аман получит грант на обучение в Англии. Младший сын увлекался наукой и просто бредил окунуться в научный мир. Усмехнулся, любовь к учебе – это точно не в меня, как и не в Армину. Скорей всего гены Фарида, тот любил читать книги со смыслом... Анна получит эксклюзивный ювелирный набор: серьги, браслет, кулон, кольцо, а также небольшую диадему. Принцесса должна быть коронованной.

Выкурив сигарету, почувствовал, что устал и нужно выспаться, ибо вечер обещал быть насыщенным, радостным, увлекательным. Судя по тому, как внизу до сих пор сновались люди, Анна устроит точно пир на весь мир. На празднике будут не только ее друзья, но и их родители, а это давало возможность с кем-то поговорить в неформальной обстановке и договориться о будущей деловой встрече. Упускать возможность укрепить свой бизнес и авторитет не хотелось.

Анна(12.07.2018)

Было еще рано. Потянулась и улыбнулась. Вскочила с кровати. Часы показывали только шесть. Еще можно было бы часа два-три поспать, но сейчас я могла заснуть только в другой кровати. Схватив шелковый халат, придерживая его на груди, помчалась по темному коридору, порхая мимо дверей братьев. Те до сих пор меня подкалывали и дразнили малявкой, если узнавали, что я вновь пробиралась в комнату к отцу и спала рядом с ним. Им было бесполезно объяснять, что только рядом с его горячим телом, спокойным дыханием, я чувствовала себя защищенной от всех

драконов и монстров.

Открыла дверь и замерла на пороге. В комнате отца всегда был минимализм. Кровать, по обе стороны тумбочки. Комод, над ним большой плазменный телевизор, который никогда не включался. Хотя нет, я его включала, когда была поменьше и смотрела мультики, папа никогда не смотрел телевизор. Большие панорамные окна с выходом на террасу. Ближе к гардеробной два кресла. И все это в выдержанном бежево-кофейном цвете.

Папа спал на животе, на согнутой одной руке, лицом к окну. На его кровати могли еще два здоровых мужика поместиться, поэтому я упорно бегала к нему, зная, что мы за ночь можем и не столкнуться.

Крадучись подошла к кровати, юркнула под покрывало, вздрогнув от прохлады простыней. Медленно втянула воздух с нотками любимого мужского парфюма, ощущая, как мощная энергетика окутывает меня с ног до головы. Сразу же стало спокойнее и захотелось спать.

-Анна, в виде исключения сегодняшнего дня я не буду тебя отчитывать и вновь повторять то, что повторяю на протяжении семи лет! – от сердитого голоса кожа покрылась мурашками, натянула простынь на голову. Кто в домике того и не трогают! Почувствовала, как рядом погнулся матрац.

-И домик в этот раз тебе не поможет, пора взрослеть малыш! – он всегда говорил тихо, от этого голоса было внутри щекотно, нервно и сладко. Я никогда не слышала, чтобы он кричал. Одноклассники, сейчас однокурсники, подруги часто жаловались, что родители повышают голос, вечно лезут в личное пространство, пытаются чему-то учить, чего-то требует. Я слушала их и понимала, у меня совершенно другие отношения с отцом. Многие снисходительно поясняли, что он ведет себя так, потому что у меня не было мамы. У нас у всех не было мамы. Я знала, что у меня мама одна, у братьев другая, никто из этого не делал тайны. Но новой мамы мы так и не дождались. В детстве между собой мечтали о том, что придет женщина и всех нас полюбит и разрешит называть мамой. Правда Азамат в этих мечтах не участвовал, всегда твердил, что маму никто никогда не заменит. Позже это повторил и папа.

Говорят, что дети, выросшие в неполной семье, какие-то другие. Не такие как все и их надо жалеть. Особенно, когда в доме не было женщины, не было материнской ласки, нежности, понимания. Мы

терпеливо сносили жалость и радостно возвращались домой, ожидая прихода отца. Когда папа приходил, он все время был с нами, придумывал для нас игры, с каждым находил минуту для личного общения, у нас не было ощущения какого-то важного лишения. Он и успокоит, он и сказку на ночь почитает, он и подует на разбитую коленку, он был целым миром для нас, няни были необходимостью днем, вечером они отдыхали в своих комнатах. У нас не было мамы, но у нас был отец, которого не заменят и десять мам. Мы его любили безгранично, беззаветно, преданно и навсегда. И самое главное, нам отвечали взаимностью.

~~Папа, папочка...~~ я повернулась к отцу, он кривовато улыбался, приподняв один уголок губ. На скулах уже пробивалась утренняя щетина, но бородка была в полном порядке. Протянула руку и коснулась щеки кончиком пальца, заглядывая в его голубые глаза полным обожания взглядом.

-Анна... Не надо так на меня смотреть, я своего решения не изменю. С этого дня спать в моей кровати ты больше не будешь.

-Но пап!

-Я все сказал!

-А если мне приснится страшный сон? – с надеждой затаила дыхание. Всех чудищ всегда прогонял папа, не зависимо сколько мне было лет. Сейчас он покачал головой.

-Ты должна со своими страхами справляться сама!

-Но...

-Анна! – рыкнул отец, резко вставая с кровати. На миг я залюбовалась его подтянутым телом в пижамных штанах. Представляя своего будущего избранника, он был копией отца. К сожалению, оригинал был в единственном экземпляре. Ленивая грация, обманчиво вальяжная, скрывающая истинную натуру хищника, готового в любую минуту кинуться в атаку. Его тело с множествами шрамами напоминало мне тело воина, мне всегда казалось, что папа пират или разбойник. Шрамы были его прошлым, о котором никто нам не говорил. Как и татуировки на плече, переходя на грудь, и отдельная на запястье. На руке больше всего интриговало. А и С. Естественно никто не пояснял откуда она и что означает. Приходилось додумывать самой. В итоге пришла к выводу, что это все наши имена, мое и четверых братьев начиналось на А. С этим

логичным объяснением я и поделилась с мальчишками. Они согласились с моими соображениями.

Я его дочь. И не считая моих четверых заботливых братьев, папа был самым-самым в моей жизни. Сейчас с гордостью рассматривала этого мужчину, который уже успел принять душ, облачиться в домашние брюки цвета хаки и белую рубашку. Рукой зачесав назад волосы, он повернулся ко мне.

-Жду через десять минут в столовой! – отец уверенно направился на выход.

Я даже не успела сказать, что не собираюсь спускаться вниз и выслушивать подколки братьев по поводу моего пробуждения в отцовской спальне. А о том, что они уже знают, не сомневалась. Азамат скорее всего самый первый ринулся меня поздравлять, а не обнаружив, побежал оповещать остальных о моем местонахождении. Единственный, кто не в курсе – Ахмет, и то потому что жил со своей семьей в другом доме. Но если отец сказал, что ждет, надо поторапливаться. Десять минут уже давно пошли, а мне нужно было привести себя в приличный вид.

Приличный вид в нашем доме – для меня платье в пол, можно не покрывать голову платком, просто красиво заплести косу. Учась в Лондоне, я так и не сумела перешагнуть через десятилетние привычки, продолжала носить закрытые наряды, которые ничего не подчеркивали, голову через раз то покрывала платком, то нет. Отец никогда не настаивал придерживаться его веры, он мне давно объяснил, что в отличие от братьев, я христианка, так в свое время решила мама. И крестик, который всегда был у меня на груди, почти тоже самое, что для папы кулон с пулей. По каким-то не объяснимым причинам он его никогда не снимал, в глубокой задумчивости или если нервничал начинал его теревить. Но я чувствовала, что крестик и кулон связан как-то связан с моей мамой.

Иногда я думала, а любил ли он ее... В доме не было никаких семейных фотографий в полном составе, чтобы гордо продемонстрировать гостям. Да, в фотоальбомах находила снимки, где я совсем крошка, меня окружали мои братья и две женщины: блондинка и брюнетка, так же был дедушка. Папы на этих снимках не было. Я хотела с ним поговорить о маме, каждый свой день рождения набиралась смелости и составляла вопросы, но каждый раз я просто смотрела в его бездонные голубые холодные глаза и молчала. Мои

вопросы до сих пор были без ответа. А так многого хотелось о ней узнать...

-Не, ну ее можно посылать только за смертью!!! – весело возмущался Азамат, когда я подходила к столовой. Не торопилась заходить и заглянула из-за угла. Папа как всегда был во главе стола пил чай, смотря в планшет перед собою. С правой стороны сидел Азамат, с левой – Али. Рядом с Али сидел мой скромный младший брат- Аман. Не хватало только Ахмета, но мы уже привыкли, что он теперь имеет свою семью, приходил почти каждый день, но редко оставался с ночевкой. Хотя наш дом позволял вместить много людей. Иногда задавалась вопросом, зачем нам этот дворец, мы могли поместиться и в более скромных апартаментах, но, если папа решил, что этот дом ему нужен, спорить было бесполезно.

-Ты так и будешь подглядывать, сестренка! – тихо мне шепнули на ушко. Я от неожиданности подпрыгнула и обернулась. Сзади стоял Ахмет. Имея свою семью, мы все равно его первая семья, мы те, кто всегда рядом с ним. Он крепко обнял меня, держа в одной руке букет цветов, в другой пакетик с фирменным логотипом ювелирного магазина.

-Ахмет! Я думала ты будешь только вечером!

-Ну, как я мог пропустить семейный завтрак, когда у дорогих мне людей сегодня праздник!!! –и он очаровательно улыбнулся, ласково глядя на меня своими теплыми карими глазами. Так еще смотрел Аман. Остальные...остальные могли взглядом убить.

-Доброе утро! –объявил о нас Ахмет, войдя со мною в столовую. Все заулыбались. – Анна, с днем рождения, принцесса! Будь счастлива, остальное мы тебе обеспечим! – мне в руки всучили букет. Ахмет направился к смущенному Аману.

-Аман! – старший брат его обнял, поцеловал и протянул пакетик. – Теперь ты взрослый! – Аман заглянул в подарок и восторженно выдохнул. Брат подарил ему золотые именные часы. Али вскочил на ноги и кинулся ко мне, Азамат оказался проворнее, он первый подлетел ко мне и закружил, вызвав хохот. Али перехватил меня, тоже закружил, каждый из братьев пытался зацеловать до потери пульса, закружить до кружения в голове. Когда я, цепляясь за широкие плечи Али, обрела устойчивость в ногах, Азамат, Аман стояли рядом, широко улыбались, двое первых держали букеты,

старший брат держал торт со свечками на двоих в сторонке. Мы с Аманом переглянулись и одновременно задули зажеженные свечи. Никто не успел даже сказать, чтобы загадали желание. А этого и не нужно было, жизнь итак нам дала очень многое.

Цветы были заботливо забраны прислугой и расставлены в вазы, мы шумно сели на свои места. Мое место всегда было возле Азамата. Пока подшучивая друг над другом, прося подать то джем, то масло, то тост, отец все это время смотрел на нас с легкой улыбкой, потирая пальцем губу, не стремясь вникнуть в наш бессмысленный диалог между собой. Его голубые глаза смотрели довольно.

~~Жалко мамы в этот день день...~~ тихо заметил Аман, когда Али пошутил по поводу того, что нам в нашем составе никаких и гостей не нужно. Все перестали жевать и испуганно вскинули глаза на отца. Он на миг замер, удерживая на весу чашку, устремив на Амана прищуренный потяжелевший взгляд, в котором ясное небо стало затягиваться свинцовыми тучами, поджал губы. Я под столом пнула Амана. Он вскинул на меня глаза, в сторону отца боялся даже посмотреть.

-Аман! Посмотри на меня! – приказал нетерпящим возражений тоном папа. Аман шумно сглотнул и медленно повернулся в сторону отца. – Мама всегда рядом с вами. Пока она живет в сердце, она рядом!

-А если б была возможность ее вернуть, ты бы ее вернул? – тихо спросил Аман. Отец склонил голову на бок, опустил глаза в чашку, которую покручивал в своих руках. Мы переглянулись между собой, поражаясь смелости Амана, он никогда не был в рядах бесстрашных. Молчание было слишком долгим. И стало понятно, что отец не будет отвечать, он поднес чашку к губам и отпил свой зеленый чай. Атмосфера за столом угнетала, легкость ушла, все уткнулись в свои тарелки.

-А мою маму ты бы вернул? – еле слышно спросила, заражаясь храбростью брата, но, когда ложка звякнула об блюдце, все вздрогнули и посмотрели на отца. Его голубые глаза потемнели, стали почти черными, на скулах заходили желваки. Чашка жалобно хрустнула, недопитый чай полился по его руке, какое-то время он не замечал этого, потом резко швырнул остатки фарфора на блюдце и взял льняную салфетку.

-Спасибо всем за столь чудесный завтрак! – процедил сквозь зубы

папа, швырнул салфетку на пустую тарелку и встал, с шумом отодвигая стул. Все виновато молчали.

-Ну, это вы лихо сегодня махнули! – Азамат посмеивался, беря чашку кофе. – Мы сегодня будем веселиться или отпевать храбрых?

-Заткнись Азамат! – Али угрожающе сузил глаза. – Тебе бы только поглумиться!

-Я не заставлял их открывать рот по данной теме!!! Сами себе свили веревку вокруг шеи!

-Не драматизируй! – заметил Ахмет. – Какого хрена вы вообще заговорили про матерей? – на нас сердито смотрел старший брат, Али в выражении глаз был солидарен.

-Просто я последнее время думал о ней. Я ее совсем не помню! – Аман выглядел как провинившийся щенок.

-Я тоже последнее время думала о ней!!! Вы хоть немного помните их, мы же нет! Что тут такого? – кинулась я в защиту младшего брата.

-Анна, послушай, ты прекрасно знаешь, что есть темы, которые в этом доме никогда не обсуждаются: работа отца, личная жизнь отца. И он имеет полное право оставлять за собой выбор, отвечать вам или нет. И вы знаете, что отвечать он никогда не будет! – Али говорил бесстрастно, как учитель, строго и назидательно. Мы с Аманом тяжело вздохнули. Да, сказанное было правдой. Когда-то в школе была тема, кем работают родители, мы пожали тогда плечами, потому что толком не знали, чем занимается отец. Крупный бизнесмен, у которого было столько отраслей бизнеса, что с трудом понимали, что главное, а что второстепенное. Личная жизнь... Став постарше, любопытнее, я весь интернет облазила в поисках информации, но безрезультатно. В этот дом женщины не приходили, в роли хозяек его сердца подавно.

-А теперь доели завтрак, идите к нему и извинитесь! – Ахмет разделял позицию второго брата. Азамат лишь кривил губы в усмешке, вальяжно рассевшись на стуле. Я ткнула его локтем в бок, он только хрюкнул. Балбес!

-Давай принцесса и ученый, пошевеливайте челюстями и шуруйте в логово к людоеду!!! Он как раз позавтракает вашим страхом, раз не дали ему нормально поесть своими вопросами! – когда Азамат был таким ядовитым, я его ненавидела. Его всегда кидало из крайности в

крайность, то любил до потери памяти, то ненавидел до скрежета в зубах. Сейчас видимо мы его раздражали. Ахмет и Али строго на него глянули, но он лишь хмыкнул и отрезав очередной кусок торта, начал есть, игнорируя все взгляды.

Мы с Аманом доели и понурено побрели в кабинет отца. Он почти всегда там был, если оставался дома. Никогда не было так страшно, так виновато и стыдно. Нас просили всего лишь две темы не трогать, в остальном папа всегда отвечал честно, не лгал, старался доступно для детских умов объяснить свою позицию. И ему удавалось, он до сих пор оставался для всех нас самым главным авторитетом, принимая какое-либо решение, мы всегда обращались к нему за советом.

За столом никого не было. Мы переглянулись, посмотрели на балконную дверь, она была распахнута, на террасе сидел отец и курил. Как и в детстве взялись за руки, вместе шагнули на улицу. Голубые глаза прищурено нас разглядывали, не отражая не единой эмоции. Сигарета медленно была затушена в пепельнице, руки сложены в замок и полное внимание.

-Мы хотели извиниться! – Аман заискивающе заглядывал в холодные голубые глаза, пытаясь найти хоть уголек тепла. Но там был арктический холод. Я сделала шаг вперед, надеясь, как и раньше, обниму его за шею, сяду на коленки, и он простит наши шалости. Однако отец предупреждающе поднял руку, показывая, что не стоит к нему приближаться.

-Папа, мне так жаль! – я все-таки протянула руки в его сторону, но он повернул голову в сторону, слегка ее склонив, давая понять, что ему не нужны сейчас мои прикосновения.

-Идите готовьтесь к вечеру! – кивков головы приказал оставить его. Аман покорно повернулся в указанную сторону и пошел. Он никогда не оспаривал решения отца. Как скажет, так и сделает.

-Папа! – я села на рядом стоящий стул, цепenea под холодным взглядом родных глаз. – Нам уже восемнадцать и имеем право знать хоть что-то о мамах, ведь мы их не помним, а фотографии... их ничтожно мало. Воспоминаний братьев тоже ничтожно мало. Только ты, проживший рядом с ними, можешь нам рассказать, какие они были, что любили, какие у них были мечты-планы! Папа... – я коснулась его руки, но он убрал ее. Красивое лицо со стильной

бородкой оставалось бесстрастным, его нисколько не тронули мои слова, моя интонация.

-Иди Анна. У тебя сегодня будет длинный день! – голос его был сухой, ни теплоты, ни ласки. Я обиженно засопела, раньше он сгребал в свои объятия и начинал щекотать, зацеловывать, лишь бы я рассмеялась. В этот раз мельком взглянул, встал и без слов направился в дом. Настроение было подавленным. Уже и не хотелось праздника и толпу, которую позвала на этот пир. Но все оплачено, гостям давно разосланы приглашения, значит бал должен состояться при любой душевной погоде.

P.S Приветствую Вас, дорогие читатели!!! Как Вам новая история семейки Каюм, в частности какое впечатление у Вас сложилось от Анны?

с уважением Валентина Кострова

2 глава

Ричард (13.07.2018)

-Вау, сестренка, а ты не говорила, что твоя подружка-скромница живет в таких хоромах! – присвистнул, когда машина въехала на частные владения Каюма. Кто бы мог подумать, что Анна Каюм, дочь того самого Саида Каюма. Я о нем наслышан, лично никогда не сталкивался, но то, что услышал было достаточно. Серьезный бизнесмен, придерживаясь жесткой, тоталитарной политики ведения дел. Он никогда не ввязывался в сомнительные предприятия, все чинно и прилично. Даже скучно, но глядя на ухоженные газоны, толпы слуг, шикарные машины, что подъезжали к крыльцу, я понял, что этот человек может решить многие проблемы. Проблемы всей семьи. Украдкой взглянул на отца, он успел перехватить мой взгляд. Оскар Стоун скупой улыбнулся.

-Да, сын. Ты правильно все понял, если наследница Каюма обратит на тебя пристальное внимание, очень многие вопросы будущий родственник решит. И ты вновь будешь жить беззаботно и вольготно. Но тебе придется быть аккуратным в своих пристрастиях и увлечениях! Девочка не должна знать, какой ты на самом деле! – это предостережение мне не понравилось. Я, конечно, не показывал на публику, какой на самом деле убогодок и конченный идиот, постоянно оглядываться через плечо тоже не хотелось. Но долги, возможное банкротство компании ставили свои условия.

-Она хоть симпатичная? – я любил красивых девушек, с формами, чтобы было куда ткнуться, за что схватиться и что шлепнуть. Если наследница страшна, как ведьма из сказок, еще подумаю, стоит ли себя связывать по рукам и ногам.

~~А ты так и не удосужился ее хоть раз рассмотреть, когда она ко мне приходила! — Сара насмеялась, ее серые глаза злорадно прищурились. Не ей спасать компанию, мать завещала этой бестолочи свое состояние, а меня оставила на попечение отца. Кризис, конкуренция, жизнь на широкую ногу меня и отца, подточили все резервы компании, теперь только человек с деньгами и грамотным управлением мог вытащить семейное детище из дерьма. Мы с отцом между собой признали, что управлять бизнесом это не наше, а вот жить в удовольствиях, в этом мы были схожи.~~

Напряг память, вспоминая всех подружек сестрицы. Из однотипной толпы выделялась одна: черноволосая, волосы всегда заплетены в толстую косу, с большими голубыми глазами, в одежде, которая скрывала ее тело. Пару раз я даже замечал на ней платок. А еще помню меня зацепило, что при моем появлении эта девушка всегда опускала глаза в пол. Покорная. Она стала бы идеальной парой для доминанты, как я. Член в брюках напрягся, поерзал, стараясь уgomониться себя.

-Это мышка что ли? – искривил губы в улыбке. Сара неохотно кивнула. Интересно, наследница Каюма сегодня будет в парандже? Небось еще и девственница. Чем больше я размышлял о предполагаемой своей невесте, тем больше тело напряглось и хотелось выпустить это напряжение, резко, жестко и неважно с кем. Можно было б зажать в углу какую-нибудь служанку, потрахать ее от души и сунуть несколько долларов в лиф. Ей чаевые, а мне пар выпустить из штанов.

Роскошь, богатство, сверкание хрусталя и серебра, ослепляли, как и гости. Каждый из присутствующих был одет от ведущих дизайнеров, женская половина соревновалась в изысканности своих украшений. Мне даже стало не по себе, когда в толпе я увидел представителей королевской семьи Эмиратов. Кто этот Каюм, что тут не только политики, уважаемые люди, влиятельные бизнесмены, но и принцы??? Он что сам Господь Бог или Дьявол?

-А что тут делают королевские особи? – шепотом спросил у Сары. Она посмотрела в ту сторону, куда и я смотрел. Возле принца стояла

довольно внушительная толпа.

-Насколько мне известно, старший брат Анны, Ахмет, женат на племяннице принца. А принц очень сдружился на фоне общей любви к лошадям с ее отцом! –сестра посмотрела на меня серьезно. –Тебе придется сильно постараться внушить доверие не только Анне, но и ее церберам.

-В смысле? – чем больше я смотрел на окружающих, тем больше мне хотелось стать частью этой семьи, этой жизни. Это было совершенно другой мир! Мир больших денег и огромного влияния. Да я буду ни в чем не нуждаться, я буду как у Христа за пазухой!

-Видишь вон тех трех парней, что стоят возле лестницы и к ним постоянно все стремятся подойти! – Сара указала пальцем на троих парней в одинаковых смокингах. Только у одного в петлице была красная роза.

-И?

~~С красной розой можешь не воспринимать в серьез, это младший брат Анны, он с ней родился в один день, милый, добрый мальчик, с безумно красивыми карими глазами! А вот двоих стоит остерегаться, они за Анну не раздумывая полезут не только в разговоры, но и в драку, забудут насмерть или сделают пожизненным инвалидом, если только заподозрят, что их малышку обижают. Но самого главного Цербера тебе стоит обходить километрами, если он только почувет что ты просто не так посмотрел на его девочку...~~ мы с сестрой подняли глаза наверх, когда музыка смолкла. Там на площадке второго этажа стояла самая потрясающая девушка, которую я только видел. Ее красное платье было закрытым, но позволяло увидеть, что фигура была что надо и округлости в нужных местах также присутствовали. Черные волосы цвета вороного крыла были собраны в низком пучке, а на голове, как и положено принцессе, красовалась бриллиантовая диадема. Такие же бриллианты сверкали в маленьких ушках, на тонком запястье и на среднем пальчике. Она была восхитительной, обольстительной, желанной. Я непроизвольно сделал несколько шагов, не отрывая глаз от этого соблазнительного создания. Но стоило мне просто перевести взгляд на ее спутника, как ноги сами сделали пару шагов назад. На меня смотрел грозный хищник. В упор. Он из всей толпы почему-то выделил именно меня и не отпускал взглядом. Я судорожно сглотнул, ощущая, как противно взмокли ладони, воротник рубашки стал тесен до невозможности.

-Ну вот и главный ее Цербер, который глотку перегрызет за свою малышку! – шепотом договорила Сара. Да уж, этот перегрызет в прямом смысле слова.

€айд

До торжественности части вечера время еще было. Настроение, испорченное детьми с утра, выше не поднялось, но я уже научился контролировать свои эмоции. Жизнь заставила научиться, с наличием новых родственников, которых пугать не стоило. Поэтому мое сдержанное поведение никого не смутило, по большому счету я всегда таким был, срываясь только в самых темных местах, среди самых проверенных людей.

В руках держал довольно большой бархатный футляр. Постучался в дверь. Анна уже взрослая девушка и приходит к ней в комнату без стука перестал, когда она впервые мне сказала, что у нее растет грудь. Я понимал, что из-за отсутствия матери девочка всеми проблемами, переживаниями делилась со мною, из-за отсутствия матери мне приходилось первому узнавать, когда у нее начались первые месячные, когда у нее выскочил первый прыщик, когда у нее появились лишние килограммы. Именно мне приходилось успокаивать ее, когда гормоны брали победу над рассудком. Утешать в первой несчастной любви, пряча усмешку. Я ее любил до потери рассудка, но тщательно скрывал, что она моя слабость. Она была мне не Ариной, она была нечто больше для меня. И любого, кто ее просто обидит, я укатаю в асфальт.

-Папа!? – когда я вошел, на секунду задержал дыхание. Медленно подошел, смотря в бездонные голубые глаза, умелый макияж делал их еще глубже, еще притягательнее. Осторожно коснулся ее щеки, проведя пальцем по идеальной смуглой коже. Она была похожа на меня. Я жадно всматривался в это красивое лицо, пытаюсь хоть черточку найти любимой блондинки, но видел только себя.

-С днем рождения, моя прелесть! – улыбнулся, впервые за весь день, улыбнулся так, что голубые глаза наполнились слезами счастья, а губы дрогнули в робкой улыбке. Анна с протяжным вздохом обняла за шею, утыкаясь в мою грудь. Аккуратно прикоснулся к волосам, не хотелось портить прическу. Сегодня она принцесса и это ее бал. Аман никогда не стремился занять лидерское место. Всегда был доволен

второй ролью. Вот и сейчас, вместо того, чтобы выйти вместе с нами, он уже был внизу с братьями, как родственник, словно этот праздник его не касался.

-Дорогая, – приподнял лицо дочери за подбородок. – Не надо плакать, а то испортишь всю работу своего мастера! – поцеловал в нос и отстранился, открывая футляр. Эксклюзивная работа одного известного ювелира. Бриллианты, чистые алмазы, предоставил принц Эмиратов, когда на скачках я поведал ему, что планирую подарить дочери на совершеннолетие по российским законам. Мне тут же любезно предоставили возможность купить драгоценные камни по цене ниже рыночной и дали контакт мастера, который узнав откуда у меня его номер телефона, сразу же принялся за работу, отложив другие заказы на неопределенный срок. Камни блеснули на голове, на руках, в ушках. Анна была достойна носить такие украшения. Сжал зубы, понимая, что сегодня родители всех холостых сыновей укажут на мою девочку. Только вот не все знают, что я не каждого подпущу к своей дочери.

-Папа! – Анна крутилась возле зеркала, постоянно трогая то сережки, то браслет, то колечко, трепетно касалась диадемы. – Это просто потрясно!!! Я чувствую себя самой необыкновенной в этот день!!!

-Ты и есть самая необыкновенная!!! – протянул руку, переплетаясь с нею пальцами. – Готова?

-Да!!! – она восторженно мне улыбнулась, выпрямила спину, и мы покинули ее комнату, чтобы выйти на главную лестницу перед всеми гостями. Собрались все, не было ни одного письма с извинениями за невозможность присутствовать на мероприятии. Я смотрел вниз и видел эту нарядную толпу, видел каждую реакцию приглашенного человека. Впитывал в себя все их восхищение моей дочерью. Внезапно, пробегаясь по толпе, зацепился взглядом за молодого человека, который застывшим взглядом смотрел на Анну и шел к лестнице. Я видел его похоть, я кожей ощущал, как он жадно рассматривал ее тело под скромным и одновременно вызывающим платьем, я готов был тут же лишить его глаз, чтобы он так откровенно не смотрел на Анну. Почему-то другие так не пялились, знали, кто я такой и как меня зовут, а этот видимо был не в курсах. Зверь скалил зубы, он сидел смирно, но в упор смотрел на умалишенного. Наконец-то, встретился со мною глазами и сделал несколько шагов назад. Медленно выдохнул, увидев в его глазах страх. Да, бойся, бойся не

просто подойти. Бойся дышать рядом с нею.

Анна (14.07.2018)

Вечер удался. Вечер был прекрасен. Я купалась во всеобщем внимании, пытаюсь моего брата Амана, вытащить в центр, чтобы гости знали и о нем. Но младший брат предпочитал быть в тени возле старших братьев, скромно стоял со стаканом какой-то коричневой жидкостью похожей на кока-колу.

Первый танец, открытие этого праздника я станцевала с папой. Он не любил танцевать, полгода назад даже не умел, но я его уговорила научиться хотя бы вальсировать. Мне пришлось занять выжидательную позицию, в конце концов он сдался и даже нашел время для занятий три раза в неделю. И сейчас меня переполняла гордость за него, как он ловко, уверенно вел меня, крутил в разные стороны, словно за спиной был опыт бальных танцев. Мой герой! Мой идеал! Мой папа!

-С днем рождения, доченька! – ласково произнес Саид Каюм, не меняя строгого выражения лица. Только голос, только глаза подсказывали мне, что это было произнесено для меня, своего рода признание в любви. Я величественно склонила голову, показывая ему, что услышала, приняла и счастлива. Поцеловав кончики моих пальцев, развернул на сто восемьдесят градусов, и я оказалась в крепких объятиях Азамата. Вот он любил танцевать, его движения была пластичны, грациозны, я видела, как в зале все девушки пожирали его глазами. И зная, что привлекает к себе внимание, Азамат стрелял своими порочными темными глазами в разные стороны, мысленно я пожелала удачи будущей жертве, ощущая, как крепкие руки брата сжимаю меня в талии и притягивают к себе в собственническом жесте. Это была наглядная демонстрация кто стоит за моей спиной.

Гости улыбались, смеялись. Сегодня как никогда ранее получала удовольствие от комплиментов и восхищенные взгляды мужчин не пугали. За спиной был папа. Его внимательный взгляд и заботливые взгляды Али и Азамата давали ощущение защищенности, безопасности. Поэтому, когда ко мне подошел Ричард Стоун, брат Сары, моей однокурсницы, я ему улыбнулась. Бывая в доме Сары, ее брат мало обращал внимания на подружек сестры, я его заметила сразу и с первого взгляда он мне понравился. Высокий, с темно-русыми волосами, которые всегда были идеально уложены, с

красивыми светло-серыми глазами, которые меня и пугали, и манили, идеально очерченные губы, с фигурой модели и одновременно греческого Бога. Он был не слишком смазлив, чтобы вызывать приторную тошноту, но притягивал взгляды. Наверное, из-за ощущения уверенности в себе он держал себя как хозяин жизни. У него хищная энергетика. Как у папы. Он мне нравился. Он меня притягивал к себе.

-Могу я вас пригласить на танец? –Ричард смотрел мне прямо в глаза, удерживая меня своим нереальным взглядом. Я оглянулась через плечо. Он тоже посмотрел туда, куда смотрела я. Отец стоял с принцем Эмиратов и увлеченно с ним беседовал, перевела взгляд на братьев: Али очаровывал какую-то девушку, а вот Азамат смотрел на меня. Медленно изучающе он скользнул взглядом по Ричарду, склонил голову набок, секунду раздумывая, затем согласно кивнул. Я облегченно выдохнула.

-Вам все время требуется спрашивать разрешения у отца или братьев? –Ричард с первой же мелодии закружил в вальсе. А он хорошо танцует, даже удивительно.

-Пока меня не выдадут замуж! – тихо рассмеялась, замороженно смотря в глаза. Вблизи они стали похожи на серебро, которое переливалось в зависимости от света. Как мои бриллианты.

-То есть пригласить вас прогуляться в парке завтра мне не суждено?

-Если для начала вы не спросите разрешения у отца.

-У меня есть шанс получить его согласие?

-У каждого из присутствующих есть шанс получить его согласие! – мысленно я очень хотела самостоятельно согласиться на предложение Стоуна прогуляться, но понимала, что папа вряд ли по головке погладит. И к моему сожалению музыка закончилась, Ричард любезно подвел меня к отцу, возле которого стояли уже Али и Азамат. Даже я поежилась от их оценивающих взглядов. Три пары глаз выдержать было не каждому под силу, но кажется Ричард справился, отчего отец прищурился и посмотрел на Али, тот кивнул головой, понимая приказ без слов. Интересно какой?

-Мистер Каюм, возвращаю вашу ценность прямо в руки! Простите, что имел наглость увести ее без вашего разрешения! –Ричард говорил без улыбки, но все слышали его иронию, отчего Азамат внезапно из спокойного превратился в разъяренного. Его карие глаза готовы здесь

и сейчас избить собеседника за его ироничное отношение. Я сделала шаг вперед и успокаивающе взяла его руку, чуть выше локтя. Кажется, братик выдохнул, уже миролюбиво смотрел на меня с высоты своего роста.

-Благодарю! – отец склонил голову набок. –В следующий раз трижды подумайте, прежде чем возьмете чье-то без спроса, последствия могут быть не предсказуемы! – я украдкой на него глянула, в голубых глазах застыло предупреждение. Ричард несколько секунд смотрел не мигая, кивнул в понимании и, откланявшись, ушел.

-Таким темпом я останусь старой девой! Когда смогу сама решать, с кем встречаться, с кем дружить, от кого уходить? – тихо произнесла, теребя рукав пиджака Азамата. Отец повернулся ко мне, прищурившись.

-Посмотри на меня! – пришлось найти в себе смелости не только говорить, но и смотреть в родные голубые глаза. –Ты хочешь сказать, что этот Стоун тебе нравится?

-Возможно...-симпатизировала, не исключала возможности, что и смогла бы полюбить. Что-то в нем было такое. Что заставляло мое дыхание сбиваться.

-Отвечай прямо, а я еще подумаю, достоин этот англичанин тебя или нет!

-Позволь мне самой выбирать!!! Почему всем ты даешь свободу в личной жизни, а я словно особенная какая-та!!! – отпустив руку брата, шагнула к папе впритык. Его губы сжались, а глаза...я сделала шаг назад от страха. Он моргнул и уже смотрел на меня знакомым сердитым взглядом. А то что было ранее, это было незнакомо мне, хищное, опасное. У меня до сих пор волоски стояли дыбом, а в душе все застыло.

-Хорошо, Анна. Я позволю тебе сделать свой выбор. Один единственный выбор и пеняй потом на себя, если он окажется ошибочным. Считаю это своего рода моим очередным подарком!

-Я не ошибусь!!! – радостно воскликнула, порываясь кинуться к нему на шею, но он выставил ладонь вперед, не позволяя к себе приблизиться. Внезапно опять в его глазах мелькнула пугающая тень, улыбка застыла на губах, медленно перевела взгляд на Али. Его холодные карие глаза смотрели на меня безразлично. Но я знала, что это показательно, на самом деле за этой маской были чувства. Азамат

не прятал свои эмоции. Он был недоволен моим поведением, смотрел на Ричарда, как хищник на добычу, которая еще была далеко, но рано или поздно окажется в его лапах. Я толком не понимала, почему они себя так ведут, но было ясно одно: Ричард им не нравился.

Остаток вечера я провела в компании Ахмета и его семьи, вместе с Аманом. Остальные мужчины моей семьи стояли в сторонке, вели себя, как и прежде, но я видела, как отец постоянно что-то говорил Али, следя за Ричардом. Я сама следила за ним, и когда мои глаза встречались с его серебром, сердце замирало. Кажется, со мною это впервые.

Ричард

Размер кабинета поражал воображение. Тут была так же огромная библиотека, диваны, софы для уютного времяпровождения. Даже кресла возле огромного дубового стола были удобны, расслабляли и хотелось просто сидеть. Вся обстановка была выдержана в едином цветовом стиле, смесь Европы и Ближнего Востока. Сувениры, подарки подсказывали чем можно удивить хозяина кабинета. Меня завораживали мечи, которые висели на стенах. Подозревал, что это подарки королевской семьи. Они видно очень сильно уважали Каюма. Или боялись. А его стоило бояться, это я понял, когда возвращал ему Анну. Эти холодные голубые глаза умели и практиковали убивать. Взглядом точно, а вот сможет ли реально Каюм убить человека, не брался судить, ибо может на вид человек внушает страх, а на деле и таракана не обидит. Хотя интуиция предупреждала не быть столь наивным.

-Простите, что заставил ждать! – Саид Каюм не спеша пересек кабинет и замер возле стола, аккуратно кладя стопку каких-то бумаг и писем себе на стол. Его голубые глаза любезно меня разглядывали.

-С чем пожаловали?

-Доброе утро, мистер Каюм! Я вчера спрашивал у Анны сможет ли она со мною прогуляться по парку, она сообщила, что для этого требуется ваше разрешение. Вот пришел спрашивать! – улыбался, глаза напротив на миг потеплели при упоминании имени дочери. Ага, значит малышка его любимая девочка, значит ради ее счастья папочка сделает все возможное. Осталось только влюбить это голубоглазое создание. И черт бы побрал, она была прекрасна, я во время танца чуть не сошел с ума от ее парфюма, который не только

дразнил, но и возбуждал до ломоты.

-Знаете, мистер Стоун... -Каюм садился в кресло, а я поспешно решил сократить пропасть между нами. Пусть привыкает к моему имени, ведь будем родственниками.

-Ричард! – очаровательно улыбнулся. Черные брови вскинулись, голубые глаза медленно скользнули по мне сканирующим взглядом, холодок побежал вдоль позвоночника, захотелось поерзать на месте.

-Еще скажи Ричи! – процедил Каюм, снимая предо мною маску. Я судорожно сглотнул. На меня смотрел зверь. Опытный, опасный зверь, который перегрызет здесь же мне глотку, если я что не так скажу. –Значит так Стоун, слушай и запоминай меня, повторять не люблю и не практикую! Скажу откровенно, ты мне не нравишься! На уровне интуиции, ты может быть отличный парень, но при виде тебя у меня возникает жгучее желание свернуть тебе шею. Не объяснишь почему?

-Может потому что ваша дочь теперь может быть не только вашей? – выпалил прежде чем подумал, глаза напротив готовы были меня уже сейчас удушить.

-Ты можешь ухаживать за ней, плестись сзади, восторгаться и прочую ересь нести, но спать ты с ней не будешь!

-Вы неправильно меня поняли!

-Неужели? – иронично вскинутая бровь подтвердила, что человек умеет читать мысли. Ведь я думал же, как трахнуть эту брюнетку, где, в какой позе и сколько раз. – Держи свой член при себе, иначе можешь с ним распрощаться, а я пустых слов на ветер не бросаю!

Я непроизвольно сжал ноги, пряча свою радость и гордость. Каюм злое усмехнулся, заметив этот жест. Черта с два, не покажу ему, что испугался! Это всего лишь слова, которые никогда не станут делом.

-Папа! – в кабинет влетела Анна. Я и Саид Каюм встали с мест и улыбнулись. Все же она прелестна. Сейчас на ней было воздушное платье цвета голубой лазури, скрывающее все, но будоража воображение больше, чем если бы она пришла в топике и шортах. Ее черные волосы были распущены, волной ниспадали на спину. Голубые глаза радостно вспыхнули, увидев меня. Да, детка, я пришел за тобою и однажды уведу тебя в свой дом, где ты будешь только

моей! И не страшен нам какой-то папа.

-Анна! –Каюм обогнул стол, Анна подошла к нему и протянула руки, отец послушно их взял и слегка поцеловал в лоб. А эта хитрюга украдкой смотрела на меня и ее радость была осязаемой. Я улыбнулся именно ей, чувствуя, как что-то потянулось внутри сладкое, зефирное. Непривычное для меня состояние, но глядя на девушку хотелось именно розовых слоников, сахарной ваты и воздушных шариков. А папа все-таки разрешил нам прогуляться в ближайшем парке в сопровождении ее личного телохранителя.

P.S. Вот и бал! Как вам новый персонаж? С ним еще будем знакомиться, узнавать его мотивы. страхи, желания!!! Как вам Саид? Все такой же? Благодарю каждого за лайк, за комменатрии! Безумно приятно!

С уважением Валентина Кострова

3 глава

Скачано с сайта knigomania.org

Саид (15.07.2018)

Раздраженно отложил в сторону бумаги и уткнулся лбом в сложенные ладони. Я держался из последних сил, чтобы не начать копать под Стоуна. Если начну искать повод его отвести от Анны, а я его найду в любом случае, тогда мои слова дать ей один шанс самостоятельно сделать выбор – всего лишь блеф. Она перестанет мне верить. Я перестану быть ее героя, кумиром, идеалом.

Сделал глубокий вздох, взглянул на часы. Эта парочка уже неделю гуляет в парке по два-три часа. Что можно там нового увидеть с каждым визитом? Я чувствовал, как злость брала надо мною верх, как рука порывалась набрать Али и дать команду «Искать». Внутренний зверь беспокойной скулил, не давая мне возможности отстраниться от ситуации Стоун и Анна. Даже постоянная охрана меня не успокаивала, отчеты тоже меня не убеждали в том, что этот англичанин пришел с благими намереньями. Я чувствовал всем своим нутром, что ему в руки мою девочку лучше не отдавать. Потому что что-то мне подсказывало, что за привлекательной внешностью скрывается такой же хищник, как и я. Правда, мелкой породы, при желании можно было его одним щелчком раздавить. Я

злился, что ляпнул про свободу выбора. Злился, что Анна приняла мои слова! Злился, что ее интерес не совпадал с моим интересом.

-Все улажено! – в кабинет без стука в обычной своей манере вошел Азамат, небрежно кинул мне файл на стол. Я поднял на него глаза, рассматривая этого парня, не понимая, почему он не может взять себя в руки и всегда контролировать свои эмоции. Извращенная форма моего внутреннего Я в реальной оболочке. Заметил рассеченную бровь.

-Ты опять дрался?

-Ты об этом? – сын прикоснулся к бровям, скривился в улыбке, прищуривая свои дикие глаза. – Сущяя ерунда. Так, потолковал с одним малым, слабак. С первого удара рухнул с переломанным носом.

-Надеюсь, что с закрытыми боями покончено? – взял для вида документы, показывая Азамату, что спросил между делом, особо не тревожась. Но на самом деле дергался каждый раз, когда мне доносили, что сын принимает участие в этих смертельных боях. Живыми участники оттуда не выходят.

Он молчал, отводя глаза в сторону. Сукин сын! Я его сам прибую быстрее, чем кто-то из «псов» каких-нибудь авторитетов. Терпения просто не хватит сносить все его выходки.

-Азамат, я тебя убью! – прошипел-это было хуже, если бы я орал, то собеседнику просто пришлось переждать бурю. Если шипел, ничего хорошего не жди. Сын вздрогнул, занервничал, закусил губу, но в глаза не смотрел. Правильно, нечего дразнить зверя! –Еще раз узнаю, что ты был там, сам сверну тебе шею, чтобы ты не дожидался своего последнего боя!

-Но отец... -выпалил Азамат, но я его грубо прервал:

-Заткнись, щенок! Я не шучу, честное слово, твое поведение меня подбешивает! Без тебя хватает проблем и ты их еще создаешь!

-Но мне скучно!

-Скучно? – откинулся на кресле, качая головой. В его возрасте я точно не скучал, я бегал по горам, убивал своих-не своих, толком не разбирая. Дали команду, пошел исполнять. И было плевать, что где-то у меня был дом, молодая жена и ребенок. Вот что значит кое-кто родился с золотой ложкой во рту. Али хоть на меня работает, наравне

тянет лямку, делая свою репутацию сам. А этот...сплошное разочарование, неоправданные надежды.

-Займись делом! Хватить из себя строить мажора, включайся в наш бизнес! – прищурено наблюдал, как загорелись темные глаза, как звереныш начал вилять хвостом в предвкушении больших дел. Наивный! –Начнешь с самой низкой ступеней: «шестеркой» будешь.

-Но Али не «шестерка»! – возмутился Азамат зло сверкая на меня глазами. Я хищно улыбнулся, чувствуя, как со временем мы все-таки сцепимся. Слишком одинаковые. Слишком много нас в друг друга.

-Али, милый мой, с восемнадцати лет пашет рядом со мною по двадцать часов в сутки, и начинал тоже не с той должности, которую сейчас занимается. Пока ты качал свои мышцы, трахая своих девственниц на заднем сиденье моих машин, он зарабатывал свои деньги, не упоминая свою фамилию. А ты что? На каждом углу фыркал: я Каюм! Смотрите на меня, какой я афигенный, клевый мальчик, при этом увлеченно махая кулаками в боях, где выбить зубы – это обычное дело!

-Я как паршивая овца в семье?

-Да ты даже не овца. От овцы хоть толк в виде шерсти, а ты что-то непонятное. Если не возьмешься за ум, заблокирую все твои карточки, закрою доступ во все заведения и выселю из дома! Может даже из страны!

-Ты этого не сделаешь! – нахально заявил Азамат, вскидывая победно уголки своих губ. Я противно ухмыльнулся.

-А ты проверь, и мы посмотрим, смогу я или нет! – в карих глазах мелькнула тень сомнений, задумался. Даже не стал в ответ что-то говорить, встал и ушел. А я потянулся к телефону, звонить Абу, интересоваться, где моя принцесса с серым волком.

Анна

Ричард просто...mmm. Даже слов не находила какой он. А от его улыбки я таяла, как мороженное. А какие у него глаза, чистое серебро, так бы и смотрела бесконечно, долго, со смесью восторга. Сердце каждый раз учащало ритм, едва слуги сообщали о его приходе. Папа фыркал, но молчал, просто наблюдал. Да, охрана напрягала, но я понимала от этого никуда не денешься, это часть той

жизни, которую веду рядом с отцом. На моей памяти всегда было, что меня кто-то сопровождал, оберегал, готов был отдать свою жизнь за мою.

-А он всегда ходит за тобою хвостом? – Ричард выразительно глянул за спину. Я не стала оборачиваться, знала, что недалеко сидит Абу. Верный папин человек, который меня страшил и рядом с которым я знала, что мне ничего не угрожает. Абу пугал одним взглядом свои карих глаз. Единственного кого он не может пересмотреть был опять же папа.

-Да. Сколько себя помню, Абу всегда был рядом.

-Почему? – Ричард поднес стакан к губам, а я заворуженно наблюдала, как он пьет обыкновенную воду. Тряхнула головой, смущенно опуская глаза. В кафе, в котором мы сидели после прогулки, было малоллюдно, уютно.

-Не знаю. Так всегда было.

-Интересно, когда ты выйдешь замуж твой охранник идет приложением?

-Не берусь судить. Папа очень щепетилен в плане безопасности. У Амана так же охрана.

-А у остальных?

-Остальные сами о себе заботятся, они взрослые мальчики, мы как самые младшие все еще под присмотром.

-Анна! – Ричард взял мои руки в свои и слегка сжал их. Резкая смена темы сбила с толку, заставив взволноваться. –Ты просто неповторима, прекрасна! Я до сих пор не верю своему счастью, что ты появилась в моей жизни! Как ты думаешь, твой отец отпустит тебя со мною прогуляться на яхте? – его серебристые глаза вспыхнули, опутывали тонкими нитями, которые не рвались, я чувствовала, что с каждой встречей становлюсь все ближе и ближе к этому мужчине. Это напрягало, это пугало, это манило своей неизвестностью. И теперь не сразу засыпалось, а воображение уже рисовало совсем постыдные картинки, но я их жаждала. Было стыдно думать о поцелуях, о крепких объятиях, о близости. Каждую ночь мне становилось душно, а низ живота начинал томиться, в груди связывался узел. Теперь мне не хотелось бежать к папе по утру, нырять под прохладные простыни, теперь я хотела оказаться в кольце

других рук, чувствовать другое тепло.

-Я постараюсь его уговорить.

-Только без сопровождения, хочется побыть наедине. Только ты и я, и море за бортом!

От этих слов стало сладко и банальные бабочки запорхали по всему телу. Я чувствовала, что прогулка будет неповторимой, чудесной и возможно новой точкой наших отношений. Только вот до конца почему-то не была полностью уверена, что мне хотелось менять курс наших отношений. Меня в принципе устраивали наши прогулки, мои вечерние мысли, на большее я не решалась, было какое-то тревожное сомнение.

Голубые глаза сердились. Нет, они просто горели злостью. Я судорожно сглотнула, расправляя складки платья на коленках. Но нужно быть храброй, отстаивать свои интересы, проявлять самостоятельность, которую мне любезно предоставили.

Папа медленно выдохнул, приложил кулак к губам. Мне даже показалось, что слегка прикусил зубами кожу на костяшках. Затем выпрямился, откинулся на кресле и распустил галстук, расстегнул пару пуговиц на рубашке. На шеи блеснула золотая цепочка с кулоном. Он ее затеребил. Я напряглась. Если папа нервничает, это не очень хорошо.

-Аня! – это очень нехорошо. Русским именем он называет меня крайне редко, называет, когда разговор предстоял на серьезные темы. Не думала, что разрешение на прогулку с Ричардом на его яхте – это серьезная тема.

-Ты уже взрослая девочка и понимаешь, что когда молодой мужчина типа Стоуна приглашает тебя на прогулку в открытое море, где кроме вас никого не будет, это не просто прогулка!

-В смысле? – недопоняла я его, а он стиснул зубы, отвернулся к окну и долго молчал. – Пап, мы просто покатаемся на яхте и вернемся. Что может случиться за это время? – он бросил на меня странный прищуренный взгляд из-под ресниц. Видимо я чего-то не понимаю. Видно где-то в моих знаниях был пробел, да, отношения с противоположным полом у меня складывались специфически. Мальчики проявляли симпатию, некоторые даже осмеливались

целовать в щечку, брать за руку, но все это длилось до того момента, пока на горизонте не появлялся Али или Азамат, или папа. Но папа вмешивался в более старшем возрасте, детские чувства мальчика и девочки его не интересовали, а вот когда встал вопрос моего обучения в Англии, где я собиралась жить одна, он с особым вниманием контролировал каждый мой шаг, мониторил мое окружение. Абу был со мною. И его присутствие уже было веским поводом парням обходить меня стороной, при этом общение с девочками не так жестко контролировалось.

-Хорошо. Только я сам отвезу тебя в порт, как говорится из рук в руки, под расписку! – я с радостным визгом кинула ему на шею, прижимаясь к его щекам своим лицом, чувствуя, как его крепкие руки меня обняли и прижали к груди. Рука сама потянулась к кулону, покрутила. Пуля. Эта загадочная пуля. Когда-нибудь я спрошу его о ней!!! И он обязательно расскажет.

Ричард

Твою мать!!! Уж лучше был бы охранник, чем сам Каюм. Я прищурено наблюдал, как остановился черный джип, как из него выпорхнула в белом платье Анна с распущенными волосами, держа на плече большую плетеную сумку, как с водительской стороны вышел Саид Каюм, надевая сразу же очки. Да, солнце палило нещадно. Но я чувствовал, как руки похолодели и внутри все напрягалось, едва они подошли ко мне. Если рядом с Анной я по сей день испытываю невообразимую похоть, желание опробовать ее на вкус, то рядом с Каюмом мне хочется превратиться в статую. Бездушную. Но я улыбаюсь, делая вид, что безумно рад их видеть. Саид Каюм не улыбнулся, и, наверное, хорошо, что на нем были очки, я кожей чувствовал его сдерживаемую ярость.

~~Стоун! —сухо-голос, легкий налет холодности. —К вечеру, чтобы вернул мне дочь в целостности и сохранности! —пауза, волосы во всех местах встали дыбом. —В прямом и переносном смысле. Иначе...~~ на губах появилась улыбка. Так улыбаются бойцовые псы, слегка приподнимаю губы, обнажая свои десны, показывая какие у них сильные зубы. Так улыбается убийца перед контрольным выстрелом. Блять!!! Я никого никогда не боялся, но сейчас чувствовал, петля, добровольно наброшенная на шею, медленно стягивалась вокруг моей шеи. А стоит ли играл свеч? Не многим ли я рискую, связываясь с Анной? Посмотрел на девушку, которая

послушно стояла в сторонке, в поле видимости, но разговор не слышала. Ветер трепал ее черные волосы, она скромно улыбалась, бросая на нас украдкой любопытные взгляды из-под своих длинных ресниц. А эти слегка пухленькие губки манили и были приоткрыты. В голове зашумело и картинка, как я сую свой член в этот влажный рот, опалило мое воображение. Быстро поморгал. Если Каюм хоть на миг заподозрит, что я собираюсь делать с его малышкой на яхте, он сразу же утопит меня возле этой же яхты, даже не закатывая рукавов своей рубашки.

-Вы не о том подумали! – лучезарно улыбаясь, повернулся к Каюму. Он медленно снял очки и прищурился. Я вздрогнул. Как человек может так смотреть??? Вот таким убийственным, тяжелым, готовым резать по живому, взглядом.

-Тебе лучше не знать, о чем я подумал! – в голосе проскользнули тихие предупреждающие нотки об опасности. –И в твоих интересах вернуть мне ребенка в первозданном виде!

-Я понял!

-Вот и славно, люблю людей понимающих сказанное с первого раза! – опять этот звериный оскал, но как только он повернулся в сторону дочери, никакого грозного папочки не было, только сладкая улыбочка, глаза полные нежности. Саид Каюм подошел к Анне, что-то ей сказал, она широко улыбнулась, заставляя мое сердце сбиться с ритма! Чертовка! Сделаю все возможное, чтобы она как никогда зависела от меня и папочке ничего не останется, как свыкнуться с мыслью, что рядом с его ценностью буду я.

Вокруг нас было только море. Я поглядывал на загорающую Анну. Она расположилась на носу яхты, вытянула свои соблазнительные ноги и лежала. Впервые мог блуждать пожирающим взглядом по ее телу, сглатывая слюни от этого прекрасного тела. Она была чудесна. Нет, она была просто совершенством, природа чудесно над ней потрудилась. Тонкая шея, соблазнительные выпирающие косточки ключицы, упругая, небольшая грудь, прикрытая сплошной полоской черного бюстгальтера купальника. Ниже плоский живот, еще ниже веревочки под названием трусики возбуждали меня, дразнили. Папочка видимо не в курсе был какой купальник наденет его дочь. А я думал, что она вряд ли разденется, а если разденется, то на ней окажется какой-нибудь уродский купальник. Сомневаюсь, что Каюм бы допустил такое откровение, что было на ней сейчас. Анна

оказывается еще та штучка, умела бунтовать. Выдохнул сквозь зубы. Мне нужна разрядка. Если до девушки мне категорически запретили дотрагиваться, оставался «порошок». Он, конечно, меня полностью ниже пояса не расслабит, но хоть переключусь, иначе начну дрочить, стоя за штурвалом, смотря на соблазнительницу.

Поставив на автоматику штурвал, сбавив скорость, спустился на нижнюю палубу, где у меня была небольшая спальня. Достал из своей спортивной сумки футляр, там было несколько небольших пакетиков с белым «сахаром». Улыбнулся самому себе, высыпая малую часть на поверхность напольного шкафчика. Аккуратно разделил равные полоски и нюхнул первую, зажимая нос, чувствуя, как медленно напряжение отпускает. Сейчас всего лишь от мысли, позже уже будет и от наркотика. Втянул в себя еще дорожку и уже блаженно прикрыл глаза.

-Ричи! – голос Анны раздался рядом. Я резко распахнул глаза, фокусируя на девушке взгляд. Зря она пришла. Зря... Она с любопытством смотрела сначала на меня, потом на оставшиеся две дорожки, но не спрашивала, что это.

-Хочешь попробовать? – вопросительно изогнул бровь. Спросил просто так, без задней мысли, лишь бы не молчать. И она согласно кивнула. Я на секунду удивленно замер, не веря ее согласию. Анна все больше и больше удивляла! Одну дорожку разделил на две, для нее это было даже много, но не настолько, чтобы потеряться в кайфе на несколько часов. Будет просто легкая эйфория в течение дня. Глянул на другой пакетик. Там были таблетки. Они были легче героина, наверное, в идеале для первого раза лучше было бы дать их, но не стал заморачиваться.

-Втягиваешь в себя и зажимаешь нос, – монотонно объяснял действия, слегка пододвигая, чтобы Анна вплотную подошла к тумбочке. Она выполнила с точностью, как и сказал, приведя меня в дикий восторг. Боже, да из нее можно вылепить все что душе угодно! Ее глаза затянулись легкой дымкой, на щеках появился румянец, губы приоткрылись. Несколько минут я смотрел на нее и чувствовал, как нас двоих уже качает на волнах блаженства, легкости. Обхватил ее затылок ладонью, притягивая к себе и жадно впился в рот, чуть ли не рыча. Она не испугалась, а с готовностью прильнула к моей груди, положила руки на плечи и робко, неумело ответила на поцелуй, срывая мою крышу полностью, снимая меня с тормозов. Я прижал ее

тело к себе, особенно ее бедра к своему возбужденному паху, потерся. Что ж...трахать в прямом смысле не разрешили, но есть много других способов себя ублажить, обходя девственную плеву.

-Анна, скажи «да» и я тебе покажу все грани удовольствия... – хрипел ей на ушко, сжимая через ткань купальника груди, которые идеально легли в мои ладони. Она что-то промычала, откинув голову назад, так что водопад из черных волос доходил ей чуть ли не до задницы, которую тут же поспешно смял, покрывая поцелуями ее тонкую шею, ее ложбинку между грудями, ее плоский живот. Я готов был взорваться от одних поцелуев, но было слишком рано. Анна только начинала терять голову, а я хотел, чтобы она лишилась рассудка и реальностью был бы я, мои руки, мое тело, мои губы.

Стараясь не пугать, не торопиться, не срываться, уложил девушку на кровать, устраиваясь между ее ног, все так же осторожно потираясь своим возбужденным членом через шорты об ее сокровенное, никем не тронутое ранее местечко. И кровь ударяла в голову от мысли, что я буду первым внутри нее. Никогда не любил девственниц, но эта брюнетка, стонущая от моих поцелуев, ласк сводила меня самого с ума. Еще неизвестно было кто в итоге победит, а кто проиграет. Но я был настроен выиграть этот бой.

Умело стянул лифчик, трусики и чуть не задохнулся от зрелища перед глазами. С зацелованными губами, с мутным взглядом голубых глаз, с разведенными ногами в сторону, открытая, как книга, с возбужденными сосками лежала ОНА. Да... Именно ОНА. Моя самая желанная девочка, моя драгоценность, мой алмаз! Я понял, что с ней мои демоны найдут и покой, и ад. С ней будут и полеты, и падения. Я чуть ли не замурчал от этой мысли и взял порошок, слегка присыпал ее дрожащие складочки между гладких бедер, уткнулся носом, вдыхая в себя наркотик и ее запах. Такой сладкий, такой незнакомый и знакомый одновременно. Язык закружил, тело девушки задрожало, и она застонала, двинула бедрами, неуверенно, но в мою сторону подалась. Усилил напор, ныряя уже глубже, блуждая не только на поверхности, с усилием воли не сунул ей два пальца, лишь сжимал бедра, слегка их приподнимая. Она закричала! Она кричала, выгнув спину, а я ускорил движения языка, дразня, покусывая ее клитор, слизывая ее первый оргазм, сжимая до боли ее бедра. Тело дернулось в последней конвульсии и упало на кровать. В каюте было слышно только тяжелое дыхание, тихий плеск волн о борт яхты. Я лег рядом с Анной, взял ее ладонь и засунул к себе в шорты. Пальчики дрогнули,

но не позволил убрать, сжимал своей рукой. Она распахнула широко свои глаза, делая их большими голубыми озерами, глядя в них, я сделал первый толчок в ее ладони. Рот рядом приоткрылся, дышала не носом. Еще толчок, подвинулся ближе к ней, крепче сжал ее ладонь на стальном члене и постепенно увеличивал темп, глядя в ее омуты. Вот так смотря друг на друга, я как двенадцатилетний пацан, кончил себе в трусы с шортами, размазывая свою сперму по ее ладони. Пухлые губы сложились в «О», тут же припал к ним, касаясь влажной рукой ее лица. Она не отпрянула в омерзении, а потерлась обнаженной грудью об меня, заставляя только что успокоившийся мужской орган дернуться, как бы говоря, что может повторить боевую готовность.

-Анна, ты выйдешь за меня замуж? – прошептал ей в губы. Длинные ресницы дрогнули. Взгляд был еще под кайфом и вряд ли она осознавала вопрос, в отличие от меня.

Да... робко выдохнула девушка мне в губы. Я довольно улыбнулся. В голове зрел план, как быстро окольцевать малышку, пока ее папа не узнал об этом факте. Каюм не рассматривал меня в качестве зятя. Это было понятно с первой же встречи, он позволял мне быть только пажом своей принцессы!

-Только мы распишемся, а потом всем об этом скажем! – строго смотрел на будущую жену. Нужно было очень быстро действовать, время шло не на дни, а на часы. Интуиция шептала мне поторапливаться, если я хотел стать членом семьи Каюм на законных основаниях. Цербер после сегодняшнего дня сидеть и наблюдать за нами не станет, едва он увидит Анну, о многом догадается и следовало сейчас же расписаться. План созрел. Я вскочил на ноги, вошел в душевую и быстро ополоснулся.

-У тебя паспорт с собою? – Анна сидела на кровати и прикрывала свое тело руками-ногами. Она кивнула, заставив удивиться этому факту, но анализировать почему девушка взяла документ не стал. Я нагнулся, поцеловал ее, погладил по лицу. Ты будешь моей. Полностью!

-Мы не будем ждать, мы сейчас распишемся! А потом будет наша первая ночь, то есть день и ты моя! – заторопился, девушка удивленно на меня смотрела, ничего не понимая, ничего не спрашивая, а я не стал вдаваться в подробности. Нужно было все сделать до вечера, а в запасе было максимум пять часов. Анна

послушно оделась в свое белое платье, расчесала свои волосы и была почти невестой. Ее движения были чуть заторможены, взгляд порой блуждал бесцельно по каюте, а на губах замирала странная улыбка. Она вновь все выполняла без вопросов, без обсуждений, безропотно следовала за мною, словно так и надо! Все-таки восточное воспитание отличается от европейского плюс еще влияние наркотиков. Что ж, если для покорности потребуется подсадить эту малышку на героин, я не постесняюсь и этого действия.

Удача была на моей стороне. Мало того, что Анна все еще находилась под воздействием наркотиков, туго соображала, все выполняла, что просили. Так в самом запыленном районе на краю Дубая нашел регистрационный отдел, где за большую сумму согласились закрыть глаза на многие формальности. Получив заветную бумажку о регистрации брака, чувствовал себя победителем! Чувствовал, что вытянул лотерейный билет, забыв, что с него нужно будет платить налоги! Теперь Каюм не откажется от нового родственника! Оставалась самая малость, лишить Анну невинности и зачать сразу же ребенка.

Выбранный отель тоже мало был похож на респектабельное заведение, к которым мы с девушкой привыкли видеть в своей жизни, но выбирать не приходилось. Стрелка часов неумолимо ползла к указанному времени. Нам предоставили номер для новобрачных, куда поспешили подняться. Когда Анна встал посреди номера, слегка морща свой носик, обернулась. Глаза вернулись к реальности и теперь смотрели с легким испугом, с вопросами.

-Все хорошо, малышка! Теперь ты полностью моя! – прошептал, накрывая ее рот алчным поцелуем, притягивая к себе. Нет, надо быть нежным, ласковым, не пугать первой близостью. Потом уже можно делать с нею все, что взбредет в голову.

Анна не протестовала, послушно поднимала руки, когда я стаскивал с нее платье, целовал ее тело, прикусывая зубами ее заострившиеся соски, теперь любуясь их возбуждением. Она шумно дышала над головой. Как мне нравилась ее молчаливость!!! Это было просто подарком! Сжал крепко ее попку, воображая, как однажды устроюсь сзади и буду вторгаться в упругую задницу и драть ее, пущу еще в ход руки, терзать ее влажную промежность, вторгаясь внутрь пальцами. Она будет стонать! Стонать не только от блаженства, но и от боли...но это потом, сейчас я осторожно уложил ее на кровать,

снял последнюю одежду и вновь залюбовался этим идеальным телом. Теперь Анна смущалась, но откликалась на каждую ласку, на каждый поцелуй. Она была похожа на испуганного зверька, которому было и страшно, и любопытно. Я был возбужден. Сильно. Голубые глаза настороженно наблюдали за моим поспешным раздеванием, с сомнением и с немим испугом смотрели на мой член, когда предстал перед нею обнаженным. Еще в них был дикий ужас от осознания последующих действий.

-Я не уверена... – впервые она подала голос, упираясь спиной в спинку кровати, подтягивая ноги к груди. Но было поздно давать задний ход, я хотел ее, я готов был ее разодрать по доброй воле или нет, было плевать. Разум полностью терял контроль над эмоциями, над моими внутренними демонами, которые вождленно смотрели на эти тонкие ножки, прикрывающее то, над чем мне хотелось властвовать. Я разозлился ее сомнениями, схватил за щиколотку и потянул на себя. Стоило огромных усилий, чтобы не связать малышку по рукам, не сорваться, как дикий зверь, вгрызаясь в ее плоть острыми зубами. Однако Анна словно очнулась, стала отпираться, пихать меня в сторону, сопротивлялась, как кошка, которую собирались швырнуть в воду.

-Я просто создан для тебя, малышка! – произнес тихо, давя в себе вспышки злости и гнева. Раздвинул силой ноги в сторону и устроился, потираясь теперь всем своим естеством об ее складочки. Анна закусила дрожащие губы, жалко всхлипнула.

-Прошу тебя, Ричи, не надо!!!

~~Надо. Ты теперь моя жена, значит я твой Господин, Хозяин, муж и Бог! Все в одном лице! – прорычал ей в лицо, резко вторгаясь в ее невинное тело. Черт! Она действительно была слишком маленькой для меня, слишком узкой, слишком тугой. Я ее рвал, нужно было подготавливать. Я это чувствовал своим членом, я видел это в глазах, которые наполнились слезами, я видел в прикушенной губе. Каждый толчок ее всхлип, еще толчок- ее хрип. Если от языка на яхте она испытывала первые оттенки оргазма, то сейчас в глазах отражались все оттенки боли и это меня заводило больше, чем если бы она смотрела на меня влажным взглядом от возбуждения. Она кричала! От боли. Она отпихивала меня своим ладонями, а я, как зверь, удерживал ее руки одной рукой над головой и вбивался все сильнее и сильнее, пока из моей груди не вырвалось утробное рычание и не~~

излился своей спермой в нее. Прижимал своим телом к матрацу вздрагивающее от рыданий тело, слизывая языком солоноватые дорожки на лице. Это было похоже на изнасилование, чем на занятие любовью. Я прекрасно осознавал это и чувствовал именно от этой мысли полностью удовлетворенным. Классический секс со сладкими стонами, вздрагивающий от оргазма телом – меня не привлекал. Я любил трахаться. Жестоко, властно, беспощадно. Это был мой фетиш.

-Хватит плакать! – грубо повернул к себе заплаканное лицо, на минутку стало жалко эту девушку. Анна смотрела напряженно, с испугом.

-Папа тебя убьет! – ее шепот был громче, чем если бы она кричала. Я замер, вглядываясь в эти большие голубые глаза. Схватил ее за голову и притянул к себе.

-Ты сделаешь все, чтобы этого не случилось! Ведь подумай о том, что возможно зачатый нами сейчас ребенок может остаться без отца! Как ты в свое время без матери... – бил по самому больному. Это было видно по прикушенной губе, в глазах появилась задумчивость и боль. Было понятно, что Анна сделала свой выбор.

4 глава

Сайд

С чувством шандарахнул по столу кулаком, что подпрыгнули не только вещи на нем, но и Али, сидя напротив в кресле. Его невозмутимый вид потерпел изменения, глаза заметались по кабинету, ища укромное место, чтобы переждать бурю. Внутри я рвал и метал, проклиная себя за халатность! Вот чувствовал, что не все так просто, нет же, позволил себя обвести вокруг пальца. Я готов был сейчас найти этого Стоуна и убить своими руками, удушить, утопить, кинуть на растерзание своим собакам, лишь бы его уничтожили и ничего от этого хлыща не осталось.

-Сукин сын!!! – прошипел, беря вновь бумаги, которые мне Али принес полчаса назад. – Он думает, что это ему сойдет с рук??? – я вчитывался в каждую строчку этого гребанного документа, не понимая, как Анна могла согласиться!!! Если только он ее не накачал чем-нибудь. Это единственное, что пришло в голову, когда увидел свидетельство о заключении брака.

-Что делать? –осторожно спросил сын, прощупывая почву для

разговора. Но мне разговаривать не хотелось, я чувствовал, что задыхаюсь от черноты своей души, от бесов, которые повылезали из своих дыр. Давно меня так не накрывало. Сжал кулак, да так, что хрустнули кости. Я закрыл глаза пытаюсь уговорить своего зверя, но куда там, он метался из угла в угол, клацая зубами, в надежде добраться быстрее до шеи придурка, чем разум восторгается. Мне нужно успокоиться! Иначе...иначе убью Стоуна на глазах у дочери! Считал до десяти. Не помогло. Пришлось встать и пройти по кабинету вдоль окон, смотря себе под ноги. Постепенно ярость, вся нечисть отступала, и я вроде задышал спокойнее.

-Прикажи приготовить праздничный ужин! – заметил удивленный взгляд Али и непонимание логики моих поступков. Друзей нужно держать на расстоянии вытянутой руки, а врагов ближе к сердцу. Я сделаю вид, что принял сий факт.

-Мне их встретить?

-Я сам их встречу!

Анна

Уходила домой свободной девушкой, не представляя, какие изменения меня ждали в течение дня, возвращалась уже замужней, с тяжелым кольцом на пальце. Теперь, когда начала понимать, что натворила, осторожно посматривала на задумчивого Ричард, он в отличие от меня понимал, что делал. А эта наша близость... Вспомнила и вздрогнула, а тело болезненно откликнулось. Папа бы аннулировал наш брак за короткие сроки, о том, что я замужем никто бы не узнал. Но что, если я сейчас уже ношу ребенка под сердцем. Как его лишить отца? Я до сих пор помню, как мне было плохо, тоскливо, когда было много вопросов, а ответов не знала у кого спросить. Как приходилось преодолевать свою неловкость и идти за объяснениями к папе, на интуитивном уровне понимала, что была бы мама было проще. Мне было сложно привыкнуть в Англии к свободе слова, мысли, нарядов, я сторонилась откровенных тем, а раскованных подруг как-то отводили от меня по умолчанию. Папа оберегал меня по всем фронтам, но не сделал ли он главную ошибку превратив меня в розу под колпаком из Красавицы и Чудовища. Красивая. Недоступная. Бестолковая. Наивная.

-Все хорошо? – Ричард смотрел на меня своими серебристыми

глазами и в них не было ни сожаления, ни сочувствия.

-Да, – глухо ответила, пряча между ног руки, они мелко дрожали по мере того, как машина приближалась к нашему дому.

-Ты сама скажешь или мне сказать? – он хмурил свои темные брови, я усмехнулась.

-Ты думаешь он не в курсе? – Ричард заметно вздрогнул. Что я чувствовала по отношению к этому человеку? Симпатию. Она еще была даже после его принудительной близости. Нотку ненависти, но она была как перчинка, придавала вкус нашим отношениям. Наверное, я морально извращена. Только вот меня что-то надломило. Я чувствовала, как меня прежней становится все меньше, меня новой еще не было.

Я не представляла реакцию папы и Азамата...Эти двое могли устроить апокалипсис на этой земле собственными эмоциями. Папа не был простым человеком, если он улыбался, глядя в тебе глаза, это еще не означало, что ты его друг и он подпустит тебя к себе ближе, чем на пушечный выстрел. Я не знала, чем он занимается с Али помимо своего бизнеса, но была и вторая жизнь. За семью замками. Нам: мне, Аману и Ахмету- туда вход строго воспрещен. Азамат словно был посередине. И не с нами, и не с ними. Сам по себе. Неконтролируемый, бешенный, агрессивный, способный убить, если что-то ему или его близким угрожает. Дикий, как волк, не желающий подчиняться каким-то правилам и законам. Единственный кто мог его держать в узде- был отец. И Азамат от этого факта бесился еще больше. Он не хотел осознавать, что кто-то имел над ним власть.

Глянула на Ричарда. Чем ближе машина была к дому, тем больше он нервничал, крутил обручальное кольцо. Конечно, за столь поспешный поступок нас никто по голове не погладит. Но что сделано, то сделано. Может быть если бы мы просто расписались, я бы сияла от счастья, ерзала как непоседа, но события перед отъездом домой оттолкнули меня от Ричарда, его бешенный взгляд дикой похоти до сих пор стоял передо мною.

Машина заехала во двор, нас никто не остановил, не проверил документы. Охрана лишь мельком скользнула равнодушным взглядом по джипу и осталась на месте. Предупреждены. Я взяла Ричарда за руку и сжала, ободряюще ему улыбнулась. Он видимо не ожидал такого жеста и растерялся, затем слегка приподнял уголки

губ. Когда автомобиль остановился у крыльца, вышел папа. Сердце ухнуло вниз. Он стоял в тени, засунув руки в карманы брюк. Отсутствовал галстук, вроде мелочь, а заставляла настораживаться. Ворот рубашки был непозволительно откровенно распахнут, демонстрируя крепкую шею, мощные плечи, тонкую цепочку. Мы вышли и, держась за руки, как школьники, поднялись по ступеням. Замерли перед ним. Голубые глаза спокойно скользнули по нашим лицам, толком ни на ком не задерживаясь.

-Ужин через двадцать минут, у вас пока есть время освежиться и переодеться! – папа стал уходить в дом. Я быстро глянула на Ричарда, тот выглядел растерянным и видать тоже не знал, что делать дальше. Решила, что лучше сейчас самой признаться в содеянном, пусть и не совсем по доброй воле.

-Папа! – на мой оклик отец не обернулся, замер в дверях. Он секунду стоял неподвижно, затем медленно повернулся. Я сделала шаг в его сторону, освобождая свою руку от рук Ричарда, теряя его тепло. Нервно кусая губы, осторожно глянула в отцовские глаза и резко отпрянула с сильно бьющимся сердцем. На меня смотрели неподвижные голубые льдинки, без эмоций, без чувств, без возможности достучаться. Он вынул руку из кармана, провел по волосам, и я заметила разбитые в кровь костяшки.

-Мы расписались! – голос еле звучал. Умирующие, наверное, и то громче говорят. Черная бровь изогнулась, но в нем не было удивления.

-Я в курсе! – прохладно ответил папа. – Ты идешь в свою комнату, Стоуну покажут в какой он будет жить. После ужина мы поговорим о дальнейшей вашей жизни! – с этими словами развернулся и уже уверенно нас покинул, оставляя после себя какое-то опасение, шлейф тяжелых сигарет, это был не привычный запах его сигарет, а что-то особенное. Ричард совсем почернел лицом, глядя отцу вслед, но промолчал, взял меня за руку и вошел в дом.

За ужином были только Али и папа. Али смотрел на нас холодным взглядом карих глаз и даже не было и намека на улыбку. Обычно мне улыбался, даже когда шлохничала, а сейчас равнодушный, далекий, отстраненный и неродной. Судя по тому, как они были «рады», я даже выдохнула с облегчением, осознав, что судьба уберегла меня еще от одного взгляда. Азамат бы не стал так сидеть с прохладой в глазах. Он бы...Вздогнула, мне было даже страшно подумать, чтобы

он сделал с Ричардом. Меня б не тронул.

Взгляд постоянно натывался на разбитые костяшки рук отца. Они словно магниты притягивали мой взгляд, заставляя дрожать от какого-то первобытного страха. Еще это молчание давило, придавливало к земле и подавляло волю к каким-либо действиям. Когда ловила мимолетные взгляды брата, папы с шумом вдыхала, догадываясь, что не спроста они не стремятся начинать разговоры. Ричард нервничал. Он все чаще стал прикладываться к бокалу с вином, постоянно натягивая на губы натужную улыбку, когда папа останавливал на нем свой темный взгляд. И было очень страшно. Я видела, как там поднималось что-то темное, что-то очень опасное, то, о чем ранее и не подозревала. И только жесткий контроль отца не позволял этому мрачному накрыть его с головой. Наконец-то, он отложил вилку в сторону, взял бокал с янтарной жидкостью. Коньяк или виски? Он редко пил и у него не было предпочтений.

-Откровенно говоря, Стоун, удивил! Не ожидал такой прыти, наглости, самоуверенности! – тихо, оттого еще больше я и Ричард занервничали. Наверное, если бы папа кричал, топал ногами, проявлял хоть какие-то эмоции, можно было б понять его досаду, его гнев, но его холодные ледяные глаза резали меня и Ричарда. Я ощущала кожей, как по мне тонко скользил, словно кончик ножа, разочарованно, почти с отблеском ненависти отцовский взгляд.

-Я с каждым хочу поговорить по отдельности! – резко встал, стул противно заскрипел ножками по паркету. Я испуганно метнула на Ричард взгляд, если хотела увидеть поддержку, то пришлось прятать свое разочарование. Мой муж покрылся испариной, смотрел на отца затравленным взглядом жертвы. Придется самой отстаивать свое право на счастливую семейную жизнь, пусть и без одобрения. Пожала под столом руку Ричарда, он слабо улыбнулся, слегка приходя в себя, но косился на Али, который смотрел на него невозмутимо, презрительно. Ричард мой муж, в скором времени будет отцом нашего ребенка и поэтому мне нужно было б убедить отца в том, что между нами любовь до гроба. Я не хотела бы судьбу своему малышу как у меня, пусть хоть у него будет полноценная семья, с мамой и папой.

-Аня! –рыкнул папа, задерживаясь на выходе из столовой. Подскочила, как ужаленная от его тона, от имени, пытаюсь совладеть своим нервами, не бояться, поспешила за уже ушедшим отцом.

Кабинет просто утопал в вечернем солнечном свете. Только вот воздух в нем был до невозможности тяжелым, трудно было дышать. Впервые робко зашла и замерла, не зная, что делать. Вчера я бы непременно влетела в кабинет отца, сверкая улыбкой, плюхнулась бы на кресло, а потом непременно повисла б на его крепкой шее, чувствуя, как его сильные руки смыкаются на моей талии.

-Я разочарован! Я очень сильно разочарован! – папа стоял ко мне спиной у окна, руки вновь оказались в карманах брюк. И голос... низкий, хриплый, с неизвестными мне нотками какой-то угрозы.

-Папа...

-Помолчи! Ты своим поступком сказала мне о многом! – повернулся, глаза бешено полоснули меня по лицу, я вжалась в дверь. Между нами было метров пять, но от этого легче не становилось. Папа был в бешенстве и впервые я видела его в таком состоянии. Я задрожала.

-Ты...-шипел он, приближаясь медленно ко мне. – Как ты могла, Анна? Я же тебя оберегал, трясся над тобой, я же все для тебя... и ради чего? Чтобы какой-то Стоун запудрил тебе мозги?

~~Я люблю его...~~ прошептала, урывками дыша, так как папа оказался рядом, на расстоянии вытянутой руки. И его сдерживаемая агрессия, его животный взгляд, еще контролируемый твердой рукой, пугал до дрожи в коленках. Я до сих пор не понимала, как еще стою!

-Любишь? – черная бровь ехидно изогнулась. – А что ты знаешь о любви? Что, Анна? Разве ты хоть раз в жизни смотрела в глаза этой самой любви? Видела ее оттенки? Ведь это не только сахарная вата и сладкая ваниль! Это боль... это разочарование...это ненависть...это помешательство...это бесконечная нежность и тоска...Разве ты знаешь, что значит любить? Это прикосновения... – его пальцы коснулись моих щек. – Это дрожь...желание, сжигающее тебя изнутри... – очертил мои губы. – Это что-то большее, чем просто желать любимому человеку вечной жизни...- резко схватил меня за затылок, больно сжимая, выглядываясь в мои глаза. Я замороженно смотрела в его голубые глаза, которые явно были не со мною. – Это просто смирение... Я мог бы запереть тебя, в лучшем случае в твоей комнате, худшем- в каком-то подвале! – отпустил, смотрел уже нормальным взглядом, слегка щурясь. – Чем он тебя накачал?

-Нечем! – слишком торопливо ответила, вызвав тем самым презрительную улыбку на губах отца.

-Аня, не делай из меня идиота! Я знаю, как выглядят глаза у людей, которые употребляют наркотики, и твои зрачки говорят намного больше, чем твои губы!

-Тебе кажется! – папа замер возле стола, внимательно на меня смотрел, как зверь, который присматривался к своему соседу, думая друг он или враг. И судя по тому, как учащенно он задышал, как сжимались и разжимались кулаки, зверь готовился к нападению. Сделала шаг назад. Я его боялась. Я чувствовала кожей исходящую от него опасность, угрозу.

-Аня, не предавай мое доверие... Я предателей не прощаю. Они просто исчезают из моей жизни.

-Как мама? Она тебя предала? – боль, спрятанная глубоко внутри боль, которая никогда не находила выхода, прорвалась наружу. – Может она жива? Ты просто лишаешь ее возможности быть со мною? А ты спрашивал меня хочу ли я быть с тобою!!! Ты хоть раз поинтересовался, чего я хочу в этой жизни!!! – злость, обида, какие-то детские комплексы заставляли меня подойти вплотную к отцу, смотреть ему прямо в глаза, слегка откинув голову назад. – Ты же даже не подумал о том, почему я так поступила...

-Ты поступила очень глупо! Стоун не тот человек, который должен находиться рядом с тобою! А мама... – голос дрогнул, стиснул зубы. – Я бы все отдал, чтобы она действительно оказалась жива, но, к сожалению, умершие не воскрешают! – отвернулся от меня, мне даже стало неловко, что я так на него наехали из-за мамы. Хотела коснуться рукой его плеча, но он отошел от стола и замер возле окна.

-Аннулируем брак и забудем этот день, как страшный сон!

-Нет...Я не хочу! – в голове сразу же зазвучал голос Ричарда о том, что возможно я уже ношу под сердцем ребенка.

-Аня! – этот утробный животный рык заставил меня испуганно отшатнуться от отца. Он обернулся, глаза полыхали разъяренным огнем, глаза просто готовы были меня сжечь дотла и развеять мой прах над песками пустыни. -Я не спрашиваю! Я ставлю перед фактом! Мне плевать чего ты хочешь, а чего нет! Я сказал и значит так и будет!

-Нет! – выкрикнула ему в лицо. –Я не хочу, чтобы мой ребенок рос без отца, как я без матери!!!

-Что? – мужчина напротив меня превратился в дикого зверя, готового убить, готового сомкнуть свои острые зубы на шею своей жертвы. – Блять, Аня! – ваза, которая стояла возле дивана с грохотом упала на пол, разлетаясь на мелкие осколки перед ногами папы. Он резко распахнул дверь на террасу, я видела, как тряслись его руки, как не с первого раза прикурил сигарету. Между нами повисло молчание, пропитанное разочарованием, обидой, недопониманием. Я чувствовала, что ему все же больно от моего поступка, больно от неоправданных надежд.

-Позови этого англичанина, будь так добра! – безразличный голос, нет и нотки, которая бы выдала всю его ярость, все его негодование.

-Его зовут Ричард...

-Плевать, как его зовут, в гробу об имени не вспоминают!

-Папа! – ужас предполагаемого разговора накрыл меня с головой. Он затушил сигарету и повернулся ко мне лицом. Его глаза вновь похолодели, а губы застыли в полуулыбке. Так, наверное, улыбаются убийцы.

Ричард (16.07.2018)

Боялся ли я? Да. Не так себе представлял «радость» папы от новости. Еще убило наповал, что он знал. Знал, черт подери, до того, как мы приехали. И этот бешенный взгляд, пробирающий до мурашек, заставлял поверхностно дышать, дышать, мать его, по приказу этих гребанных голубых глаз. Карие просто наблюдали, но эта холодность ничего хорошего не предвещала. Анна рядом нервничала, я чувствовал ее замешательство, ее растерянность поведением отца и брата. Похоже ни один я был выбит из колеи. Лучше бы Каюм кричал, грозился отречься, как-то проявил свои негативные эмоции, но вместо этого резал своим взглядом по живому. Именно в тот момент, сопоставляя разбитые костяшки и убийственный взгляд, гоня мороз по коже, я понял одно: Каюм меня убьет. Не сразу, нет, он расчленит меня на части, подвесит где-то в портовых складах, оставит подыхать, как собаку. Я судорожно пытался вспомнить, что я о нем знаю, но в голове ничего не всплывало, только общие фразы о том, что он очень серьезный человек и лучше с ним не шутить. Мой план был прост: Каюм бы по брыкался, но ради любимой дочери бы смиренно согласился с моей личностью, ради ее блага принял бы участие во спасении моего семейного бизнеса. Но что-то шло не так.

Он со своим сыном молчал. Выразил словесное удивление моей прыти, а затем приказным тоном позвал Анну на разговор. Как только девушка с отцом ушли, ее брат оскалился так, что я почувствовал себя мертвецом, чувствовал, как мои дни сочтены. Кажется, я проигрывал этот бой по всем позициям, но надежда умирает последней.

Анна вернулась, на ней не было лица, она смотрела на меня, но мимо меня, и как бы я не всматривался в ее голубые глаза, они на секунду превратились в такие же льдинки, как у Каюма.

-Он ждет тебя! – голос дрогнул, девушка посмотрела на брата, который все так же молчал и лениво на нас поглядывал. Мысленно я приказал себе собраться, нацепил на лицо бесстрастную маску. Вот что он мне сделает? Ничего! Не убьет же у себя дома.

Кабинет встретил тишиной. Я с опаской оглянулся по сторонам, ибо за столом хозяина дома не было. Он был возле окна, стоя ко мне спиной. Я решил, что страх не буду показывать, перебьется! И чем больше думал о том, что все вокруг показательно, тем шире у меня становилась улыбка и полная уверенность в исполнении своего плана.

-Я, Стоун, очень сильно пекусь о благополучии своей семьи. Мне важно, чтобы каждый из моих детей нашел свое место в этой жизни и меньше всего планировал, что любимая дочь в восемнадцать лет выскочит замуж. Пусть даже и принудительно! Конечно, можно сделать вид, что никакой регистрации не было. Она просто приснилась кое-кому! – на этих словах Каюм обернулся, а я трусливо сделал шаг назад, судорожно сглатывая слюни. На меня смотрело что-то темное, что страшное, что-то неконтролируемое. Хотя нет, все-таки контролируемое, ибо если бы эта нечисть вышла наружу, я бы давно не дышал.

-Я жуть как не люблю, когда играют не по моим правилам! И вроде только утром ты мне лично сказал, что все понял, в итоге делаешь то, отчего люди в моем окружении перестают быть. Не жить. А просто быть. Они исчезают с земли, растворяются в пространстве. И их никто не ищет! –Саид Каюм медленно подошел к своему столу, взял нож. Красивый, с тонким лезвием. Пырнет кого-то, проткнет все жизненные органы.

-Анна самый любимый мой ребенок. У меня к ней особое отношение!

– голубые глаза холодили, скользили по мне, как кусочки льда. – Я еще до конца не решил, что сделаю с тобою... Меньше всего хочется, чтобы с твоей жалкой смертью связывали мое имя, поэтому мараить свои руки не собираюсь. Но ведь никто не отменял несчастных случаев...без смертельного исхода! Ты будешь жить. Хотя нет, больше существовать в какой-нибудь палате приличной больницы, твою ничтожную жизнь буду поддерживать при помощи аппаратов и все это в окружении любящих родственников! – каждая угроза, как удар хлыста рядом с ухом. Не затрагивает, но содрогаться заставляет. Что за он человек, что не боится в открытую угрожать? Я всмотрелся в своего тестя, заметил на открытой шеи мелкие шрамы, золотую цепочку с...пулей. Черт! Это правда пуля??? И чем больше я смотрел в его бездушные глаза, тем быстрее ко мне приходило понимание, что Каюм стоит по ту сторону закона.

-Я изучил положение вашей компании. Совсем печальная картина. И кое-что стало мне понятно, почему внезапно проявился жгучий интерес к моей девочке, хотя до этого ты ее несколько раз видел, но ни разу не подошел. Больше предпочитал аппетитных дамочек! – на столе была открыта какая-та папка. Лоб покрылся испариной. Если за столь короткий срок узнали всю подноготную, которая была доступна, то если он копнет глубже...сердце учащенно забилося в груди. Меня точно в скором времени не будут искать.

Каюм поднял на меня свои голубые глаза, внимательно смотрел на реакцию и улыбнулся. Я даже не знал, что лучше, когда он не улыбается, а строго, как сканер смотрит на тебя, видя все твои достоинства и недостатки или, когда он улыбается с легкой ехидницей, заставляя панически соображать все ли твои грешки прикрыты, похоронены скелеты, никто не проболтается о лишнем.

-И это малая часть того, что предоставили, а если я потребую дополнительную информацию? – Каюм смотрел на стол, видно что-то читал, закатывая рукава рубашки. Я заметил на запястье татуировку. –Давай Стоун убеди меня в том, что у тебя к моей дочери любовь до гроба, что ты готов ради нее на все! – вскинул на меня прищуренный взгляд. – В противном случае за порог этого дома ты не выйдешь. Сам. Никогда.

-Вы не имеете права мне угрожать!!! – выпалили с сильно бьющимся сердцем, чувствуя, как в голове разрастается паника. Саид Каюм склонил голову набок. – Да кто вы такой, чтобы так откровенно

угрожать? Я не прохожий, у которого нет ни имени, ни защиты, ни репутации!!! Поэтому прежде чем кидаться словами, ведь можно получить срок, рекомендую сто раз подумать, Каюм!!! – меня несло, от страха я совсем потерял голову, смотрел в животные глаза, хищник уже довольно клацал зубами в предвкушении полакомиться своей добычей.

-Знаете, что! Анна вышла замуж добровольно! И она будет жить со мною, нравится вам это или нет! И подумайте своей головой, что своими угрозами можете лишить ребенка отца! – с каждым словом я чувствовал себя все увереннее, с каждой минутой переставал бояться и зло сверкал глазами на своего собеседника. А он темнел лицом, сжимал зубы до скрежета, как и кулаки.

-Ведь не исключено, что после сегодняшнего нашего брачного дня Анна возможно через девять месяцев подарит вам очаровательного внука или внучку! И знаете, этот ребенок будет расти в полноценной семье, где есть оба родителя!!!

Я не успел и глазом моргнуть, как гибкое тело Каюма, словно дикий зверь, переметнулось через стол, меня схватили за горло и вжали в стенку, перед этим существенно ударив голову об нее. Я смотрел в дикие, бешенные глаза. Там не было ничего человеческого, не было и здравого смысла. Зверь. Он рычал, он вот-вот готов был вгрызться своими острыми зубами мне в глотку. Я чувствовал, как хватка на шее усилилась. Он меня душит!!! Попытался двумя руками расцепить тиски, но куда там, эти руки были просто каменными, неподвижными. Я начал хрипеть, чувствовал, как сознание начало «плыть», перед глазами замелькали круги.

-Папа!!! – в кабинет неожиданно вошла Анна. Ее глаза расширились от ужаса увиденного, она неподвижно застыла, не в силах двинуться с места. Затем словно очнулась, кинулась к нам, обхватывая отцовские запястья. Но Каюм не видел перед собою дочь, он смотрел мне в глаза. Что она сделала, я не понял, внезапно Каюм переключился с меня на дочь, зло сверкнул глазами, удерживая меня одной рукой, он отбросил девушку от себя с такой силой, что она немного от нас отлетела, наткнулась на журнальный столик и с грохотом на него упала. Послышался звон разбитого стекла. В кабинет на этот звук вбежал Али. Он мигом сориентировался, но кинулся не к сестре, а к отцу, который смотрел на меня неподвижным стеклянным взглядом, сжимая мое горло одной рукой.

-Отец! – тихо позвал Али. Голубые глаза на секунду поменяли выражение, но все еще далеки были от реальности. – Отец, отпусти его! – Али осторожно коснулся отцовских рук. Али говорил вкрадчиво, как психотерапевт со своим пациентом, у которого случился приступ необъяснимой агрессии.

Саид Каюм вздрогнул, моргнул, некоторое время смотрел, не мигая. Он посмотрел на свои руки, но не спешил их убирать с моей шеи, хотя захват ослаб, и я мог шумно, со свистом дышать.

-Папа! – я чуть не взвыл, когда почувствовал, как тонкие пальцы вновь сжимают сонную артерию. –Папа! –Анна смотрела яростно, негодуя, шокировано. Она была рядом, я чувствовал, как тяжело она дышит, я видел, как ее била нервная дрожь.

-Уйди! – рыкнул Каюм, но жена и не подумала. Она вцепилась в руку отца, пытаясь его отодвинуть от меня. Али почему-то отошел назад, не вмешивался. Странное поведение брата, видя, что отец неадекватен, а сестра лезет под горячую руку. Саид Каюм неожиданно меня отпустил, рука Анны исчезла. И тут раздалась звонкая пощечина. Я, пытаясь собственными слюнями смочить сухое горло, наблюдал, как на загорелой щеке девушки появляется красный отпечаток от ладони, как отец хватается ее за затылок, стискивает, заставляя голову откинуть назад, чтобы смотреть прямо в глаза. Она должна была беззвучно заплакала, но вместо этого на Каюма смотрели совершенно сухие глаза, из разбитой губы сочилась кровь. Оказывается, у него очень тяжелая рука и бить женщин ему видать не привыкать.

-Отпусти меня! – прохрипела Анна, выдерживая отцовский взгляд. – Ты дал мне право сделать выбор. И я его сделала!!! – Каюм отшатнулся от нее, как от прокаженной, резко убирая руки и не скрывал своего удивления, черные брови вскинулись вверх. Девушка выпрямилась, медленно подошла ко мне, смотря совершенно спокойным взглядом, без истерики, без слез. Взяв меня за руку, потянула к двери. Я послушно последовал за нею.

-Аня! – в этом восклицание была вся палитра эмоций. В голосе Каюма прозвучало предупреждение, угроза, еле сдерживаемая ярость от поведения дочери, тотальный контроль, который выскальзывал из рук, ненависть ко мне, которая никогда не исчезнет. Анна напряглась, спина стала неестественно прямой, словно проглотила прут. Я ощущал между лопатками тяжелый взгляд, если бы так могли

убивать, валялся бездыханным у двери. Она не обернулась, рука дрогнула, когда схватилась за ручку, но повернула ее и вышла в холл, оставляя позади себя своего отца. Я поторопился следом за нею.

~~Я хочу, чтобы мы сегодня же отсюда уехали! — девушка замерла возле подножия лестницы, подняла меня потерянные глаза, которые наполнялись болью, разочарованием. — Увези меня, Ричи, из этого дома!!! Подальше от него!!!~~ от мыслей об отце прикусила разбитую губу, сморщилась от боли, облизнула языком.

-Хорошо. Сегодня ночью мы вылетаем из Эмиратов домой! – мне захотелось обнять эту девушку, которая выглядела, как потерянный котенок. Анна зависла на минутку, потом кивнула и поспешила подняться на второй этаж. Видно собирать вещи в новую жизнь. А мне стоило подумать о том, что делать дальше, первоначальный план потерпел крах. Нового пока даже в набросках не было.

5 глава

Санд (17.07.2018)

Я смотрел на свою руку, крутил ее в разные стороны и не понимал, как смог ударить Анну по лицу. Да я ее даже по попе никогда не шлепал. Обхватил руками голову и уткнулся в стол, вспоминая события недавнего времени. Удушить Стоуна- милое дело. Только вот я не успел обуздать свой гнев, свою дикую ярость и, когда Анна вцепилась в мои запястья, просто сорвался с цепи. Ударил. Она смотрела на меня точно таким же взглядом, как когда-то Арина, беззащитным, удивленным, обиженным. Только вот Арина знала, что могу ударить, скрутить, удавить...дочь никогда не видела темные стороны моей души. Об этом знал только Али и подозревал Азамат.

-Стоун хочет покинуть дом вместе с Анной! – в кабинет тихо, словно тень, вошел Али. Всегда поражался, как он может так бесшумно ходить, появляться из ниоткуда и исчезать в никуда. Мне бы в свое время такой навык очень пригодился. Я взял сигареты, которые лежали рядом и закурил, откинувшись на кресле. Редко позволял себе дымить дома, но сегодня сделал исключение.

-Пусть едут. Иллюзию свободы никто не отменял, а ты с завтрашнего утра ищешь мне про Стоунов всю подноготную! Все, Али, вплоть на какой журнал он дробил! Все достань на этого сукина сына!! – задумчиво смотрел на конец сигареты, подул на него, затлела. Ярость все еще клекотала в груди. Я жаждал его крови, я хотел втоптать его

в грязь, опустить на самое дно, чтобы он даже не смел лизать мои ботинки. Такой черной, пожирающей злости у меня никогда не было за всю жизнь, даже Фарид теперь казался милым парнем! Я его уничтожу, но не сразу, не буду раздавливать, как букашку, а буду ломать по косточке, бить по самому уязвленному, по слабым местам.

-Завтра же начни скупать все акции его компании, все закладные на дома, заморозить счета. Постепенно, так чтобы никто и не заподозрил, куда уходит все состояние Стоунов! На все счета Анны установи ограничение, среднюю зарплату среднего жителя страны, чтобы сразу ощутила разницу между жизнями со мною и с ним!

-Ты обкладываешь его со всех сторон! Но Анна? – сын сел на кресло, закинув ногу на ногу, устремив на меня непробиваемый безразличный взгляд. В кого он блять такой??? Я годы потратил, чтобы научиться себя обуздывать, а у него словно нет эмоций, знаю же, что под этой маской скрывается такой же псих, как и я, и Азамат. Хотя второй вообще неконтролируемый, хоть на цепь сажай.

-А что Анна? Она сделала свой выбор, и я его не одобряю! – выпустил сначала струю дыма, вновь затянулся, теперь пускал колечки, щурясь и кривя губы в улыбке. – Я ее отпущу на все четыре стороны. Но она придет ко мне. Сама. Приползет! – я чувствовал, что во мне рычит дикий задетый зверь, не любящий отец, а этот зверь, который мечтает увидеть, как его плоть и кровь приползет на брюхе и будет вымаливать прощение. Он простит, и я прощу, но перед этим это голубоглазое создание познает все прелести своего послушания. И сейчас я жажду ее наказать, жестоко и не по-отцовски, чтобы впредь думала головой, а не одним местом...

Посмотрел на второго сына, который разглядывал свои безупречные ногти. Он весь был безупречен, вылизан и холоден, как кусок мрамора. Интересно, есть на этой Земле хоть одна особа, которая выведет из себя моего сына? Хотелось бы дожить до этого момента, увидеть, как в глазах Али вспыхивает сжигающий дотла огонь.

-Ты ее сломаешь! – слегка взволнованно прошептал Али, вскидывая на меня глаза. Я злое ухмыльнулся, вспоминая, как ради мести пожертвовал своей женой. Моя тайна, дети до сих пор думают, что мама погибла в автокатастрофе. Это была официальная версия. Менты на многое закрыли глаза и рты.

-Иногда лучше ампутировать пораженную часть, чем дать себе

сдохнуть от этого заражения!

-Пап! –Али занервничал, глаза с беспокойством заметались по моему лицу, весь подался вперед. – Давай Стоуна накажем, но зачем сестру так опускать! Я же знаю, ты ихпустишь по всем кругам ада!

-Али! Сын мой, я пущу ее по всем кругам, окуну в такое дерьмо, что она в следующий раз сто раз вспомнит этот опыт прежде чем попадется на удочку очередному искателю лучшей жизни!

-Но не будет ли слишком поздно??? Анна не настолько сильна духом, чтобы с достоинством все перенести. Она девочка!!!

-Ее мать тоже не была мужиком, но сумела при этом выдержать все, что выпало и то, что я преподнес! – со злостью процедил, чувствуя, как сердце начинает ныть при упоминании Арины.

-Я смутно помню Арину, но не думаю, что она выросла в таких тепличных условиях, как наша малышка! И ты ее просто угробишь своим наказанием!!! Какой смысл всего этого??? Ты сдувал с нее пылинки, готов был есть землю, по которой она ходила, а сейчас из-за задетого самолюбия, ты ее хочешь уничтожить! – Али рассердился, вскочил на ноги, смотря на меня с высоты своего роста. Его показательно равнодушные глаза сейчас горели яростью, метали молнии становились черными, как угольки. –И так ли тебе хочется потом рыдать у ее бездыханного тела? – его черная бровь изогнулась, заставляя выпрямиться в кресле и сощурить глаза.

-Я решений не меняю. И ты как никто другой об этом знаешь!

-Знаю! Но советую сто раз подумать, прежде чем начнешь ломать ее по частям! Азамат тебе этого не простит, как и многое другое... – резко отвернулся и бесшумной походкой удалился, оставив меня с немым вопросом на губах. Мне показалось или я услышал в его голосе предупреждение? Провел устало рукой по лицу. Последние скелеты еще никто не вытаскивал из моего шкафа, вряд ли кто их и вытащит. Следы давно была зачищены и время давно стерло детали событий. Так что скорей всего показательный блеф, чтобы я остыл и не трогал дочь. Защитники хреновы!

Взял вновь сигарету и встал, вышел на террасу, откинув голову назад, залюбовался звездами. Какие-то мигали. И мне по-мальчишески хотелось верить, что где-то там смотрит она, пусть осуждающе, недовольно, сдвинув свои идеальные брови, нервно покусывая свои губы... пусть. Я знал, что она ни одно мое действие не одобрила бы,

оттолкнула бы и сбежала. Как делала обычно. Сбежать, чтобы потом вновь ко мне вернуться. Так и Анна. Побегает и вернется ко мне, в мои объятия, под мое крыло.

Анна (18.07.2018)

Лондон встретил дождем. Ричард весь полет хмурился, кусал губу и на меня почти не обращал внимания. А мне было страшно. Внешне делала вид, что жажду покинуть родной дом, но на деле я глупо ждала, когда меня окликнет папа, схватит за руку и с силой затолкает в свою комнату, посадит под замок. Только когда взлетел самолет, осознала, какую ошибку совершила, каких дров наломала и что сделала со своей жизнью. Какой демон в меня вселился, когда я спорила с отцом??? О чем я думала, когда протестовала против его предложения аннулировать брак? И как дальше жить? Не имела представления, что мне дальше делать. Было понятно, что вернуться в общежитие в свою личную комнату мне нельзя, я же теперь замужем, обо мне должен заботиться муж, как до этого делал папа. Но скосив глаза в сторону Ричарда, усомнилась в том, что у него тоже есть представление о дальнейших действиях.

-Может разведемся и вернемся к своим жизням? – тихо предложила, рассматривая напряженный профиль мужчины. Он вздрогнул и некоторое время непонимающе на меня смотрел, потом вздохнул.

-Анна, после того, что произошло за последние сутки, я меньше всего думаю о разводе.

-Хорошо. Но я не понимаю, как будет складываться наша жизнь. Ведь мы по сути друг друга не знаем.

-Не поздно задалась этим вопросом? – иронично протянул Ричард. – Между нами уже был секс двух видов, я женился на тебе, и ты говоришь, что мы не знаем друг друга! Анна, люди могут не знать каких-то вещей о своих супругах, но то что было между нами, самое незабываемое, что может быть между мужчиной и женщиной! – его голос стал хриплым, а глаза затянулись томной дымкой. Я напряглась, особенно, когда его прохладная ладонь взяла мою. Сразу в памяти всплыла наша пока единственная тесная близость, надеюсь, что она будет последней. У меня не было желания повторять то, что было в той гостинице. Даже то что было на яхте меркло перед страхом вновь ощутить боль, беспомощность, опустошение и омерзение к себе.

-Я как-то не разделяю твоего восторга по поводу лучшего между мужчиной и женщиной! – раздраженно бросила, пытаясь убрать руку. Ричард внезапно сжал мою руку, глаза застыли на моем лице неподвижным страшным взглядом. Взглядом какого-то маньяка.

-Поверь, детка, я докажу тебе, что ты будешь визжать подо мною от восторга! – от этого уверенного тона мне стало страшно не на шутку. Сглотнула, дежурно растянула губы в милой улыбке. –Ты просто напряжена, это не удивительно в связи с последними событиями. Обещаю, что как только мы окажемся дома, я тебя расслаблю!

-Каким образом?

-Доверься мне, Анна! –Ричард внезапно склонился ко мне и легонько коснулся моих губ сухим, ничего не означающим поцелуем. Довериться??? Я сомневалась, что смогу, ибо до сих пор понимала, что все мои поступки, совершенные в недавнем прошлом, были под воздействием наркотика. Вряд ли мне на трезвую голову хватило бы смелости идти против воли отца. Моя ошибка была в том, что я из праздного любопытства согласилась втянуть в себя две белых дорожки, не подумав о последствиях. Лишь кивнула.

Квартира Ричарда была двухъярусной. Мы вошли вместе с двумя чемодана. Я не стала собирать весь гардероб, наверное, подсознательно верила, что мое новое положение продлится недолго. Откинув голову назад, любовалась причудливой люстрой, большими окнами вместо стен, из которых был захватывающий вид на вечерний Лондон.

-За нас! – Ричард появился рядом с двумя бокалами шампанского. Я улыбкой поблагодарила и пригубила шипучий напиток. Вкус был какой-то странный. Мы смотрели друг другу в глаза и реальность вокруг меня постепенно расплывалась, оставались четкими только внимательные серебристые глаза. Он забрал бокал, поставил на журнальный столик и обнял меня. Его дыхание было горячим, обжигающим. Приоткрыв рот, наблюдала словно со стороны, как Ричард медленно склонился к моему лицу и осторожно завладел губами, слегка их раздвигая, чтобы просунуть язык внутрь.

Руки сами легли на его шею, затеребили ворот рубашки, смещаясь к пуговицам. Пальцы медленно, неумело расстегивали эти маленькие кнопки, в то время, как руки Ричарда уверенно расстегнули молнию сзади моего платья, стянул его с плеч вместе с черным

бюстгальтером без бретелей, небрежно все упало на пол. Мы стояли в полутемной гостиной, напротив открытого окна, целовались, блуждая бесстыдно руками друг у друга по телу. Я чувствовала, как что-то теплое растекается по телу, как в глазах вспыхивали звезды, искры, в груди горел огонь и все тело жило своей отдельной жизнью, мозг давно прекратил участвовать в моей деятельности.

-Сладкая... -протянул Ричард, прокладывая влажную дорожку от губ к ушку, от ушка вниз по шее к плечу, а от плеча к грудям. Его губы сомкнулись над одной грудью, вторую обхватил ладонью, сжал, покрутил между пальцами сосок, второй слегка прикусил. Меня потрянуло как от электрического тока. Такого мощного взрыва ощущений никогда не испытывала, от этого громко застонала, позабыв свое смущение на пороге этой комнаты.

Ричард спустил свои ладони мне на задницу, сжал ягодичы, прижал к себе, так сильно, что я ощущала через плотную ткань джинсов его возбуждение, которое нетерпеливо рвалось наружу. Со смелостью, которой никогда у меня не было, положила ладонь на ширинку и слегка сжала его достоинство. Тишину разбавил протяжный стон.

-Анна... -он вскинул голову, смотря на меня хмельным взглядом от чувств. — Я хочу тебя, малышка!!!

~~Ммм...~~ меня повело, качнуло, я вцепилась в плечи своего мужа. Почему-то все стало таким непонятным и было просто совершать то, что никогда бы не совершила. Я скользнула всем телом по Ричарду и опустилась перед ним на колени. Откуда знала, что дальше делать? Не знала, просто внутри меня сидела какая-то порочная чувственность, которая и подсказывала мне как действовать. Губы изогнулись в томную улыбку, глядя снизу в глаза Ричарда, облизнула кончиком языка губы. Он стиснул зубы, шумно выдохнул. Лязг пряжки ремня, звук расстегиваемой ширинки, стягивание одежды вниз и вот перед глазами, в непосредственной близости, подрагивал возбужденный, с венками, с капелькой на конце мужской член. Завороженно приблизилась к нему, лизнула языком солоноватую капельку. Ричард застонал, но не дернулся, позволил себя изучать. И я изучала. Погладила член по всей длине, обхватила его, сжала, потом вновь погладила.

-Возьми его в рот! – прохрипел над головой возбужденный голос, срываясь на окончаниях. Я послушно вобрала в себя головку члена и стала посасывать, играя периодически языком, ибо не понимала куда

его вообще девать. Судя по тому, как Ричард стонал, гладил меня по голове, слегка то сжимал, то направлял в нужный ему угол, ему нравилось. Пытался даже протолкнуть глубже, но у меня тут же возник рвотный позыв, уперлась ладонями в его ноги. Он не стал настаивать, только разочарованно выдохнул, когда я вообще отстранилась.

-До профессионального минета тебе, конечно, расти и расти, но задатки хорошие, я в предвкушении, когда сделаю из тебя шлюху! – Ричард резко поднял меня на ноги, толкнул в сторону дивана, я едва не упала на каблуках, но он вовремя меня ухватил за руку, повернул к себе спиной. Заставил встать на диван коленками, положил руку на поясницу, прогибая меня в удобную позу для него. Я не понимала, что происходит. Вещи, обстановка закружились перед глазами, тишина, смешанная с тяжелым дыханием давила. Внезапно раздался шлепок. Голую ягодницу обожгло. Я вскрикнула от неожиданности, от боли. Место шлепка жгло. Еще удар. Третий взмах хотела отстраниться, но меня крепко держали одной рукой. Слезы унижения застыли на глазах. Закусила губу, напряженно ожидая следующих ударов. И они последовали, беспорядочно, без какой-либо логики, причиняя физическую и моральную боль. Туман в голове постепенно рассеивался, и я с удивлением от происходящего оглянулась через плечо. Ричард выглядел умалишенным, глаза горели, на губах блуждала маньячная улыбка, он жадно рассматривал мою красную задницу, поглаживая себя одной рукой.

-Ричи... – прошептала, не понимая, какая сила меня вновь заставила оказаться в предстоящей телесной близости с мужем. Ужас первого раза еще не забылся. Ричард вскинул на меня глаза, прищурился, что-то себе под нос прошипел, подошел вплотную ко мне, раздвигая ноги.

-Не надо! – взмолилась я, ощущая, как его твердый член упирается в меня, одним резким движением вторгается внутрь, разрывая меня на части. Но кто меня слушал. Его движения сразу же стали напористы, резки и глубоки. До самого основания. Понимая, что ничего не изменится, отвернулась, вгрызаясь зубами в свою ладонь. Я ненавидела Ричарда. Ненавидела его животную сущность, которая сейчас застилала ему разум. Он менял угол проникновения, доставая меня до самой матки, заставлял кричать, теребил своими нервными пальцами мой клитор, поспешно потом сминал грудь, крутя до болезненной пытки соски.

Сколько прошло времени с начала этой агонии? Полчаса? Час? Ночь? Я уже не чувствовала своих ног, у меня уже не было слез, не было душевной боли. Было только тупое равнодушие и желание, чтобы эта фигня побыстрее закончилась. В этот раз Ричард трахал меня на обеденном столе после кросса на диване. Он никак не мог найти свою точку блаженства.

-Соси! – прорычал Стоун, отстраняясь от меня, хватая за волосы. Я распахнула широко глаза. – Мне с бревном не интересно растрачиваться. Давай, детка, поработай своим ротиком!

Меня не спрашивали, хочу или нет. Просто сдернули со стола, швырнули к ногам и, поглаживая по всей длине, поднесли член к лицу. Послушно открыла рот, но даже в этом не проявила энтузиазма, чем злила Ричарда. Это чувствовалось в воздухе, по его дыханию, по тому, как темнели его глаза в ярости. Он убрал член от меня, я не успела облегченно выдохнуть, как раздалась звонкая пощечина. Попыталась прикрыть лицо руками, но Ричард перехватил их одной рукой, бил меня по щекам ладонью, не сильно, но ощутимо и презрительно, раздражительно. Потом отступил на шаг назад, стал ублажать себя сам, глядя на меня избитую, изнасилованную, униженную, сломленную.

-Говорят, сперма полезна для кожи! – глумливо произнес Ричард, выплескивая мне на грудь, на лицо свою сперму. Брезгливо вытер свою руку об мои распущенные волосы. – Надумаешь папочке рассказать, я тебя затрахую до смерти, а так еще подумаю научить тебя получать от этого удовольствие!

Я с ненавистью в сердце, в глазах смотрела, как он медленно уходил в сторону ванны. Папе рассказать? Да я никогда не признаюсь ему в какую ерунду попала из-за своей глупости. Просто стыдно. Просто не найду в себе сил взглянуть в его спокойные глаза. Не смогу слышать его холодное: «Я ж говорил!». Сама заварила эту кашу, сама и буду ее расхлебывать.

Ричард

Хотелось выпить. А еще лучше принять кокаин. Я распустил галстук, ибо он меня просто душил, еще документы перед глазами ничего хорошего не извещали. Кто-то грамотно подкатывает к нашей компании, главное сложно было подумать на кого-то. Я уже третий день проверяю откуда приходят деньги, куда уходят акции, но везде

были реальные имена людей. Не подставных, а вполне существующих. Не за горами был полный крах, держатели спешили избавляться от убыточного вложения. Главными держателями пакета акций был отец и я, остальные маленькие доли были между далекими родственниками, которые и продавали.

-Я вижу ты тоже изучаешь статистику! – в кабинет без стука вошел Оскар Стоун и сел в кресло возле мини-бара. – Остались только мы с тобою. Я теперь жду, когда этот покупатель выйдет на нас.

-Ты думаешь, что это один человек? Но ведь везде указаны разные имена.

-Поэтому, Ричард, ты не бизнесмен, если веришь бумажкам. Я чувствую, что за этим внезапным интересом скрывается очень продуманный человек, вот только не пойму его целей. Ведь не секрет, что мы на грани банкротства.

-Может это наш спаситель?

-Может быть. Нам только остается ждать, когда он соизволит появиться на сцене. Ну, хватит о работе, как тебе семейная жизнь? – отцовские глаза с интересом на меня уставились. – Ведь план “Каюм” провалился. Кто ж знал, что Саид Каюм будет рубить с плеча!

-А что ты знаешь о Саиде? Мне показалось, что он играет по ту сторону! – я говорил с улыбкой, отец тоже улыбался.

-Ничего. Он загадочная личность. Вокруг много слухов, но никто не может похвастаться близким знакомством с ним. Чуть меньше двадцати лет назад переехал из России в Дубай, у него в Эмиратах жил отец. Жена перед переездом умерла в автокатастрофе. Девочка родилась от любовницы, которая его спасла от пули киллера во Франции. Об этом вся Европа гудела. Никто его в темных делах никогда не замечал, хотя поговаривали, что в России он был криминальным авторитетом, поэтому и покушались на Лазурном берегу, а не из-за конкурентов бизнеса, как выдвинули официально. Старший сын женат на племяннице королевской семьи, имеет своих двоих сыновей. Второй сын работает с отцом в бизнесе. Третий – типичный отпрыск богатых родителей, в основном тусуется в клубах, нигде не учится, не работает. Как его отец терпит, остается загадкой. Младший сын, наверное, станет ученым. Молодой человек уже известен в узком кругу по физике и химии. И весь этот мужской коллектив разбавляла Анна, любимица отца. Поэтому я удивлен, что

ты не приехал с сундуком приданного.

-Он хотел аннулировать брак. И открыто угрожал.

-Не думаю, что слова сказаны всерьез. Мы хоть и не блистаем с внушительным счетом, нашу фамилию знают, мы тоже со многими знакомы, да Саиду не к чему портит репутацию. Так что выдыхай и жди, когда папа сменит гнев на милость, а это рано или поздно случится, он без своей малышки не проживет и дня. Надеюсь, ты к ней без всяких там садо-мазо?

-Все ванильно-шоколадно! – обманчиво улыбнулся. Отец довольно кивнул, а я улыбался до того момента, пока не закрылась дверь. Садо-мазо? Усмехнулся. Я каждый день в течение месяца трахал ее в разных позах, делая малышку в покорную рабыню. Под воздействием наркотиков Анна превращалась в мягкий воск. И было плевать, что на утро она смотрела на меня как на самого заклятого врага. Ей деваться было некуда. Карточки я отобрал сразу же на утро, как мы приехали из Эмиратов. Телефон поставил на прослушку, контролируя все ее звонки и открыто об этом сказал. Звонить папе и братьям девушка не стремилась, как и искать встреч с младшим братом, хотя тот звонил пару раз, приглашал посидеть в кафе. Как правило это были неудачные дни, ибо на Анне оставались следы избиения. Я старался по лицу особо не бить, только хлопал по щекам, когда она ослушается или слегка разозлит. А злила голубоглазая часто.

-Мистер Стоун, мне звонила секретарша мистера Каюма, просила согласовать с вами встречу! – в кабинет вошла Стелла, слегка покачивая бедрами. Сквозь прозрачную белую блузку опускались и приподнимались полные груди с темными ореолами. Белый кружевной бюстгальтер больше соблазнял, чем скрывал. Стелла была моей рабочей игрушкой, девушка любила жестокий секс и была не против иногда исполнять обязанности по умолчанию. И пока она задирала свою короткую черную юбку, демонстрируя белые мокрые трусики, я соображал, что нужно Каюму в официальной обстановке.

-А по какой причине? – прошептал, раскатывая по готовому члену презерватив. Это только с Анной я не предохранялся, там мне нужен был ребенок, остальные могли только мечтать об этом.

-По каким-то договорам... – в конце вскрикнула, когда я мощно вторгся в ее нутро, обхватывая ладонями колыхающие груди.

-Какие договора? – пару мощных толчков, рыжая бестия

распласталась на моем столе, широко разведя ноги. – Мы же не сотрудничаем с ними!

-Аааа... – каждый мой толчок вызывал в Стелле невнятный стон-вскрик. Я резко вышел из нее и нацелился в попку, которая соблазнительно была приподнята. У Анны задница была все же худенькой, постоянно упирался в кости. На столе протяжно всхлипнули, когда я проникал уже в другую дырочку, пальцами устремляясь туда, откуда только вышел мой член. Минут двадцать я с ожесточением драл свою секретаршу, ощущая, как она уже несколько раз кончала на мои пальцы, как ее сок тек не только по мне, но и по ней. Последний рывок и я взорвался в мягкой заднице, нажимая на все мысленные и не мысленные точки между разведенных ног, чтобы девушка еще раз кончила. Блин, почему Анна всегда остается безучастна? Она никогда не кончала, словно где-то в ее мозгу поставили блокировку и никакой наркотик не мог подобрать пароль, чтобы раздраконить девушку до мольбы, до криков, до стонов.

Застегнув ширинку, предварительно вытерев с себя последствия расслабления салфетками, сухо произнес:

-Договорись о скорой встрече, любопытно, что приготовил любимый тесть!

Саид Каюм прилетел через неделю. О том, что в Лондон прилетает отец, я Анне не сообщил. В последнее время она апатично на все реагировала, предпочитала спать и есть. Я напомнил самому себе купить тест на беременность. Если она уже носит ребенка, надо ее снимать с наркотиков. О том, что она могла привыкнуть к веществам, даже мысли не допускал. Я же не привык!

Он задерживался. Наши юристы, отец и сам я взмокли от напряжения, хоть в переговорной отлично работали кондиционеры. И тут открылась дверь. Мы резко вскочили на ноги. Сначала зашли какие-то незнакомые серьезные люди почти с одинаковыми лицами, потом появился как всегда невозмутимый Али, следом, разговаривая по телефону, вошел Саид. Кивком головы он разрешил всем занять места. Мы оказались друг напротив друга. Его разговор тут же завершился.

-Добрый день, господа! – его губы улыбались вполне дружелюбно, только вот глаза к этим чувствам не имели никакого отношения. Они

замораживали все вокруг, убивали холодом все живое. В том числе и мою уверенность. Я как-то подзабыл, какие у него выразительные, умеющие без лишних слов, движений донести до тебя все его отношение к тебе и к ситуации в целом. Сейчас он зловеще торжествовал, заставляя нашу сторону ощутимо нервничать, беспокоиться.

-Без лишних слов, ознакомьтесь! – наверное, по интонации его служащие поняли команду, ибо перед всеми нами оказались копии договоров. И чем больше я вчитывался, тем больше покрывался потом, судорожно соображая, как он сумел повернуть такую аферу! Он выкупил все наши долги! И теперь нам оставалось добровольно отдать все акции ему в собственность, ибо на всех законных основаниях мог нам выставить сумму долга, если мы откажемся.

Отец взял ручку и без слов расписался. Я не в силах был даже пошевелиться, чувствовал, как привычная жизнь рушится кирпичиком за кирпичиком. Если я подпишу, все что мне должно было достаться в наследство от отца, перейдет Каюму. И теперь он решает работать мне тут или вышвырнуть на улицу. Сглотнул. А голубые глаза смеялись, как и карие. Оба Каюма торжествовали.

-Стоун? – Саид Каюм приподнял вопросительно бровь. Дрожащей рукой, нетвердо расписался в нужных местах. Все. Я официально теперь не владею компанией, которую создавал еще мой дед. Взглянул на отца, он вмиг постарел лет на десять. Мы наблюдали, как Каюм размашисто поставил свою подпись, как какой-то юрист проверил, кивнул и улыбнулся.

-Спасибо, мистер Каюм, за приятное сотрудничество! – опять этот юрист широко улыбнулся и покинул переговорную, за ним потянулись похожие на него коллеги. Остались только Али, Саид и мы.

-Что вы сделали? – шепотом спросил Оскар Стоун, сжимая и разжимая руки.

-Ничего особенного. Продал компанию, которую разделят на несколько частей, а там еще поделят и так далее! – Саид Каюм встал, мы потянулись следом. На отце не было лица. Детище, которым хотелось гордиться, просто расфасуют на мелкие предприятия, стерев отовсюду историю семьи Стоунов.

-Как вы могли! –Оскара Стоуна начало трясти. Я испугался за

состояние отца, метнулся к графину с водой, подал ему стакан, но его уже была мелкая дрожь. Я испуганно оглянулся на своих родственников и застыл. Оба смотрели с еле заметной улыбкой на губах, в глазах отражалась месть, убийственный расчет, который преследовал именно эту цель: уничтожить.

P.S.В каждой монашке есть шалава, в каждой шлюхе есть скромница! (наверное, Анна прозрела по поводу своего положения, что будет она делать??? Смиренно все принимать или бунтовать?! Спасибо за лайки, репосты, но мы с МУЗом соскучились по общению!

6 глава

Скачано с сайта knigomania.org

Анна (19.07.2018)

Тошнота то подступала, то отходила. Она была непредсказуемой. Мутило не только утром, но и в течение дня. Ни о какой учебе не могло быть и речи. Даже Ричард со своими желаниями поутих. Однажды, после визита к отцу в больницу, у того случился сердечный приступ, он пришел подвыпивший, долго меня рассматривал в ногах. Приказал сесть, перед этим полностью раздеться. Еще ранее заставил выпить какую-то безвкусную мутную воду, но от которой у меня не было отторжения Ричарда, на губах застывала идиотская улыбка.

-Знаешь, Анна, ведь по сути ты ничего из себя не представляешь! Ты ценна только из-за своего папы, который заставляет крутиться мир вокруг своей оси, и, если ему вдруг потребуется, чтобы солнце вставало на западе, солнце будет вставать на западе. Ты красива, не отрицаю, но и в этом нет твоей заслуги. Тут постарались родители. Кто ты? Что ты из себя представляешь? Ни увлечений, ни стремлений, ни своего мнения, ни своей позиции. Как сказали люди сильнее тебя, так и сделаешь. Тряпка. Об которую постоянно хочется вытереть ноги! – его рука коснулась моих волос, накрутил прядь на кулак, потянул вниз, заставляя откидывать голову назад. – Глупая папина девочка! Если бы он воспитывал тебя, как сыновей, вряд ли ты сейчас покорно сидела у моих ног с потерянным взглядом. Ошибка Каюма в том, что он растил тебя, как редкий сорт розы, которую нужно оберегать от любого сквозняка, при этом забывая, что если берешься оберегать от всего, то оберегай, а не на половину. Ему нужно было выбрать одну линию твоего поведения, а не смесь

скромного Востока и свободного Запада. Именно поэтому ты никогда не понимала к какой культуре принадлежишь, постоянно кидалась из крайности в крайности. Одевала закрытые наряды в пол, при первом же удобном случае натягивала провокационный купальник. Ты, Анна, и не с ними, и не с нами. Посередине.

Он впервые сказал мне так много слов, лично мне, показав, как на самом деле я выгляжу со стороны. Хотя мой мозг до конца не улавливал смысл сказанного, что-то заставило ощутить горечь во рту, пустоту в груди. Ведь по сути он прав! И, отключив себя от происходящего, не чувствовала боли, не чувствовала унижения, не чувствовала вообще какие-либо эмоции. Даже подсознательная ненависть к своему насильнику тоже куда-то отошла на задний план.

Я заснула, потому что тело было изможденным после ночных сексу-тех Ричарда, но спала чутко, поверхностно. И когда тошнота вновь подступила к горлу, поспешно вскочила на ноги, шатаясь в разные стороны, поплелась в ванну. Там меня вырвало. Заставила себя встать под душ, смыть с себя мое безволие, мою апатию, мою покорность. Когда вытерла запотевшее зеркало, вздрогнула от увиденного. Почти за полтора месяца я превратилась в человека с большими лихорадочными глазами, с худощавым лицом, с истощенным телом. Последнее время есть хотелось сильно, но это все потом выходило наружу. Поэтому об аппетитных бочках говорить не приходилось. Мне стало страшно. Если я еще проживу со Стоуном какое-то время, он меня просто угробит, я умру, так и не достигнув совершеннолетия на западный маневр. Мне нужно было бежать! Бежать пока была в состоянии двигаться, мыслить, что-то самой делать.

Наспех высушив волосы полотенцем, заплела их в косу, лицо не стала красить, времени не было приводить себя в приличный вид, Ричард мог проснуться в любой момент. Побежала в гардеробную одеваться, не зная, какие приключения меня ждут за порогом дома, предпочла черные джинсы, темный джемпер, кроссовки и кожаную куртку.

Почему я раньше о побеге не думала??? Почему? Мне всего лишь стоило добраться до братьев, до папы и весь кошмар бы давно завершился! Точно не от мира сего! Идиотка!

Поглядывая на спящего Ричарда, обшарила карманы его брюк, пиджака в поисках наличных денег. Карточки, мобильный телефон побоялась брать, по ним ведь легко вычислить, где человек снимал

деньги, откуда звонил. Наконец-то, я нашла его портмоне, не глядя сколько там денег, вытащила все. Сняла обручальное кольцо и положила его вместо налички. Крадучись, словно вор, направилась на выход. Никто не задерживал, никто не выскакивал из-за угла. И быстро идя по пустым тротуарам, было всего пять утра, постоянно оглядывалась через плечо, боясь увидеть погоню за собой.

Метро открывалось в пол шестого, я пришла к открытию, самостоятельно купила билет, сказав наугад станцию, успев прочитать парочку на карте перед кассой. На меня странно покосились, да вид слегка побитой собаки, Ричард в этот раз не усердствовал с битьем по лицу. Где-то час или больше я бессмысленно каталась по метрополитену, переходя из вагона в вагон, пока желудок не напомнил мне о том, что стоило бы поесть. Пришлось со страхом выходить на поверхность. Оказалась где-то за центром, вокруг было суетливо и незнакомо. Увидела название булочной, поспешила туда, купила чашку чая и свежую булочку с джемом. Впервые мне хотелось именно есть и назад ничего не просилось.

-Простите, а могу я позвонить! – заискивающе смотрела на насупленного парня у кассы, он окинул меня оценивающим взглядом, убедился, что на воришку не похожа, протянул телефон. С памятью всегда было хорошо, но ленилась в детстве учить стишки, однако пять номеров телефона у меня были вызубрены. Я задумалась. Звонить папе я боялась. Он орать не будет, но морально еще не готова была с ним встретиться после всего произошедшего, да едва на меня взглянув, он о многом поймет. Азамат...Из-за его бешеного темперамента было чревато ему звонить и пытаться объяснить, что произошло. За все время моего замужества он ни разу не позвонил, не спросил, как дела, не выразил желание встретиться, хотя я знала, что в Лондоне бывал набегам. В общем с его пренебрежением мне еще предстояло разобраться. Ахмет. Старший брат звонил, интересовался моей жизнью, но работа много отнимала времени, и он жалел, что никак не может вырваться ко мне, поболтать и понять причину моего поспешного замужества. К Али можно было смело обратиться, и если он вдруг не здесь, то в конце этого дня он меня обязательно забрал бы и отвез домой в Эмираты, не задавая никаких вопросов. Но почему-то ему звонить не хотелось. Оставался Аман. Милый, любимый младший братик. И вспомнив о нем, на губах сразу же расплылась улыбка.

-Алло! – на том конце трубки голос был настороженным.

-Аман! – никогда не думала, что буду так радоваться, услышав родной голос.

-Анна? А почему ты звонишь не со своего телефона?

-Аман! Все потом. Скажи мне, как до тебя доехать?

-В смысле?

И я стала подробно ему объяснять, где сейчас нахожусь, о том, почему нахожусь в этом месте решила рассказать, когда сяду рядом с уютным Аманом. Он назвал мне станцию, до которой мне нужно было доехать, а возле метро встретит.

-Аман! – выдохнула, когда вынырнула из подземки, заметив знакомую фигуру брата. Он сразу же заключил меня в объятия, сразу же мне стало уютно, безопасно и хорошо. Сразу же я поняла, что мой кошмар позади.

-Анна! – его карие глаза внимательно вглядывались в мое лицо, черные брови хмурились, видимо заметил едва сошедший на скуле синяк. Если он заметил, значит мне еще неделю нужно скрываться, чтобы папа даже не заподозрил о нем.

Никаких вопросов мне не задали. Аман молча отвел к себе на квартиру, которую снимал на пару с другом. Когда-то отец предлагал купить ему недвижимость в Лондоне, отказался, не захотел выделяться среди студентов. Квартира была уютной, гостиная совмещенная с кухней, в лаконичном минимализме, две спальни, в одну меня завел брат. Удивительно, но у каждого была своя ванна.

-Я думаю тебе стоит отдохнуть!

-У меня настолько замученный вид? – стянула с себя куртку, сняла джемпер, мне протянули футболку и деликатно отвернулись, когда я переодевалась.

-Вид у тебя, конечно, не глянцевый, если папа тебя увидит, будет больше вопросов, чем ответов. Ричард знает, где ты?

-Надеюсь, что нет.

-Что-то случилось? – Аман замер возле двери, собираясь выйти.

-Я сбежала от Ричарда.

-Папа знает об этом?

-Нет. И надеюсь ты пока приютишь у себя на пару дней, а потом я решу, куда мне двигаться дальше! – по тому, как вскинулись темные брови вверх, брат был удивлен, но развивать разговор не стал. Ему нужно было уходить на занятия. Перед уходом рассказал, где и что находится, выудил из тумбочки какой-то допотопный кнопочный телефон, в котором еще и симка оказалась, чмокнул в лоб и сообщил, что вернется к вечеру и поговорит со мною по душам. Я была уже настроена на разговор с откровениями, Аману не боялась признаться во всем и сознаться в своей никчемности. Он меня поймет, не осудит и пожалеет, по-своему поддержит и защитит.

Єаид (21.07.2018)

Равнодушно кинув на себя взгляд в зеркале, поправил манжеты и взглянул на наручные часы. Нужно было выдвигаться на благотворительный ужин, скучный, нудный ужин, но так необходим для поддержания имиджа и репутации. В комнату вошел Али в идеальном черном смокинге, подогнанный точно по фигуре. Каждый волосок был уложен в нужном порядке и зафиксированный гелем. Без единой эмоции на лице с гладко выбритыми щеками, не улыбающиеся тонкие губы, пронизывающий ледяной взгляд карих глаз. Хмыкнул, люди думали, что карие глаза самые теплые. Но если брать Али, то тут теплом и не пахло.

-Где Азамат?

-Где-то в Альпах, катается на сноуборде и оприходует симпатичные девичьи задницы.

-Кажется пора браться за его воспитание. Хорошо, хоть с боями покончено.

-Не совсем. Он продолжает драться, правда уже в других кругах, где ставки всего лишь в деньгах.

-Идиот! – выругался сквозь зубы. – Закрой завтра платиновую карту, посмотрим, что он предпримет. Что со Стоуном? – мне протянули папку, Али напрягся, я почувствовал это кожей, поспешно вчитывался в текст на бумагах. Резко вскинул на сына глаза. –Ты не мог это раньше мне найти???? – прошипел, сминая листы в руках.

-Да он сукин сын через третьи руки достает наркоту, никто никогда

на него не подумает! Скажи спасибо, что вообще узнали об этом, чисто случайно!

-Спасибо! – сыронизировал. –Только если он твою сестру посадил на наркотики, пеняй на себя! Я не буду смотреть кто прав, кто виноват, кто мне сын, а кто мне враг! Накажу всех!

-Да ладно, как будто ты сможешь кого-то из нас убить своими руками! – Али рассмеялся, качая головой. Рука дернулась, но я быстро ее спрятал в карманы брюк, отворачиваясь от сына, мысленно считая до десяти, смотря в одну точку. Еще вздох-выдох, ярость улеглась, спокойно произнес:

-Завтра с утра мы едем за Анной!

-А со Стоуном что?

-Ничего.

-Как ничего? – Али схватил меня за локоть, заставляя повернуться к нему. – Ты просто так все ему спустишь?

-Меня сейчас волнует только одно: успел он приучить Анну к наркотикам или нет. Все остальное позже.

-Но пап....

-Нет, Али, никого не будем расчленять и пытаться, это Англия, а мне проблем с правосудием этой страны не нужно. Но не думай, что Стоун уйдет безнаказанным, пусть почувствует себя победителем! – злорадно усмехнулся, в голове зрел план, как выманить этого англичанина из страны на свою территорию, где мне никакой закон не страшен. Я не настолько безрассуден, чтобы в порыве мести наломать дров и испортить себе и детям жизнь. В двадцать лет даже не подумал о последствиях, сейчас приходилось прикидывать план на несколько шагов вперед, и то порой в некоторых сферах прокалывался. Как, например, с Анной. Эта ошибка заставила меня всерьез взглянуть на себя со стороны. Я кажется не могу охватить все сферы под контроль, нужно распределять обязанности, но позже. Сейчас я ненавижу обстоятельства, мне хотелось сорваться к Стоуну, забрать свою девочку и просить прощение за свою халатность. Что если... Об этом даже думать не хотелось. Как человек, связанный с наркобизнесом, я знал –бывших наркоманов не бывает, хоть трижды лечись в крутых клиниках, бывай на приеме психотерапевтов, всегда существует угроза сорваться.

Спускаясь по лестнице парадного выхода отеля, в котором мы постоянно останавливаемся, когда приезжаем в Лондон, пролистывал письма в электронном почтовом ящике, не смотря по сторонам. За меня смотрели по сторонам охрана и Али.

-Пап! – от этого голоса чуть не промахнулся ступенькой. Вскинул глаза и за широкими спинами охранников увидел бледное лицо Амана. Младший сын редко меня тревожил, звонил исправно раз в день, а если не звонил, то потом объяснял почему не звонил. Идеальный сын. За него я был спокоен, как никогда. Заподозрить его в чем-то было невозможно, Аман всегда сознавался мне сам в каких-либо «преступлениях». Не раз он сдавал себя и Анну в детстве, когда нашкодят, не сделают уроки, убегут от нянь.

-Аман! – удивился столь позднему появлению сына возле отеля. Обычно перед встречей созванивались и назначали встречу в каком-нибудь небольшом ресторанчике, где проводили время вдвоем. Я по-прежнему старался с каждым ребенком проводить время по отдельности, давать им понять, что я ценю их, люблю.

Аман сделал робкий шаг в мою сторону, я кивком головы разрешил его пропустить.

-Что случилось? Ты не звонил. Или я пропустил твой звонок и не заметил? – поспешно начал просматривать журнал звонков.

Я не звонил... Я просто испугался... он на каждом слове задерживал дыхание, заставляя мое сердце учащенно набирать темп. Сдвинул брови, рассматривая его встревоженное лицо. – Анна... – имя дочери, как контрольный выстрел сегодняшнего дня. Сделал шаг вперед, впиваясь напряженным взглядом в белое лицо Амана.

Она у меня! – кажется я выдохнул с явным облегчением. – Но она не в порядке. Я не понимаю, что с ней происходит! Ее трясет, она просит постоянно воды, потом проваливается в сон, потом опять трясется. При этом не может объяснить, что ей нужно... – если сын не понимал, что творилось с его сестрой, я прикрыл глаза от горькой правды. Мне стоило огромных усилий сейчас сдержаться, не отдать приказ своим «псам» убить Стоуна.

-Али! – повернулся к Али. – Ты едешь на вечер, у меня появились другие важные дела. Принеси извинения от моего имени и купи какой-нибудь лот в качестве компенсации и пожертвуй определенную сумму, какую, сам сообразишь! – схватил Амана за

локоть, направился к впереди стоящему джипу. Мы ехали молча, каждый думал о своем. Когда машина притормозила возле дома, не стал никого дожидаться, помчался на второй этаж. На мой стук дверь открыл какой-то парень с развитым телом, с нахмуренными бровями. Я потом сообразил, что это сосед Амана, а так отодвинул его в сторону и по наитию шел к Анне. Моя девочка оказалась в одной из спален, укутавшись в одеяло, как котенок.

~~Аня! — опустил на колени возле кровати, убирая с ее лица волосы. Ее трясло. Прощупал пульс. Бился как при лихорадке неровно, прерывисто. Она была мокрой, как мышь. Раскутал ее, разглядывал сгибы локтей, подмышки, пытался ее рассмотреть всю, особенно те места, куда наркоманы себя колют, чтобы не было видно. Ресницы дрогнули, на мне попытался сфокусироваться взгляд.~~

-Папа?

-Что он тебе давал? Или колол? Таблетки? Порошок? – обхватил рукой ее подбородок. Анна сдвинула брови, пыталась сосредоточиться.

-Не знаю. Просто давал стакан с водой.

-Как давно он тебе его дает?

-Не знаю...

-Аня! – слегка ее потрянул, голубые глаза наполнились слезами. Сердце дрогнуло. – Малыш, вспомни, это очень нужно, чтобы я понимал, как тебе помочь!!! – погладил другой рукой по щеке, замечая едва заметный синяк. – Пожалуйста, Аня, я не хочу тебя терять!!!

-Может быть с того дня, как мы приехали в Лондон.

-Хорошо! – поцеловал ее в лоб, убирая руки с лица. Встал на ноги, ища в карманах свой мобильник. Анна вновь погрузилась в поверхностный сон, натягивая на себя одеяло. У меня было куча вопросов к Стоуну, скорей претензий, но сначала нужно было позаботиться о дочери. Наконец-то, нашел телефон, а там нужный контакт. Ли. Просто Ли.

-Алло.

-Ли, я знаю, что ты сейчас в Лондоне, ты мне нужен.

-А если бы был в Таиланде? –на другом конце трубки тихо

рассмеялись. – Ты всегда в курсе, где твои люди?

-Чаще всего да. Ли, ты мне нужен в личных целях.

-О, – вся веселость тайца в голосе пропала, он сразу же стал серьезен.
– Диктуй адрес.

В комнату вошел Аман, держа в руках кружку. И как он догадался о том, о чем я еще не подумал, но сейчас осознал, что жутко хочу? Поистине, он чувствует меня на уровне интуиции. В кружке был черный кофе.

-Я подумал, что кофе тебе не помешает! – и заглядывает так заискивающе. Улыбнулся. Взял кружку.

-Спасибо, сын. Ты знал, что мне нужно.

-Коньяка нету.

-Обойдемся без него, мне нужна сейчас ясная голова. Она сама к тебе пришла?

-Она утром позвонила. Поговорить нам не удалось. Когда я пришел с занятий, она спала, а потом началась тряситься, жаловаться на головную боль. Я за градусником, а температуры нет. Я растерялся, прости...

-За что? – удивился, отпивая кофе. – Ты ни в чем не виноват.

-С ней все в порядке? – мы одновременно посмотрели на кровать, на спящую Анну. Лицо ее блестело от пота, дышала она часто и поверхностно.

-Надеюсь, что да.

-Мы там пиццу заказали, ты будешь?

-Нет, спасибо, мне только зарядка для телефона нужна.

-Сейчас принесу! – Аман резво потрусил из комнаты. Я допил кофе, последовал за ним. Перед телевизором на низком журнальном столике действительно была открытая коробка с пиццей, несколько банок пива. Аман, увидев, что я смотрю на банки, покраснел, заставив меня ухмыльнуться, но воздержаться от комментариев. Мы совершили обмен: я его кружку, он мне зарядку.

В комнате Анны не оказалось. Я давно не испытывал чувство страха, но сейчас ощутил, как жадно он принял к моему позвоночнику, как

его противные щупальца тянутся к моему сознанию, накрывая паникой. Меня не было три минуты, ну максимум пять!

Из ванны послышалась льющая вода. Выдохнул, чувствуя, что начинаю уже ровнее дышать. Подошел к двери, постучался.

-Аня, с тобою все хорошо? – прислонился плечом к стене, дожидаясь ответа. Но мне не отвечали. Меня заставляли вновь ощутить забытое чувство никчемности, когда ты что-то и можешь сделать, в и тоже время ты бессилен. Это было то, чувство, когда я поднимал всех врачей на уши, когда я угрожал, когда я обещал наградить, лишь бы спасли мне моего ребенка и мою женщину. Это было то, чувство осознания, что ты всего лишь человек и не все в твоих руках.

Дверь была закрыта. А чувство тревоги заполнило меня по самую макушку, заставив вспомнить, как выбивать плечом дверь. И даже не обратил внимание, что потом плечо заныло. На секунду на меня свалился столбняк. Я стоял в дверном проеме, смотрел на лежащую на полу девушку и не понимал, что вижу, что делать, что вообще происходит. Я только чувствовал надвигающую потерю. А я не мог потерять! Нет! Только не Аню... только не мою девочку.

Ступор прошел, отбросив в сторону все эмоции, переживания, просто отгородился от всего, иначе истерика могла настигнуть в любую минуту. А это было мне ни к чему.

-Аман! – заорал во весь голос, подхватывая безвольную голову Анны, рассматривая на полу разные упаковки таблеток. Чего тут только не было. Появился сын, глаза широко от ужаса распахнулись.

-Быстро мне графин с водой! И телефон мой! – похлопал по щекам, ноль реакции. Дура! Маленькая дурочка! Ну, что ты натворила!!! Пульс под пальцами бился, ресницы дергались, но глаза по-прежнему были закрыты. Ударил по щеке чуть сильнее и на меня уставились в страхе, в немой покорности голубые глаза. Рядом уже был Аман с графином и со стаканом. Усадил дочь так, чтобы она опиралась спиной об ванну.

-Аня! – поймал ее рассеянный взгляд. – Ты должна выпить всю воду! Ты слышишь меня? – не отреагировала. Пришлось насильственно вливать в нее воду, она вяло сопротивлялась, глотала и половину выплевывала, а я настойчиво вновь вливал в нее. Когда вливать уже было нечего, поднял ее над ванной, открыл рот и надавил на корень языка. Ее рвало одной жидкостью вперемешку с таблетками, которые

не успели раствориться. Убедившись, что из желудка уже нечего было доставать, подвел Анну к раковине, умыл как маленькую, подхватил на руки и понес к кровати. Там уже ждал нас Ли.

-Что? – таец раскрыл свой саквояж, я взглядом приказал Аману и его любопытному другу покинуть комнату, закрыть за собою дверь. Анна лежала с закрытыми глазами. Она была совсем слаба и было ее безумно жалко, хотелось обнять, прижать к груди и качать на ручках.

-Я не знаю. Что можно с водой размешать? Уколов нет, может канабис? Морфин? Кодеин? ЛСД?

-Саид, ты решил все виды наркоты вспомнить? –Ли посмеивался, достал шприц, устройство для капельницы, бутылку с физраствором. –Как долго принимала?

-Она не принимала! – взвился, от одной мысли, что посторонние думают, что моя дочь добровольная наркоманка. –Ее заставляли!

-Сумма слагаемых от этого не меняется! – таец равнодушно пожал плечами. – Так сколько?

-Около двух месяцев.

Больше вопросов не было. Ли знал свое дело. Я мог с уверенностью сказать, что он сделает все возможное, чтобы Анна пережила максимально безболезненно период ломки. Подошел к окну, за которым уже была ночь. Старался ни о чем не думать, просто прислушивался к звукам за спиною. На все мысли был поставлен запрет.

-Саид! – меня тронули за плечо. Я обернулся. Ли выглядел уставшим, хоть и смешинки в уголках глаз никуда не делились. – Она проспит до утра, только следи, чтобы капельницу не сорвала. Ничего страшного думаю нет, я взял кровь на анализ, к вечеру скажу тебе примерно, чем ее накачивали. Небольшая ломка будет пару дней, но ее просто нужно перетерпеть!

-Спасибо! – вымученно улыбнулся, настраиваясь на бессонную ночь. Ли пожал протянутую руку, собрал свои вещи и бесшумно ушел. Медленно подошел к кровати. Анна спала, дыхание было ровным и глубоким. Присел рядом, взял ее ладошку, поднес к щеке, прикрывая глаза. Маленькие пальчики... как я любил их перебирать, когда она сладко сопела в своей кроватке. Как я часто стоял ночью в полумраке возле нее, жадно вглядываясь в черты лица, пытаюсь в ней найти

Арину и как было больно видеть в ней себя, сожалеть, что мои гены были сильнее. Я хотел, чтобы после Арины хоть что-то похожее на нее осталось, но Анна была внешне копией меня. Характером...дикая смесь Каюма и Берзниковой. Где-то твердая, где-то мягкая, где-то ласковая, а где-то готова оттолкнуть. Как Арина...

Я больше требовал с мальчиков. И отчитывал их тоже больше. А девочку свою баловал, хотел, чтобы она была просто счастлива и ни о чем не задумывалась. Любой каприз всегда был исполнен. Никогда не давал ей право выбора, все за нее решал, но она и никогда не протестовала. Возможно, просто и не думала, что бывают другие варианты. Выпросила только один раз сделать свой выбор, итог теперь сводил зубы, как от боли.

Нана... шепот меня отвлек. Я всю ночь просидел возле нее, только сейчас почувствовал, как затекла спина, как усталость навалилась на плечи, а комок напряжения разрастался в груди и требовал выхода.

-Все хорошо! – улыбнулся Анне, поправил одеяло, аккуратно вытащил иглу из вены, залепил пластырем ранку, согнул руку. Она смотрела на меня напряженно, я теперь рассмотрел почти сошедшие синяки на лице. Злость резко накрыла меня, да так, что я толком ничего не видел перед собою, внутренний узел все туже стягивался, давно забытая агрессия вырывалась наружу, а вместе с нею давно приученный зверь. Ни медленные вздохи-выдохи, ни счет до десяти ничего не успокаивало, даже внезапно вспомнившиеся молитва ни к чему не привела. Я задыхался, хотя рубашка давно была наполовину расстегнутой.

Кто-то вошел в комнату. Обернулся. Это был Али уже в джинсах и синей рубашке. Он понял меня по глазам, кивнул головой. Стараясь не показывать Анне, как меня накрыло, спокойно встал и вышел из комнаты. Методом тыка нашел ванну, закрылся и оперся на раковину, опустив голову на грудь. Черт!!! Поднял голову и взглянув на себя в зеркало. Вздохнул. Если я сам от себя вздрагивал, что же испытали бы посторонние люди, увидев мой дикий, бешенный взгляд, готовый убивать без суда и следствия.

Холодная вода не успокаивала, чем больше плескал себе в лицо ледяные капли, тем неотвратимо, как грозовой циклон на меня надвигалась моя темная сущность. Я жаждал убивать. Я хотел убить. Не просто выстрелить в голову, чтоб наверняка, а разрисовать человека тонким кончиком лезвия ножа. Я хотел впитать в себя страх

смерти, страх перед неизбежностью, страх... Я уже позабыл, каково это ощущать на губах свой хищный оскал. Я последние годы уходил от криминала все дальше и дальше, запрещая себе вспоминать свою власть в России, я старался, чтобы теневая сторона моей жизни не касалась детей, чтобы они жили без оглядки. Полностью превратиться в пушистого и белого «зайчика» мне не позволил бизнес отца, доставший после его смерти, были давления на нужных людей, избиения, угрозы, но это было без моего участия, но по моему приказу. А сейчас я хотел быть тем Саидом Каюмом, который сбивал костяшки в кровь об лица ненужных ему людей, тем Саидом, при виде которого душа уходила в пятки, тем Саидом, который доводил людей до самоубийства...

-Пап, все хорошо? –раздался за дверью встревоженный голос Али. Вытер руки об полотенце, распахнул дверь. Карие глаза сразу же внимательно просканировали мое лицо.

-Али, скажи мне, когда я последний раз сам лично убивал? – смотрел в глаза сыну, он задумался, видно пытался вспомнить это время. Видно оно было слишком давно, потому что он покачал головой, говоря этим что и не помнит такого.

-Значит Стоун за мною! – это был приговор без пяти минут бывшему мужу Анны, который не изменится ни при каких обстоятельствах.

7 глава

Ричард (22.07.2018)

Анна сбежала. Я ждал ее два дня, верил, что она вернется и никуда не денется, ведь документы то были у меня. Но она не вернулась. Я не знал, что мне делать. А если с нею что-то случилось? Ведь до побега она вряд ли самостоятельно передвигалась по городу, всегда была с кем-то. Даже за два месяца в Лондоне она выходила из дома только в моем сопровождении. Наверное, стоило позвонить Саиду Каюму и сказать, что его дочь сбежала.

Звонок в дверь. Уверенный. Я растерялся, никого не ждал. На минутку подумалось, что возможно это Анна, поспешил к двери. Когда увидел пришедшего, возникло жуткое желание захлопнуть дверь, закрыться на все замки и вообще исчезнуть. Но разве можно исчезнуть от этих холодных глаз.

-Ты, Стоун, случаем никого не ищешь? – улыбка заставляет вздрогнуть всем телом, сглотнуть ком в горле.

-Что-то мне подсказывает, что вы прекрасно знаете, где находится то, что я ищу несколько дней! – ухмыльнулся, прислонясь к дверному косяку. Дрожать, как тварь, я не собирался. Я его не боялся. Даже темный взгляд выдержал. Я его не боялся! И не важно, что перед его приходом выпил уже две бутылки виски, открыта третья. Я его не боялся...

-Прогуляемся? – он не стал проходить в квартиру, так же, как и я, прислонился к косяку, лениво меня рассматривал, как кот мышку, которую поймал.

-Не любитель.

-Я все же настаиваю! – что-то в его голосе подчинило, мне пришлось молчаливо согласиться с его предложением. Накинул куртку, взял телефон. Мы в молчании спустились, на улице нас уже ждал черный тонированный джип. К моему удивлению, там находился старший сын, Ахмет. Он даже не улыбнулся, хотя мне казалось, что из всех братьев, он был самым дружелюбным. Сам Саид, а это был он, сел вперед, за рулем был Али. Машина тронулась с места, Ахмет достал из черной папки какие-то бумаги.

-Ознакомьтесь! – официально произнес, протягивая мне листы. Я растянул губы в улыбке, мне не ответили взаимностью. В салоне повисла тишина, нарушаемая урчанием двигателя.

-Я не буду подписывать! – взвился, раздраженно, чуть ли не кидая, отдал бумаги Ахмету. Это были документы о разводе.

-Стоун, тебя не спрашивают, тебя просто ставят в известность. По-хорошему! – запахло никотином. Бросил взгляд вперед, это курил Саид.

-Не буду! – упрямо повторил. На переднем сиденье вздохнули. Али с Саидом переглянулись, и машина свернулась на дорогу в сторону из города. И тут мне стало страшно. Я в поисках поддержки взглянул на Ахмета. Ведь он адвокат. Ведь он на стороне законов, так почему сейчас сидит и молчит, отвернувшись к окну. Кем ты не приходился человеку, допускать нарушения закона ты не должен. Он допускал и самое ужасное было то, что на окраине города машина притормозила, Ахмет вышел, даже не обернулся. Неподалеку его ждал другой автомобиль. Лоб покрылся капельками пота, руки начали мелко дрожать. Джип Каюма тронулся с места и увозил меня все дальше и дальше от Лондона.

-Меня будут искать!!! – шепотом воскликнул, сжимая кулаки. Никто не отреагировал на мою реплику. Машина свернула с основной дороги на второстепенную и вскоре мы были уже в каком-то маленьком городишке, название которого не успел на въезде прочитать. Удивительно, но остановились возле придорожного кафе. И да, мы зашли туда, сели за столик. К нам подошла милая официантка. Али всем заказал кофе. Саид рассматривал меня внимательно, скользя прищуренным взглядом.

-Как ты думаешь, что я должен с тобою сделать? – щелкнул зажигалкой, вновь затянулся. Табличка о том, что курить запрещено его не смутила, а шедшая с предупреждением девушка под его тяжелым взглядом так и не дошла до нас.

-Понять и простить! – со смешком ответил, отпивая дешевый напиток, который уже дымился перед нами. Нужно было хоть чем-то занять руки.

-Стоун, в твоём положении дерзить – слишком смело. Таким дерзким ломал пальцы на раз, два, три. По-хорошему, я должен был вывести тебя на пустырь, пустить пулю между бровями и сделать вид, что это тебя прихлопнули за неуплату товара. Но это было б слишком просто и легко, ты заставил мою девочку пройти унижение, ты ее растоптал, сделал шлюхой, поднимал руку, подмешивал наркоту.

-Ты сам виноват в том, что случилось! Не досмотрел! Как-то странно, оберегая единственную дочь, так лохануться на ровном месте! Каюм-теряешь бдительность! – еще не стихли последние слова, как я был прижат головой к грязной столешнице стола тяжелой ладонью, видя перед собою другие столы.

-В России есть высказывание: «не буди во мне зверя». Так вот благодаря тебе, родственничек, мой зверь очнулся от долгой спячки. И знаешь кто будет его первой жертвой? – голову еще сильнее вжали в твердую поверхность. Сердце билось в горле, слюни стекали из уголка рта, противно скользя по подбородку. Что-то невнятно промычал. Резко отпустили, я выпрямился. Саид, не докурив одну сигарету, от нее прикуривал уже другую, туша ненужную в стаканчике с кофе.

-Ты меня убьешь? – нужно срочно было прикидывать свои шансы на спасение, искать возможность сбежать, нужно было залечь на дно, в идеале сменить фамилию, растворится на этой Земле. Каюм выпустил

в меня сигаретный дым и оскалился, как зверь, которому дай только откусить что-то существенное.

-Нет. Я не собираюсь мारать свои руки. Ты сам все сделаешь за меня!

-В смысле? – я его не понял, Али сдавленно рассмеялся, заставив обратить на него внимание. Я хотел сбежать? Наивный. Они мне и шагу не дадут сделать в сторону. Я видел в голубых глазах свой приговор. Вопрос был только в методе и времени.

~~Анна~~ (24.07.2018)

Возвращаться к жизни было сложно, мое возвращение было к нулевой отметке, где мне предстояло начать жизнь с начала. Предстояло забыть прошлую ошибку, забыть свое унижение, свое безволие, бессилие и покорность.

Папа через неделю перевез меня в отель к себе, поменяв трехкомнатный номер на пятикомнатный. До этого в квартире Амана и его друга был проходной двор. Теперь возле меня постоянно был мой Абу. Я по нему соскучилась, а он, увидев меня, скупно улыбнулся и укоризненно покачал головой, таким образом выражая свое недовольство. Приехал Ахмет, вместо разговора почему я вышла замуж, он обсуждал с папой мой развод. На меня лишь сердито глянул, но обнял и поцеловал, пообещав, что уладит формальности в лучшем виде. Али с папой постоянно тихо разговаривали, чаще за закрытыми дверьми одной из комнат, которую превратили в кабинет. Каждый день приходил Аман, почти до позднего вечера был так же с нами.

Я проснулась, потому что кто-то пристально меня рассматривал. И когда резко села в кровати, натягивая одеяло до подбородка в немом страхе, увидела в дверях Азамата. Он заметил мое пробуждение, ринулся ко мне, сгребая в жадные объятия, заглядывая с беспокойством в глаза.

-Я его убью! – прошипел брат, обхватывая мою голову руками, рассматривая тщательно лицо, словно видел все мои прошедшие синяки, мои слезы, мои страсти. Он был в бешенстве. Он смотрел яростным взглядом, нервно двигая челюстью в разные стороны. В таком состоянии его внутреннее напряжение достигало пика, было опасно находиться рядом с Азаматом, он был как бомба замедленного действия.

-Анна! – в комнату вошел папа, застегивая на запястье часы. Я даже не успела понять, что произошло, когда Азамат внезапно соскочил с кровати, подлетел к отцу и врезал ему кулаком по лицу. По ошеломленному взгляду папы, он не ожидал такого от Азамата, но быстро собрался, перехватил следующий кулак, завел руку за спину брата, другой рукой схватил его за горло и припечатал к стене. Судя по тому, как Азамат начал судорожно открывать рот, ему перекрыли доступ к кислороду.

-Не слишком ли многое берешь на себя щенок? – голос папы был злой, он слегка его тряхнул одной рукой. –Еще раз поднимешь на меня руку, я тебя как минимум выпорю! Ты понял? – впервые слышала, как отец сдерживал свою ярость в голосе, жестах, как пальцы на горле Азамата то сжимались, то разжимались, словно он постоянно одергивал себя, напоминал себе, что это сын, а не враг.

-Да из-за тебя она в таком состоянии!!! – выплюнул Азамат, пытаюсь скинуть со своего горла отцовские тиски, но куда там, чем больше он крутился, тем больше его лицо краснело, тем не подвижнее становились глаза папы. –Ненавижу!!! – рычал брат, все еще извиваясь, как змея, которую поймали. –Какой ты отец, если собственного ребенка на ровном месте не смог защитить!!! А еще уважаемый человек по ту сторону!!! Да если узнают, что ты ошибся в таком деле, засмеют! – звук пощечины был слишком громкий, даже Али заглянул в комнату и застыл, наверное, впервые в жизни растерялся, не зная, что делать. Я сама не знала, что предпринять, лишь смотрела, как папа хлестал Азамата по лицу, держа его все так же за горло, а тот с черными глазами смотрел на него, и от этого взгляда становилось очень страшно. Он молча сносил пощечины, не просил отпустить, не умолял прекратить.

-Ушел! – прошептал папа, внезапно отпуская Азамата и делая шаг назад. Тот стоял, как взъерошенный агрессивный тигренок, метая грозные взгляды.

-Я тебе этого не прощу!

-Мне твое прощение ни к чему. Ты можешь хоть сейчас уйти из нашей жизни и никогда в нее не возвращаться! Ты думал, что я тебе так просто спущу эти слова, это отношение? Азамат, запомни раз и навсегда, когда меня задевают, я не смотрю, кто кем и в каком родстве, кто со мною связан. Ты, не разобравшись в ситуации, сделал свои выводы, нашел своих виновных, не допуская мысли, что твое

виденье может быть ошибочным!!!

Азамат шумно дышал, он в корне был не согласен с отцом, это было видно по его сдвинутым бровям, по тому, как упрямо поджались его губы, по тому, как напряженно не спускал глаз с отца. Казалось, что он сейчас выругается сквозь зубы и уйдет. Хлопнет дверью, навсегда разорвет с нами всякую связь.

~~Извини...~~ выдавил через силу из себя слова извинения Азамат, опуская глаза. Отец некоторое время смотрел на него с легким прищуром, потом кивнул в знак того, что услышал и принял.

-Тебе стоит задуматься о содержании своей жизни, Азамат, хватит ее тратить на всякую ерунду! Если ты согласен повзрослеть, то я подумаю, что тебе доверить! - и глаза Азамата загорелись теперь огнем предвкушения. Я даже позавидовала тому, что у него появилась какая-то цель, мечта, стремление. Он всегда открыто сопротивлялся авторитету папы, всегда ставил под сомнение его решения, но никогда не перешагивал определенную черту, за которой наступает потеря доверия. И он уже задним числом понял свою ошибку.

-Я хочу наказать виновных! – Азамат смотрел на отца, я тоже смотрела на него. Ибо даже не представляла, что он сейчас ответит. Я впервые задумалась о Ричарде. Трезво посмотрела со стороны на наши отношения. Не было между нами никаких чувств. Нас связывали только его алчность, эгоизм, наркота и моя чрезмерная доверчивость и неопытность. И то, что он сделал, ему так просто не спустят с рук.

-Всему свое время, Азамат. И раз ты хочешь поучаствовать в этом «мероприятии», думаю это будет первый шаг в нашу сторону! – папа и Али улыбались, смотря на растерянного брата. –Выйдите, мне нужно поговорить с Анной!

Братья послушно вышли, а папа повернулся ко мне, подошел к кровати, сел на краешек, тепло улыбнувшись. Я понимала, только благодаря ему нахожусь здесь, жива, почти здорова. Физически. Морально была подавлена, но не хотелось папе создавать проблем еще со своим душевным состоянием. Однако голубые глаза словно заглянули во внутрь меня, появилась жесткая складочка у рта, он явно был недоволен выводами.

-Как ты себя чувствуешь?

-Нормально. Слабость присутствует, но жить буду.

-Анна, я думаю, мне можно рассказать все. Не надо утаивать, вместе мы преодолеем твои проблемы.

-Все хорошо! – заставила себя улыбнуться не только губами, но и глазами, но мне не верили. Это было видно по прищуре голубых глаз.

-Правда! – папа покачал головой и вздохнул.

-Ахмет завтра улетает в Дубай. Ты летишь вместе с ним, будешь жить некоторое время в его доме.

-Почему? Я могу пожить и дома.

-Нет, Анна, дома одна ты не будешь! Я настаиваю на том, чтобы до нашего приезда ты находилась под присмотром и ответственностью Ахмета, мне будет спокойнее.

-Вы не летите? – приподняла брови. Папа отвел глаза, поджал губы. Страшная догадка озарила сознание. – Это как-то связано с Ричардом? – слышался хруст пальцев. Я наблюдала, как покрутили на запястье часы, как застывал перед собой тяжелый взгляд. Мне даже не хотелось знать, какие мысли были у папы в голове, как-то недобро блестели его глаза.

-Папа! – коснулась его руки, пододвигаясь ближе к нему. Он обнял меня одной рукой, притянув к себе. Вздохнула, уткнувшись в ямочку возле шеи. Рука сама потянулась к золотой цепочке. – Расскажи про маму.

-Про маму? – он удивленно отстранился, нахмутив брови. А глаза, минуту назад смотревшие перед собою с мстительным блеском, сейчас светлели и наполнялись тихой радостью и грустью. Видно мысли о маме на него влияют благотворно.

-Как вы познакомились?

-На работе.

-И сразу любовь с первого взгляда?

-Нет, – его губы улыбались, сидел рядом, но чувствовалось, что был в своих воспоминаниях. – Мы не думали, что сможем полюбить друг друга. Слишком разные. Слишком много было против нас. Но судьба каждый раз после окончательного расставания сталкивала нас, чтобы в конце концов мы поняли, друг без друга нам просто не быть.

-Но что случилось потом? Я знаю, что она умерла, но как? – осторожно спросила. Голубые глаза стали жестче, а то, что творилось в глубине, заставило меня незаметно вздрогнуть. Папа долго молчал, то смотрел на меня, то отводил глаза в сторону, прикусывая нижнюю губу.

-Ее убили.

Я отстранилась, пораженно на него смотря, медленно перевела взгляд на кулон, потом вспомнила все шрамы на теле отца, останавливаясь на шраме возле сердца.

-Да, Аня, она так сильно любила, что пожертвовала собой, ради меня!!! Она заслонила меня от убийцы! – сжал зубы, ему было сложно говорить об этом, часто дышал, словно не хватало воздуха. Резко встал, подошел к окну, засунув руки в карманы брюк, я рассматривала его напряженную спину. – Я живу ради вас. Все, что я делаю, это только для вас. Я и не женился больше только потому что сомневался, что чужая женщина сможет вас полюбить так же сильно, как и я. Да, я не идеальный отец, порой деловые интересы ставил выше личных, но старался, как мог! Очень виноват перед тобой в том, что не научил жить реальностью, не показал тебе жизнь за стенами дома, не рассказал, какие люди бывают жестоки ради своих интересов! И то, что произошло с тобою, вина полностью лежит на мне, я допустил это, значит мне и исправлять!

-Ты не виноват! Ты дал мне право выбора...

-Лучше б не давал! – тихо произнес папа, грустно вздохнув. Я почувствовала себя виноватой, вскочила на ноги, преодолевая слабость в теле, подбежала к нему и обняла сзади, утыкаясь носом в спину.

-Я люблю тебя, папуля!!! Люблю... – по щекам текли слезы, рубашка под щекой становилась мокрой, но никто не возмущался. Его ладони накрыли мои руки и сжали. Он осторожно повернулся, крепко меня обнял за плечи, прижав к сердцу, к тому месту, где когда-то застряла пуля, которая отняла у меня маму и чуть не забрала папу.

Санд (26.07.2017)

Музыка долбила по голове. Электронная. Клубная. Не понимал, как можно под нее танцевать, только дергаться в конвульсиях, чем и занималась сейчас молодежь на танцплощадке. Клуб был элитный, сюда с улицы не попадешь, без приглашения не пройдешь. Здесь

отдыхали серьезные дяди, сидя за вип-столиками, изучали ассортимент из молодых девок, которые призывно виляли задницами, кому-то и мальчики нравились.

-И что мы тут забыли? – Азамат был раздражен, он последнее время очень напряжен, первый запал в жажде наказать обидчика Анны прошел, когда понял, что моя месть слишком тонка, изощрена, со вкусом. Это был не его стиль.

Мы сели за столик, который находился напротив бара, я прикурил сигарету и сквозь дым рассматривал публику. Вопрос сына остался без ответа. Если честно, присутствие Азамата слегка тяготило, я привык с молчаливому Али, который понимал меня с полувзгляда, ему не нужно было ничего объяснять. Азамат иногда подбешивал своей импульсивностью, приходилось его одергивать, когда он срывался и кричал, что мы только тянем время, в то время, как Стоун на полную катушку наслаждается жизнью. Узнал щенка, что тот зависал среди элитных проституток со свободным доступом к наркоте. В частности, к чистому героину. Только я и Али знали, кто оплачивал англичанину вход в этот узкий круг избранных порочных людей.

Появилась официантка. Азамат заказал виски, проигнорировав мой недовольный взгляд. Я предпочел кофе. Вскоре возле бара появилась та, ради которой собственно и приперлись в этот клуб. Поискал глазами несколько своих людей и указал взглядом на невысокую блондинку, которая весело болтала с барменом, кокетливо поправляя свои светлые пряди. Возле нее тут же оказалось трое мужчин различной комплектации, цвета кожи, темперамента, но трое старались очаровать милую девушку. Я не сомневался, что поставленная задача будет достигнута.

Потушил сигарету, залпом выпил остывший кофе. Азамат даже растерялся, когда я встал и направился к выходу. Молча последовал за мною. За углом клуба нас ждала наша машина, нырнув в салон, позвонил Али. Тот сообщил, что все по плану.

-Пап, может ты расскажешь, что происходит? Чувствую себя лохом! – сын недовольно поджал губы, я посмотрел на его профиль в полумраке.

Месть это искусство, которое так же должно доставлять эстетическое удовольствие, как и предметы древности, картины великих

художников. Ты должен проникнуться всей душой к своим темным мыслям. Я никогда не любил простоту действий, меня не привлекают сломанные носы, дырка между бровями, борзой наезд с предупреждением. Я люблю загонять своих обидчиков в ловушку, которая тщательно продумана, когда жертва понимает, что ей предстоит умирать в сознании и в адской агонии. Это нужно просто один раз прочувствовать! – в душе разлилось тепло от предстоящей встречи со Стоуном. Я предвкушал, как буду его морально ломать, раскрывая факты его никчемной жизни. Азамат задумался, анализировал сказанные слова, вопросов не задавал, поэтому дальнейшая поездка проходила в тишине.

Мы приехали к обыкновенному особняку на окраине Лондона. Он не выделялся, внимание не привлекал. Машина сразу же отъехала. Входная дверь была открыта, в пустом холле нас никто не встречал, направились сразу в гостиную. Там уже был Али и Стоун, второй задумчиво сидел за столом, дымя сигаретой. Азамат ушел в тень к камину, я сел на стул напротив англичанина, закинув ногу на ногу.

-Даже не удивлен! – Стоун затянулся, откидываясь на стуле. Я улыбнулся, пододвигая к нему документы. – Я не подпишу!

-Стоун, ты вроде не глупый малый, понимаешь, что ту жизнь, которую сейчас ведешь, ты ведешь только с моим благословением! Что с тобою случится, если вдруг в привычном месте для тебя окажутся закрыты двери? – склонил голову на бок, наблюдая, как глаза Стоуна начали наполняться смыслом, осмысливал мои слова. Он нервно облизнул губы, прищурившись.

-Если бы ты пришел в мой дом с благими намереньями, я бы возможно смирился с твоим существованием, мне бы просто пришлось, потому что не отрицаю такое понятие, как любовь между людьми. Но ты выбрал не ту дорожку, ты осознанно давал Анне наркотики, она теряла всякую способность сопротивляться, отстаивать себя, ты пользовался ею. Ты не представляешь, как это больно осознавать, что не можешь помочь дорогому тебе человеку, а еще больше ты съедаешь себя сам от мысли, что виноват ты! – достал из карманов пиджака пачку, постучал сигаретой по руке. – Я думаю ты поймешь меня в полной мере, когда узнаешь, как развлекались с твоей любимой сестренкой! – сигарета в зубы, щелкнул зажигалкой, наполняя легкие никотином, выдохнул дым прямо в лицо собеседнику.

-Сукин сын! –Стоун подался вперед, схватив руками края стола. Али сделал шаг в его сторону, слегка распахивая полы пиджака, демонстрируя за поясом пистолет.

-Все тоже самое, что ты проделывал с моей дочерью, правда в тройном количестве! А еще один из участников ВИЧ-инфицированный. Все об этом знают, кроме твоей милой сестренки! – затаился, скаля зубы. Стоун чаще задышал, с опаской косился на Али, посередине стола все так же лежали не тронутые листы. –Ну, и в заключение, советую завтра сходить к врачу и сдать анализы на СПИД. Ты знаешь, беспорядочная половая жизнь чревата последствиями! – Стоун взвыл и кинулся на меня, но я первый вскочил на ноги и перехватил его, скручивая руки за спину, прижал к столу. – Мы же с тобою Анне желаем самого лучшего, так зачем ей быть с человеком, от которого и ребенка родить страшно! Так что во имя твоей великой любви, подпиши бумаги о разводе и можешь катиться на все четыре стороны!!!

-Я тебя убью, Каюм! – орал Стоун, пытаюсь вырваться из моего захвата. – Не за что не подпишу! На зло!!!

Отпустил разъяренного англичанина, отошел в сторону, пока он выравнивал дыхание, пытался совладеть собою. Посмотрел на Азамата, тот стоял все так же в тени, но я видел, что ему немного не по себе, Али был как всегда невозмутим и ему не привыкать.

-Что ж, не хочешь по-хорошему, я могу устроить тебе другую жизнь, только ты вряд ли сможешь вести свою привычную жизнь, впитывать в себя свои любимые развлечения. Ибо, как правило, «овощи» просто доживают свое время! – отвернулся от Стоуна и направился к выходу. Мне теперь предстояло показать Азамату, как мы развлекаемся с родственниками жертвы. Если после этой ночи он меня не пошлет к черту, значит есть смысл его подпускать к себе ближе. Если нет...в его молчании не сомневался, только вряд ли после этого сможем находиться рядом с друг другом долгое время. Его будет выворачивать на изнанку от мысли, какой я монстр на самом деле.

Всю дорогу до отеля, где игрались с Сарой Стоун, Азамат молчал. Он смотрел в окно и нервно покусывал губу.

-Азамат, ты можешь не подниматься со мною в номер! – великодушно предложил сыну сделать выбор в пользу сохранения в

адекватности. Он дернулся, непонимающе на меня посмотрел. – В тебе есть то, что было во мне в подростковом возрасте. Дикая, неконтролируемая агрессия, которую ты выплескиваешь в боях, ибо это единственный сейчас способ как-то все выбросить наружу, все то непонятное, темное, что теснится в груди! Я до конца не уверен, что правильно поступаю, показывая тебе то, чем занимаюсь помимо легального бизнеса, но скажу откровенно, я всегда видел тебя своим преемником. Арина была против этого выбора...

-Арина говорила, что я на тебя похож!

-В тебе есть мои задатки, но ты так же сын своей матери.

-Ты хочешь сказать, что бабушка была агрессивной? – его губы изогнулись в насмешливой улыбке.

-Я последний ребенок своих родителей, я взял только негативные стороны.

-Если рассуждать с такой позиции, то твоим преемником должен быть Аман, но что-то мне подсказывает, ему никогда не быть в твоей упряжке. Ни при каких условиях!

-В смысле? – осторожно спросил. Диалог мне совсем не нравился, словно Азамат был в курсе давних событий. Амана никогда не выделял, не обделял. Для всех в его венах течет моя кровь, в этом мире никто не знал о том, что он ребенок жены и ее любовника. Или кто-то знал???

-Не знаю, как объяснить. На интуитивном уровне понимаю, что не Аману стоять рядом с тобой. Я знаю это. Поэтому не надо мне деликатно предоставлять выбор! Чтобы там не было, я с тобой, по правую или левую руку, но рядом! – он очаровательно улыбнулся, на мгновение меня обезоруживая своим откровением. – Но это не означает, что всегда буду беспрекословно во всем соглашаться! – карие глаза предупреждающе сверкнули. Я от души рассмеялся, откидываясь на спинку сиденья. Протянул руку и взъерошил его волосы, как детстве.

Теперь мой шаг был еще увереннее, теперь я шел с улыбкой, пытаюсь откровенно не радоваться безмерному счастью в груди. Все, что тревожило, все, что требовало моего напряженного внимания – решилось.

Мы с Азаматом вошли в незакрытый номер. В одной из комнат были

слышны стоны, характерные скрипы кровати, бодрые мужские голоса. Я еще раз взглянул на сына, прежде чем слегка приоткрыл дверь. В спальне находилось четверо: трое мужчин и одна девушка. Она была поставлена на кровати в позу «собачки» усиленно сосала черный член, в то время, как двое других трахали ее сзади в разные дырки. Азамат шумно выдохнул, явно был взбудоражен увиденной картиной, никто на его шумное дыхание не обратил внимание. Меня оргия не возбудила, только скривился от омерзения. Подошел к комоду, на котором стояла камера, остановил запись. Завтра утром этот порнофильм будет гулять по всемирной сети. Азамат с усилием вышел следом.

-Ты всегда даешь своим «псам» развлекаться с девушками?

-Нет. Все зависит от ситуации. В данном случае Стоун почувствует свое бессилие, как я чувствовал себя в начале.

-И что дальше? Он по-прежнему будет шлаться по борделям, пить алкоголь и колоться, пока не сдохнет от передозировки?

-Узко мыслишь. Он завтра помчится в клинику, сдавать анализы, где ему скажут, что его результат положителен. Потом увидит ролик с участием сестры. Отец не выдержит такого позора и скончается от инфаркта сам или помогут. Он до сих пор находится в больнице. Дальше Сара узнает, что так же заражена. Тут два варианта: либо она будет лечится и забудет эту ночь, как страшный сон, либо она сломается и покончит с собою. А Стоун... Денег на героин у него нет, я перестаню с сегодняшнего дня спонсировать. Загнется сам через пару дней. Или наложит на себя руки. В нем нет силы духа бороться против зависимости, против меня...Я все равно его добью! – обернулся к Азамату, останавливаясь возле машины. В свете фонаря вижу, что его зрачки расширены, в них застыл ужас, он пытался его подавить, но еще был слишком молод, чтобы сразу справляться со своими эмоциями. Усмехнулся, открывая заднюю дверь автомобиля. Он еще стоит несколько секунд на месте, всматриваясь в меня темным взглядом, впитывая в себя мое спокойствие, мой приговор. Медленно выдохнул сквозь зубы, нырнул в темный салон, я следом за ним.

-Ты ужасен! – прошептал Азамат, отворачиваясь к окну. Я мог только догадываться, что творилось в его душе. Ведь по сути он был еще совсем мальчишкой, мнил себя взрослым, а на губах молоко не обсохло. Но время было из мальчика превратить мужчину.

P.S. Дорогие мои читателеи! Извините за сбой выкладки, обещаю в скором времени вернуться к прежнему режиму прод, а пока как-то так)))) Могу порадовать Вас, что плохое уже почти позади, впереди у нас “сахарная вата”!!! Спасибо, что читаете!!!

8 глава

Ричард

Было серо, холодно, ветер, пробирающий до костей даже сквозь пальто, заставлял вздрагивать. Я неподвижным взглядом смотрел на два лакированных гроба, до конца все еще не осознавая, что больше никогда не увижу смешливую улыбку своей сестры, не увижу серьезный взгляд своего отца.

События последних двух месяцев напрочь выбили у меня почву из-под ног. Когда Каюм начал медленно, но целеустремленно прессинговать меня в плане развода, я еще не понимал против кого решил идти. Я знал о его деспотичной манере ведения дел в бизнесе, подозревал, что за холодным блеском глаз скрывается опыт вне закона, но почему-то был уверен, что сумею его переиграть. Теперь было поздно что-то менять, если бы кто-то предупредил о том, что с хищником шутки плохи, что лучше засунуть свою алчность в одно место, если не хочешь подвести черту своей жизни. Я подвел черту не только своей жизни, но и жизни Сары и отца.

Вздыхнул, пряча руки в карманы. Людей, которые хотели попрощаться с умершими было достаточно, я даже был удивлен. Ведь ни для кого не было секретом, что сестра покончила собой, узнав, что залетела после веселой ночи, устроенной Каюмом. Но не ребенок стал причиной ее последнего шага. Она узнала, что была инфицирована, а доброжелатели скинули ссылку на порноролик, где Сара была главной героиней. Когда ролик набрал популярность, окружающие, в частности мужчины стали относиться к ней с презрением, брезгливостью, с похотью. Никто в ней уже не видел Сару Стоун, для всех она стала шлюхой, которая блаженно отсасывала три члена и давала себя трахать во все дырки. Отец не выдержал такого позора, ему тоже кто-то по почте прислал пикантное видео дочери. Что касается меня... Сегодня утром незнакомый мне человек принес небольшой пакетик героина, шприц и молчаливо удалился. Он стал своего рода ангелом, ибо меня уже скрючивало

так, что не было сил подняться с кровати и появиться на кладбище. Я еще цеплялся за жизнь, но сама жизнь медленно уходила из меня. Каюм загнал меня в ловушку. Он превратил меня в конченного наркомана, в крови которого уже был запущен уничтожающий вирус, который был и у Сары.

Поднял глаза от земли и вздрогнул. На меня в упор смотрели голубые глаза. Они держали меня крепко, крепче, чем если бы связали, я даже дышать перестал. Почему мне казалось, что я смогу одолеть этого человека? Кто дал мне эту уверенность??? Ведь предупреждала собственная интуиция об опасности, но не поверил. Повелся на уверенность в своей власти, неприкосновенности. Перевел взгляд на рядом стоящую девушку. Анна. Тоненькая, худенькая, от прошлой красоты остались разве что волосы, которые сейчас были заплетены в косу. Ее голубые глаза скрывали большие солнцезащитные очки, хотя о солнце можно было только мечтать. Я знал, что наркоманкой она не стала. Не позволили. Может быть еще пару месяцев и она стояла б рядом со мною с такой же нервозностью, пустотой внутри. Мы бы умирали вместе, в водовороте кайфа и похоти.

Естественно рядом были и братья. Кроме старшего. Все в черном, словно действительно скорбели вместе со мною, от этой мысли тошнота подступила к горлу. Лицемеры. Анна, все еще жена, робко подошла ко мне, обхватила локоть и прижалась, я чувствовал, что в отличие от мужчин Каюм она действительно скорбела. Похоже малышка даже не подозревает, кто главный режиссер этой постановки. Она не говорила банальных слов, она словно забыла все, что я с нею сделал, она просто была рядом. И в эту минуту я горько пожалел, что не сумел разглядеть в ней человека, который в трудную минуту всегда протянет руку. Судя по тому, как поджались губы Саида Каюма, идея приехать сюда принадлежала девушке.

Мы стояли вдвоем, рядом друг с другом, как истинная супружеская пара. И я бы поверил в эту иллюзию, если бы не опасный прищур одних глаз. Он стоял в сторонке, курил и со скучающим видом смотрел на присутствующих. Кто-то кидал на него прищуренные, слегка изумленные взгляды, кто-то откровенно вздрагивал, ощущая на расстоянии исходящую от этого мужчины опасность, угрозу. Кто-то заинтересованно его рассматривал, и это были подружки Сары. Мне оставалось только удивляться, что Саид Каюм притягивал к себе девушек, ничего не делая, а они наивные не понимали, что летят на огонь, как мотыльки, где их ждала только смерть.

Когда похоронили Сару и отца, когда все стали расходиться, Анна отпустила мою руку, натянуто улыбнулась и подошла к отцу. Он что-то ей коротко сказал, она кивнула головой. Я смотрел, как они уходили в сторону машин. Во мне вспыхнула ненависть. Она разгоралась, как лесной пожар, быстро и без шанса потушить. Мне терять было нечего, я все еще мог отомстить человеку, который так легко сломал не только мою жизнь, но и жизнь моих близких. И зная его слабое место, я собирался бить туда смертельным ударом. Это будет мой последний ход, после этого Каюм вряд ли оставит меня в живых.

Анна

Было тяжело. Я не сразу то и узнала Ричарда. Некогда серебристые глаза, которые притягивали как магниты сейчас были тусклы и безжизненны. Я подумала, что он подавлен смертью родных, но интуитивно чувствовала, что не в этом причина его потухшего взгляда.

Папа не хотел сюда ехать, он вообще был против моего прилета в Англию. Все братья были с ним солидарны. А я не могла не присутствовать на похоронах Сары. Я была просто в шоке, когда узнала, что она покончила с собою. Наши общие с нею знакомые написали мне в сетях об этом событии, не забыв еще подробно рассказать причину данного поступка. Оказывается, Сара стала участницей какого-то откровенного видео, которое попало в интернет, была заражена вирусом и забеременела. Я приблизительно понимала ее внутреннее состояние. Почти похожее было со мною, когда была рядом с Ричардом, когда он пользовался мною на свой извращенный вкус. Вспомнила и вздрогнула, но нашла в себе силы подойти к нему и молчаливо поддержать. Он выглядел очень подавленным, потерянным и от былой уверенности не осталось и следа. Смерть сестры и отца видимо его надломила. Я пробыла с Ричардом ровно столько, сколько обещала отцу: до погребения. Потом вынуждена была оставить Стоуна и вернуться к папе с братьями.

-Ты едешь в отель, а вечером обратно в Дубай! – приказным тоном поведал папа, не смягчая свой суровый взгляд. Я кожей чувствовала, как он напряжен, его резкие движения навевали на мысль, что внутри не все было у него спокойно, но залезть в душу и откровенно поговорить о его тревогах, нужно быть самоубийцей без чувства

самосохранения.

Я не стала дожидаться, когда кто-то из охраны или братьев проводит меня до машины. Сама направилась к нашему небольшому кортежу, дожидаться внутри автомобиля папу и Абу. Внутри машины было прохладно, поэтому я спрятала руки между коленками.

-Включите обогрев, а то я замерзла! – попросила, когда на водительское сиденье сел мужчина. Я не удивилась, что за руль сел кто-то другой из охраны, всех в лицо было невозможно запомнить, просто знала, что папа возле себя держит только проверенных людей.

Машину завели, через минуту в салоне стало тепло, я даже расстегнула пальто. Когда мы тронулись с места, удивленно вскинула глаза в зеркало заднего вида и застыла. На меня смотрели сумасшедшие серебристые глаза.

-Ричард! Что ты делаешь? – прохрипела. Голос моментально пропал, а чувство страха полностью мною овладело. Я судорожно стала оглядываться по сторонам, обернулась назад, увидела, как за машиной бежали несколько охранников, как кто-то вытаскивал пистолет из-под полы пиджака, целился в машину. Но выстрелов не было. Успела увидеть, как побледнело папино лицо, как начал что-то быстро говорить подбежавшему Али.

-Ты в курсе кто твой папа? – голос Ричарда на удивление был спокойным. Он понимал, что делает, куда едет и что будет делать.

-В каком смысле? – осторожно переспросила. Стоун злобно усмехнулся.

-Он убийца! И в смерти Сары и отца виноват только он! Как ты думаешь, кто был главным зачинщиком групповухи с участие моей сестры? Как ты думаешь, кто сознательно толкал к нам людей, носителей вируса? Кто подсаживал меня на героин??? – губы Ричарда скривились, взгляд становился неподвижным, а я вжалась в сиденье, мысленно прося папу спасти меня в очередной раз от этого безумца. И то, что он говорил, не воспринималось. Да будь он хоть самым Дьяволом, он мой отец, и я принимаю его любим.

-Если бы ты не сбежала, все было б хорошо. Все бы остались живы....

-Если бы я не сбежала, ты меня бы угробил своим насилием, истязанием!

-А с тобою по-другому нельзя было! Ты слишком хорошо жила! Ты

воплощала в себе все то, что каждый человек мечтал иметь: красоту, положение, богатство, защиту! Я ведь думал, что мы с тобою найдем понимание, но твой отец...он все перечеркнул, отказавшись идти нам навстречу! И какой смысл был быть с тобою??? Ты и в постели, как бревно, кукла, красивая, бесчувственная кукла, которую можно было завести только, накачав наркотиками!!!

Я закусила губу, внутри было больно от его слов. Понимала, что не надо принимать все близко к сердцу, но каждое слово, как нож вонзалось в меня, еще прокручивалось несколько раз вокруг своей оси.

-Ты, Анна, ничего из себя не представляешь!!! Не будь ты дочерью Каюма, тебя бы просто использовали, как красивую шлюху, правда только для одного раза, ибо до виртуозно сексуального опыта тебе как до Луны. Хоть бы сосать научилась нормально!

-Что ты хочешь? Чего ты добиваешь? Скажи, папа сделает все, что взбредет в твою голову! – я хотела избавиться от общества Ричарда, я хотела навсегда забыть все, что было связано с этим человеком, забыть слова, которые он сейчас мне говорил.

-А мне ничего не надо! Каюм отнял у меня все! Слышишь? – он посмотрел на меня в зеркало. Я сглотнула, с ужасом задерживая дыхание. Ричард был не в себе, его глаза напоминали мне глаза маньяка, который был в предвкушении от скорого убийства. – Он забрал у меня компанию, превратив ее в пыль, он убил сестру и отца, доведя их до предела. Он меня подталкивает к мысли о самоубийстве, ибо я не в состоянии покупать себе чистый героин, а прошлые наркотики меня уже не цепляют! Я итак уже мертвец! И прежде, чем умру, я отниму у него самое дорогое, что только у него может быть! – Ричард вновь посмотрел на меня, только уже повернувшись ко мне. – Я убью тебя!

Сомневалась ли в его словах? Нет. В нем было столько решимости, уверенности, твердости. Мне оставалось только молиться, надеяться на чудо.

Машина свернула в сторону складов. Я не знала, на что мне рассчитывать, прощаться с жизнью или верить до последнего, что меня найдут, меня спасут. Ричард остановил машину, нагнулся к бардачку, откуда он знал, что там пистолет, осталось для меня загадкой.

-Сама выйдешь или помочь?

-Сама.

Потом мы шли вдоль каких-то ангаров, складов, вокруг не было ни души. Он со мною больше не пытался разговаривать, уверенно куда-то вел, а я еле поспевала переставлять ноги на каблуках.

Мне хотелось, как детстве, позвать папу! Но лишь закусил губу.

-Ты мне всегда нравился... – шепотом призналась, когда зашли в какое-то темное помещение. Ричард удивленно посмотрел на меня. – Я никогда не думала, что ты обратишь на меня внимание. Ты всегда в доме Сары проходил мимо меня.

-Ты всегда сидела с опущенной головой, мало проявляла заинтересованность!

-Жаль, что в твоём интересе ко мне была всего лишь выгода... Если бы все начиналось, как у всех, возможно мы бы смогли быть счастливы друг с другом.

-Боюсь, что твой папа нам бы все равно не позволил быть вместе! – Ричард остановился, взял меня за руку и развернул к себе. Мы смотрели друг другу в глаза. Какая-то химия или какие-то электромагнитные волны толкнули нас друг к другу. Его руки обхватили мое лицо. Правую щеку холодил металл пистолета. Он медленно приблизил ко мне свое лицо. Сердце от страха, от чувства опасности, от непонятного предвкушения забило сильнее положенного. Я не понимала, хочу на самом деле, чтобы поцелуй состоялся или нет. Пока думала, губы сами приоткрылись, будто приглашали. В серебристых глазах вспыхивало пламя страсти, которое все разгоралось и разгоралось, угрожая и тебя спалить.

-Медленно опускаешь руки и делаешь три шага назад, потом кладешь пистолет на землю и поднимаешь руки вверх! – холодно, без каких-либо эмоций раздался голос папы. Я вздрогнула. Вздрогнул и Ричард. Мы повернулись к папе лицами. Я впервые видела отца таким отстраненным, таким собранным. Я впервые видела, как он держал пистолет, и слова Ричарда о том, что он убийца, осадком оседали на кончике языка придавая слюням вкус металла. Я впервые видела, как голубые глаза смотрели жестко, в них не было сомнений, в случае чего, пистолет выстрелит прямо в цель. А целью был Ричард, дуло пистолета было направлено прямо в область сердца. Все было, как в кино. Ричард схватил меня за горло, выставил перед собою, как щит,

свой пистолет направил на папу. Я видела, как дернулся уголок губ отца, как потемнели его глаза, став почти черными. Мне хотелось кричать, вырваться, но из горла и звука не вылетело, а тело перестало мне подчиняться. Захват немного душил, попыталась вывернуться, но Ричард сильнее меня сжал. И тут все во мне оборвалось, когда услышала выстрел, когда увидел, как темно-синий пиджак папы стал темнеть в области груди. Я во все глаза смотрела на отца, он все-так же стоял на месте, слегка поморщился, прищурил глаза, смотря прямо на меня, словно гипнотизируя. Я перестала шевелиться, просто смотрела на папу, он держал меня взглядом. Еще выстрел. Захват на горле ослаб. Тепло от тела Ричарда внезапно исчезло. Хотела обернуться и посмотреть, что случилось.

-Не оборачивайся! – приказал папа. – Иди ко мне!

Послушно подошла к нему, смотрела на темное пятно, как зачарованная. К нам бежали. Меня обняли одной рукой, прижили к груди. Я слышала, как сильно бьется его сердце, как оно не хотелось успокаиваться. Как было рваным его дыхание, как руки оказываются у него подрагивали. Я чувствовала, как пальцы больно впивались в мое плечи, а объятия были все сильнее и сильнее. Осмелилась поднять голову, чтобы заглянуть ему в глаза. Сглотнула. Там ужас боролся с сознанием, там прошлое боролось с настоящим, там мысль о том, что он мог меня потерять боролась с мыслью о том, что все хорошо.

-Я люблю тебя, папа! – прошептала, касаясь кончиками пальцев его щеки. Борьба в глазах прекратилась, уступая место спокойствию, губы дрогнули в улыбке. Он поцеловал меня в лоб, прижал голову к плечу, уткнувшись лицом в мою макушку. Ответных слов не было, но я в нем не сомневалась, если потребуется он за меня и жизнь свою отдаст.

Єайд (29.07.2018)

-Папа! – кричала дочь, протягивая ко мне свои маленькие ручки, смотря на меня глазами полные надежды и доверия. Выстрел. И глаза, смотревшие на меня без сомнений, медленно угасали.

-Нет! – вырвалось из груди. Я ринулся к дочери, но боль в плече пронзило все тело, я сделал пару шагов и чувствовал, что теряю ощущение реальности.

-Нет!!! – заорал, распахивая глаза. В комнате было тихо, рядом спала

Анна, свернувшись калачиком и посапывала. Выдохнул, поднял руку и потер лицо. Этот кошмар мне снится с того самого дня, когда я застрелил Стоуна. С того самого дня Анна молча легла на мою кровать и наотрез отказалась спать в своей комнате. Я не протестовал. Образ Аиши преследовал меня каждую ночь, ощущение своей беспомощности из сна переходило в реальность. Я просыпался в холодном поту, лихорадочно соображая, где Аня, пока не натыкался на нее возле себя. Сразу же облегченно выдыхал, понимая, что прошлый ужас не повторился, что в этот раз моя пуля не задела мою дочь, что рана в груди – это сущий пустяк, главное она дышит, она смотрит на меня каждый день, она рядом.

Осторожно, чтобы не разбудить Анну, вылез из кровати, бесшумно подошел к двери и направился на первый этаж, на кухню. Хотелось выпить чаю. Травяного, чтоб напряжение последних дней отпустило.

-Тоже не спится? – на кухне оказался Азамат и Али. Я удивленно замер в дверях, не зная, как поступить дальше. После убийства Стоуна, Азамат с нами сблизился, теперь его глаза с каждым днем становились все холоднее и холоднее, а взрывной темперамент все чаще брался под контроль. Я не ошибся в своем сыне.

Парни пили пиво и ели чипсы с сухарями. С растрепанными волосами, в спортивных штанах и футболках выглядели как обыкновенные пацаны с соседнего двора. Усмехнувшись, взял чашку, насыпал себе зеленого чаю и залил кипятком.

-Как рана? – Азамат обеспокоенно рассматривал плечо сквозь футболку, задерживаясь взглядом на хвосте татуировке, которая выглядывала из-под рукавов, на грудь, которая была в очередной раз залатана, не смотрел. Мне повезло, что пуля не вылетела насквозь, что она не задела никакие важные органы. Я через неделю в больнице приказал себя выписать, врачи со скрежетом отпустили. В этот же день мы улетели домой. В холодной Англии остался Аман и я уже который день думаю, что стоит его перевести в другой университет лишь бы не приезжать больше в Лондон.

-Жить буду. Мне не привыкать, – присел за барный островок, отхлебнул чай.

-Пап, мы тут подумали, почему бы тебе с Анной не съездить в отпуск? – Али заставил меня подавиться чаем, пока я откашливался водой, которая попала не в то горло, сыновья сидели неподвижно.

-Что? – удивленно рассматривал двух похожих между собой парней, но в тоже время разных. Глаза Али смотрели изучающе, Азамат тушил в себе вспышки какой-то ярости. –Вы с дуба рухнули? Какой на хрен отпуск!

-Обыкновенный.

-Я живу в туристическом городе, куда многие стремятся попасть в свой отпуск, и вы мне предлагаете какой-то отпуск?

-А когда ты последний раз отдыхал, как обыкновенный человек? Именно как те, которые стремятся попасть сюда в свой отпуск? Сколько себя помню, ты никогда не отрывался от работы, если находил в своем графике один день для нас – считай, что это было отпуском! – Али закинул в рот желтую пластинку и захрустел. Я опешил. – Нет, ты хороший отец, по сей день стараешься для каждого по отдельности найти время, но когда ты вот отдыхал без телефона в руке, без планшета, без деловых встреч?

-Али, что ты хочешь от меня? – спокойно спросил, понимая, что эти двое уже что-то задумали, если уже не предприняли какие-то шаги. До конца вряд ли дошли, ведь никто из них не был в полной уверенности, что я готов был просто выслушать. И правда, когда я отдыхал? Ну, вот бездумно, расслаблено, без вечной спешки с одного места на другое.

-Мы тут подумали и решили, что вам нужно поехать в Испанию. Или в Португалию. Оттуда можно потом во Францию. И пляжный отдых, вряд ли тебе и Ане захочется толкаться среди туристов! –Азамат протянул мне планшет. – Мы нашли отель, который соответствует твоим вкусам. Абу едет так же с вами. Ну, что б ты не дергался каждый раз.

-А кто делами будет заниматься? – с любопытством спросил, листая странички сайта отеля, было мило, уютно и главное немногочленно. Типичный пляжный отдых. И резко захотелось действительно все оставить и поехать со своей девочкой в... глянул на страну. В Испанию.

-Али возьмет на себя легальный бизнес, так как он уже всем знаком партнерам, а я стану и.о. в других делах, пока ты отдыхаешь! – поднял на Азамата глаза, долго на него смотрел, пытаюсь понять насколько он все же готов взять на себя весь груз ответственности, взять на себя довольно нехорошие, неприятные вещи, сознательно

переступить черту закона. Если мне в свое время выбора не предоставляли, то я присматривался к своим детям, пытаюсь понять, кому чем бы хотелось заниматься. Судя по напряженному взгляду Азамата, по тому, как там то вспыхивают, то погасают искры, он станет тем, кем я и планировал. Улыбнулся.

-Хорошо. И правда нужно отдохнуть, сменить обстановку и отвлечься. Глядишь Анна расслабится и перестанет смотреть на мир тоскливым взглядом.

-Можем забронировать квартиру, если не хочешь отель! –Али склонил голову набок, забирая у меня планшет. – Мы все организуем, а тут все будем держать в своих руках. Если уже что-то из рук выходящее будет, телефон, скайп никто не отменял!

-Такое впечатление, что меня ненавязчиво пытаются отправить на пенсию! – со смешком произнес, обхватывая кружку руками. Азамат фыркнул, беря пиво.

-Ты у нас один, и мы очень тобой дорожим, папа! Ты можешь сколько угодно делать вид, что супермэн, но потерять тебя мы не можем... – впервые я от Али услышал какие-то сентиментальные слова, впервые я услышал, как дрогнул его голос. Я, наконец-то, сообразил, что они впервые увидели меня раненым. Последний раз хирурги прикасались ко мне во Франции, вытаскивая застрявшую во мне пулю. Рука непроизвольно метнулась к шее. Цепочка была на месте. Новая рана заныла от этого резкого движения. Поморщился.

-Больно? – Азамат был уже готов вскочить на ноги и кинуться вызывать врача или принести что-то. Покачал головой.

-Хорошо, отпуск так отпуск, раз вы такие взрослые и готовы руководить самостоятельно, только учтите, накосячите, сдеру шкуру и не посмотрю, что сыновья! – встал, насмешливо окинул взглядом своих притихших мальчиков. Я знал, что на них можно положиться, знал, что они не будут против меня плести интриги, замышлять переворот. Я так же знал, что Али хладнокровно, если потребуется, убьет не нужных людей. Я не сомневался в Азамате, ему, конечно, еще многое предстоит понять, принять и жить с этим, но судя по решительности в глазах, он готов полностью впитать все законы, правила, нюансы криминала.

Раз мне внезапно предоставили свободное время, я действительно хотел провести его с Анной. Я хотел, наконец-то, разобраться в ее

приоритетах, ценностях, помочь найти цель в жизни, чтобы голубые глаза горели. Мне не нравилась ее подавленность последнего месяца. После смерти Ричарда она замкнулась в себе, она что-то искала во мне, а я не мог понять, что именно. Поэтому неожиданное предложение сыновей было вовремя.

9 глава

Мигель

Я слишком рано перестал удивляться. Жизнь меня научила принимать ее такой, какая она есть. Я ее принимал и не пытался найти логическое объяснение. Не всегда в том, что мы видим, есть смысл. Поэтому, когда в кафе вошла пара, я не удивился. Парочки постоянно заходят в наше кафе, свободных столиков почти не бывает, особенно в сезон. Именно мне предстояло их обслужить. Когда я подошел к столику, когда на меня вскинулись чистые голубые глаза, обрамленные густыми черными ресницами, я завис. Я забыл, что нахожусь в реальном мире. Я даже не обратил внимание, как рядом деликатно кашлянули.

-Может примите заказ? – язвительно раздался голос. Вздогнул. Девушка тоже пришла в себя, смутилась и на загорелых щеках проступил румянец. Я заставил себя посмотреть на ее спутника и опять завис. Его глаза потемнели до предгрозового состояния, злились. Мужчина явно был на взводе. Перевел вновь взгляд на девушку, она отвернулась к окну. Жена? Любовница? Или временная подружка богатого дяди? А то что спутник был богат, об этом говорили его фирменные часы с кожаным ремешком. Работая в сфере услуг, я давно научился распознавать финансовое положение людей по вещам. И простая на вид рубашка с закатанными рукавами стоила как две моих зарплаты.

-Вы уже определились с заказом? – достал из кармана рубашки блокнот и карандаш.

-Анна? – мужчина посмотрел на девушку, она дернула обнаженным плечиком и промолчала. Он тяжело вздохнул, устало на нее посмотрел и захлопнул меню. – Кофе. Без сахара.

-Тебе нельзя! – подала голос девушка, поворачиваясь к нам.

-Я взрослый мальчик, чтобы самому принимать решения! – как отрезал, мужчина скрестил руки на груди, слегка поморщившись. Голубые глаза Анны забеспокоились. Мне порядком надоело стоять

возле столика парочки, слушать их выяснение отношений. Я чувствовал, как в груди растекалось разочарование, как сироп по горке мороженого.

-Только кофе? – прервал резко их визуальный спор. Девушка подняла на меня решительные глаза.

-Зеленый чай и мороженое с шоколадным сиропом! – я посмотрел на мужчину, он посмеивался и кофе оказывается было заказано для того, чтобы вызвать реакцию у этой красивой брюнетки. Кивнув в знак того, что услышал, ушел за барную стойку. Пока делали заказ, пока я еще обслужил пару столов, мои глаза то и дело возвращались к этой паре. Она все так же сидела, отвернувшись к окну, мужчина что-то ей тихо говорил, крутя в руках салфетку. Было видно, что к девушке он испытывает самые нежные чувства. Вот он взял ее руку, осторожно перебирал ее пальчики, поглаживая каждый, пытается заглянуть в глаза, поймать взгляд, удержать, а если ему этого не удавалось, расстроено вздыхал и теребил ее пальцы. Девушка кажется воспринимала его трепет как должное. Она не смотрела на него влюбленно безумным взглядом, ласково улыбалась своему отражению и украдкой, когда мужчина не смотрел на нее, кидала на него нежные взгляды. Странная парочка, но почему-то мне до скрежета хотелось, чтобы ее нежный взгляд сменил направление и устремился на меня. Не успел еще додумать эту мысль, как голубые глаза действительно уставились на меня. Заинтересовано, с любопытством. Поднос в руках мелко задрожал. Я испытывал неведомое мне волнение. Только привычка контролировать свои эмоции позволила не выскользнуть из рук подносу, позволила спокойно делать свою работу. Но я кожей ощущал на спине ее взгляд. И сердце волновалось. Сердце трепыхалось в предвкушении летней влюбленности.

Анна

Я сидела на кровати и отстраненно наблюдала, как папа застегивает запонки на рубашке. Как плотно были сжаты его губы. Кто-то ему позвонил сегодня утром. И этот звонок сорвал все сегодняшние планы. Он улетал на пару часов в Лондон. Я боялась спросить его о причине, мне почему-то казалось, что это связано как-то с Ричардом.

-Вечером вернусь! А ты пока сходи на пляж, пройдишь по магазинам!

– он встал передо мною. Красивый. Смуглый. С пронзительно голубыми глазами. С модной бородкой. Наблюдая за ним со стороны, я видела, как прожорливо его рассматривали женщины, как вспыхивали их глаза жадным блеском, более смелые подходили к нему и очаровывались окончательно. Только вот дальше разговоров ничего и не было. Папа все время был со мною. Даже было неловко, ведь о потребностях мужчин я уже знала, благодаря Ричарду... О покойном муже старалась не думать. Ибо о покойниках либо ничего. Либо хорошо. Хорошего было ничтожно мало, а вот плохое...

-Аня, надеюсь ты за время моего отсутствия ничего не учудишь! – со смешком поинтересовался папа, но в глазах было предупреждение. Да мне и самой ничего и не хотелось. Я плыла по течению, без цели.

-Нет, пап, я буду вести себя хорошо!

-Абу остается с тобою. Вечером увидимся и прогуляемся! – его губы коснулись моего лба, погладил по щеке. Он еще не убрал руку с моего лица, как уже зазвонил телефон в его кармане, послал мне воздушный поцелуй и уверенной походкой покинул номер. Сразу же стало без него одиноко.

Позавтракав в номере, решила прогуляться по городу. Идти на пляж не хотелось, по магазинам подавно. Наш отпуск был больше для меня, а папа выступал в роли психотерапевта, все пытался осторожно выведать у меня все душевные секреты, страхи и терзания. Я бы ему и рассказала все, да только боялась, что гнев, который обязательно вспыхнет в его груди, не на кого будет излить, виновник уже мертв от его руки. Не хотелось, чтобы пострадали невинные. Чего стоит его вспышка злости в кафе, когда он заметил, как меня пристально рассматривает официант. Потом правда извинялся, пытался вновь залезть в душу, но натыкался на безмолвную стену. Опять злился и тут же себя осаждал. А парень мне понравился, только в этот раз я предпочла просто смотреть и не думать о большем. Прошлая моя симпатия вышла мне боком.

Я пришла в кафе. Сама не заметила, как оказалась возле того самого кафе, где увидела того парня. Абу следовал за мною тенью, не нарушал мое личное пространство. Каково было мое разочарование, когда поняла, что сегодня тот официант не работал. От досады аппетит совсем пропал, но заставила себя заказать полноценный ланч, ибо чрезмерная худоба раздражала отца до скрежета в зубах, он не разрешал вставать из-за стола пока полностью не съедала свою

тарелку.

Сердце встрепенулось, когда в дверях мелькнула черноволосая голова. Я еще толком не рассмотрела кто вошел, но почему-то была уверена, что это именно тот человек, ради которого я без своего ведома сюда и пришла. Я даже есть перестала, когда внезапно возле моего стола кто-то замер. Подняла глаза и тут же опустила их, потом еще раз глянула, но уже не смущалась, а медленно погружалась в пучину черных глаз. Он некоторое время пристально смотрел на меня, потом улыбнулся. Улыбнулся так, что вышибло весь воздух из легких.

-Привет! Я Мигель! – он без смущения сел на свободный стул, я резко обернулась. Абу тут же подорвался со своего места и направлялся к нам. Мигель прищурился, когда заметил шедшего телохранителя. В глазах вспыхнул какой-то задорный и одновременно опасный огонек.

-Абу, все хорошо! – поспешила остановить грозного своего защитника. Абу замер в трех шагах от нас. Его глаза медленно скользнули по Мигелю, просканировали, видно не совсем довольным остался, подвигал челюстью, но сел за столик неподалеку.

-А «папочка» уехал по делам? – в голосе нового знакомого прозвучала какая-та язвительная ирония, а я удивилась откуда он знает, что папа уехал.

-Да, уехал. Но обещал сегодня вечером приехать!

-Как это мило! – его губы изогнулись в усмешке, глаза медленно скользнули по мне, толком ни на чем не задерживаясь. И этот взгляд будоражил. Он и взволновал, и разозлил, и притянул, и оттолкнул.

-Не понимаю иронию в вашем голосе!!! – раздраженно бросила, с «вы» обозначая между нами дистанцию. Мигель как-то сердито взъерошил свои волосы, аж самой захотелось прикоснуться к этой лохматой шевелюре, запустить пальцы и почувствовать, как волосы скользят между ними.

-А можно пригласить вас на прогулку? – его вопрос удивил, ошеломил, что я не произвольно кивнула головой, а когда поняла, что согласилась, от досады прикусила губу, но задний ход не стала давать.

Странно, но мы действительно гуляли. Шли рядом друг с другом и

молчали. И почему-то это молчание не тяготило. Абу шел сзади, не слишком близко, но и не далеко.

-Откуда вы приехали? – Мигель покосился на меня, слегка улыбнулся той улыбкой, которая кружила голову. Я сообразила, что так и не представилась.

-Я Анна. Мы из Дубая. Братья решили, что нам с папой нужен совместный отдых и выпроводили в Европу, настоятельно порекомендовали отдохнуть на пять с плюсом. Но как всегда, папу неожиданно вызвали по делам! – оборвала себя, ибо поняла, что вновь болтаю без остановки. Это было непривычно. Последний раз я говорила слишком много с Ричардом.

-Так мужчина, который был с тобою – это действительно твой отец? – черные глаза удивленно расширились. Я растерялась. И сама перешла на «ты».

-А по-твоему кто он мне?

-Сейчас многие молодые девушки связывают с себя с состоятельными мужчинами ради финансового благополучия. Согласись, если ты не сын нефтяного магната или банкира, вряд ли у тебя есть финансы содержать с размахом куколку, которая только и грезит о «бентли» и дизайнерских шмотках... – как-то зло шипел Мигель, потом резко замолк. – Извини.

-Бывает, – отвернулась от парня, делая вид, что рассматриваю витрины магазинов.

-Ты учишься?

-Училась. По семейным обстоятельствам вынуждена была бросить.

-И как тебе Испания?

-Нормальная.

-Ты немногословна.

-Ты тоже не фонтан словоохотливости! – наши глаза встретились и через секунду мы беспричинно смеялись, как-то наши руки оказались друг на друге. И внезапный смех так же внезапно замер на губах, когда между нами расстояние сократилось до минимальности, что я почувствовала запах корицы и ванили. Как школьники, застуканные директором на месте преступления, отпрянули в разные стороны. Я обернулась к Абу, судя по одной изогнутой брови, он забавлялся

нашими эмоциями. Интересно, папе расскажет? Обычно отчет о каждом моем шаге делался чуть ли не каждый час.

Мы остановились возле лотка с мороженым, пока я рылась в поисках своего кошелька, Мигель купил рожок с шоколадным сиропом.

-Откуда ты знаешь, что я люблю с шоколадом? – надкусила вафельку, сам парень купил себе обыкновенный ванильный стаканчик.

-Ты сама заказывала, когда была в кафе.

-Запомнил?

-Когда мне девушка нравится, я запоминаю любые мелочи, которые могут ее порадовать! – и устремил на меня пронзительный взгляд, что мороженое встало поперек горла. – Вот какие ты любишь цветы?

-Цветы?

-Да, цветы.

-Не знаю... мне всегда дарили розы.

-А мне кажется тебе подошли незабудки.

-Незабудки? Почему?

-Они такого же насыщенного синего цвета, как твои глаза! – я медленно сходила с ума. Меня завораживал чарующий голос этого испанца, его жгучий черный взгляд, его энергетика. Я чувствовала, что в своих словах Мигель был откровенен, говорил, что чувствовал. Его, как и меня, тянуло, правда, как и я, слабо сопротивлялся этому притяжению. В какой-то момент мы все же оказались впритык друг к другу. Я умом понимала, что это безумие, что это неправильно в первый же день знакомства так кидаться головой в омут. Я так же знала, что папа вновь не погладит по голове. Я все понимала, но какая-то сила толкала меня к этому человеку, пленяла меня, связывала невидимыми нитями сильнее всех пут. Но было важно другое, лед, которым я себе окружила внутри, сковывая свои страхи, свои воспоминания – тронулся. И боль от того унижения, боль от того, как легко меня обвели вокруг пальца, как меня превратили в рабыню – отрезвила. Как ошпаренная отскочила от Мигеля, вызвав на его лице недоумение. Нет!!! В этот раз я не должна повестись на сладость!

Санд (31.07.2018)

Я, не мигая, смотрел на Анну, а она словно не замечала моего взгляда, смотрела в окно, лишь вздрагивала, когда мимо проходил какой-то сладкий брюнет, кидая на нее задумчивые взгляды. Я не был идиотом, поэтому сразу сообразил, что вылазки в это кафе два раза в день были с чем-то связаны. Посмотрел на Абу, тот отвел глаза. Знал паразит об этом парне и не сказал. Увольнять не буду, но вот потолковать про обязанности докладывать мне обо всем, напомним.

~~Аня, ты ничего не хочешь мне сказать?~~ – взял чашку с чаем. Было время ужина, мы уже стали узнаваемыми в этом месте, наш столик всегда был у окна, мимо всегда проходили люди. Я не любил сидеть у окна, как на ладони. Захотят убрать, убивай не хочу.

-Нет, папа! – Анна продолжала смотреть на прохожих, не обращая внимания на то, что творилось за спиной. А я видел, как испанский официант иногда задерживал на прямой спине дочери долгий, темный взгляд. И этот взгляд мне не нравился. Мне вообще он не нравился. И дело было даже не в нем, мне в принципе противоположный пол, который осмеливался задерживать на Анне взгляд дольше трех секунд, не нравился. Я готов был тут же свернуть шею смельчаку, в прямом смысле слова. Руки очень чесались. Настроение тоже было не ахти, только многолетняя выдержка не позволяла мне рычать волком. Хотя очень хотелось выпустить наружу своего зверя, чтобы он покусал дочь в воспитательных целях.

-В конце недели мы улетаем домой, – буднично сообщил, наблюдая сквозь ресницы за юрким официантом, замечая, как напряглась спина дочери, как она быстро на меня глянула и отвела глаза в сторону.

-Я хочу еще тут побыть.

-Нет.

-Почему?

-Потому что я так сказал! – прошипел, распаляясь от идиотских вопросов. Анна поджала губы и отвернулась от меня. Нервы к черту. Отпуск, который планировался быть ленивым, превратился в дерганным.

-Аня, скажи, чего ты хочешь в этой жизни? – раздраженно провел рукой по волосам, ловя на себе пристальные, призывные женские

взгляды. Одной брюнетки ответил улыбкой, игнорируя остальных. Тело напряглось от предвкушения, хотя я еще ни о чем не подумал, но отсутствие постоянной партнерши сказывалось на реакции. Наверное, стоило б задуматься о любовнице, однако эта тема будет решаться после. Сейчас меня волновала и одновременно бесила дочь. Я любил своих детей, я старался максимально дать им все, что мог в том числе и себя, но бывали моменты, когда каждый ребенок выводил меня из себя и хотелось самому придушить. Сейчас вот выводила из себя Анна. Любимая дочь, за которую я готов был убить и самому сдохнуть, если потребуется.

-Почему ты молчишь? Я вообще задал вопрос!

-В таком тоне я не собираюсь с тобою разговаривать!

-В каком таком тоне? – прошипел, швыряя чашку на стол. Та оказалась на краю, покачнулась и начала падать вниз. Ни я, ни Анна не дернулись, чтобы ее подхватить. Белая фарфоровая чашка упала на пол, разбиваясь вдребезги. Почему-то у меня возникло ощущение, что это не чашка разбилась, а наше с Аней понимание. Мы словно отдалялись друг от друга. Я это чувствовал.

-Анна, я пытаюсь тебе помочь!!! Я хочу, чтобы ты жила полноценной жизнью, наполненной смыслом! Я хочу, чтобы у тебя была цель, которая бы заставляла двигаться!!! А что в итоге вижу? Не разочаровывай меня окончательно!

-Я сплошное разочарование? – она смотрела мне прямо в глаза, прислушался к себе. Мне хотелось сделать ей больно. Сломать. Столкнуть вниз. Я хотел, чтобы она с колен поднялась на ноги. Я хотел, чтобы в ней было хоть что-то от импульсивной Арины. Та любила и ненавидела одинаково сильно.

-Да, Аня, ты сплошное разочарование. Твои поступки за последние полгода показали мне, что в тебе нет никакой самостоятельности, что ты ведомая, что тебе нужен постоянно сильный мужчина рядом, который всегда будет принимать за тебя решения. Прошло так мало времени после Стоуна, как ты вновь повелась на смазливое лицо! – возле нашего столика замер обсуждаемый нами официант. Он нагнулся за осколками. Я прищурено рассматривал его профиль. Если бы судьба была б к нему благосклонной, он бы мог заработать целое состояние только на одной своей внешности. О таких мальчиках девочки мечтают по ночам, зажимая руку между бедер. Интересно, а

мозги в этой красивой внешности имеются? Хотя вряд ли, раз работает официантом. Посмотрел на Анну, та, прикусив губу, из-под ресниц наблюдала за парнем, он старался не реагировать на ее взгляды, но уголки губ дергались, а глаза старались не смотреть на нее, но смотрели. Пару секунд. Ушел.

-Я думаю тебе стоит повзрослеть! – хотелось закурить, но пришлось лишь сложить руки в замок, поглаживая большим пальцем другой большой палец. Дочь нахмурилась, между бровями пролегла морщинка. Еще сбоку брюнетка, которая удостоилась моей улыбки, жгла своим взглядом. Она сидела одна, поигрывала туфелькой, которая болталась на пальцах ног. Увидев, что я смотрю на нее, приоткрыла ротик, тут же решил, что сегодня не буду нянчиться с дочерью. Надоело.

-Значит так! – в голосе прорезался металл, не спускал глаз с незнакомки, которая уже призывно мне улыбалась, обещая глазами приятное времяпровождение. Анна хмыкнула, видно заметила куда я смотрю.

-У тебя выбор не богат, либо ты в конце недели едешь на Кавказ, к своему дяде, где тебя будут учить быть истинной мусульманкой, либо ты отыскиваешь в себе наличие мозгов и демонстрируешь мне, что вполне взрослая и тебе можно доверить собственную жизнь. Есть, конечно, и третий вариант: я просто выдам тебя замуж за человека, который мне понравится, к которому у меня будет доверие. Твои вкусы как-то не внушают доверия! – губы изогнулись в чувственной улыбке, глаза вспыхнули похотливым блеском. Брюнетка подалась вперед, демонстрируя свое богатство в глубоком декольте.

-Твои вкусы тоже как-то далеки от идеала! – сердито, с язвительной иронией прозвучал голос Анны. Я усмехнулся, переводя взгляд с девушки на дочь.

-Знаешь, в чем разница между мной и тобой? Я умею разделять секс и эмоции. Я в любой ситуации держу голову в здравом уме и слюни не пускаю на смазливую мордашку, а после предательства я почти никому не доверяю! Поэтому ты сейчас едешь с Абу в отель и хорошенько подумаешь над нашим разговором, сделаешь выводы и примешь решение. А я в это время развлекусь по своему вкусу!

-Я была о тебе лучшего мнения! – в голосе Анны сквозила обида, досада. Она резко схватилась за ложечку и яростно начала есть свой

нетронутый кусок торта со сливками

-Никогда не строй иллюзий в отношениях с человеком, смотри фактам прямо в глаза, как бы неприятно, больно не было. Именно иллюзии заставляют нас ошибаться, делать неправильные выводы, шаги, именно иллюзии разрушают отношения, которые так и не переросли в нечто крепкое и нерушимое.

-Мама...как она относилась к тебе? – голубые глаза вскинулись и на секунду мне показалось, что на меня смотрит Арина, вопросительно изогнув идеальную бровь. Сглотнул, замороженно смотря в эти знакомые два омута и реальность отходила в сторону.

-Она любила...и ненавидела! Она тешила себя иллюзиями, а я их жестоко растаптывал. Она убегала, а я ее возвращал. Я ее отпускал, она ко мне возвращалась. Итак, по кругу. И возможно это продолжалось бы бесконечно, ибо она никак не могла смириться с тем, что я не соответствовал ее идеалам. Но как бы мы не относились друг к другу, мы любили, мы отдавались своим чувствам до конца... И спасибо ей за то, что подарила мне тебя... – голос дрогнул. Предательски дрогнул. Я не справился с эмоциями. Ощутил дичайшую тоску по своей блондинке, отвернулся от пронзительного взгляда дочери, чувствуя ком в горле. Когда же отпустит? Когда я смогу нормально говорить об Арине и не задыхаться от боли внутри. Рука метнулась к шее, покрутил пулю, смотря перед собой. Не сразу среагировал на ласковое прикосновение к плечу.

-Я хочу именно таких отношений, как были между вами... – горько усмехнулся от желаний Анны.

-Не, малышка, таких отношений и врагу не пожелаешь! Лучше тихая гавань, чем штормящее море! – глазами произвольно отыскал официанта, посмотрел на Абу и кивнул ему. Может не рубить с плеча? Может быть этот испанец станет пристанью для моей потерявшей дочери, возьмет ее за руку и потянет за собой! Может быть...Но в этот раз я не собирался допускать простых ошибок. Да и вообще ошибок.

Мигель (01.08.2018)

Смена выдалась адской. Едва чувствовал свои ноги. Хотелось встать под душ и смыть с себя этот день, завалиться спать. Три дня я ее ждал. Я специально взял три смены подряд. Она не приходила. Она,

наверное, улетела в свой Дубай. Я не мог самому себе объяснить, почему мне хотелось ее видеть. Просто наваждение какое-то.

Последний раз она была с отцом. Если это действительно был ее отец. Мужчина явно был ею недоволен, что-то высказывал ей и с явной претензией. Разбитая чашка их не сблизила, наоборот, отдалила что ли. Я периодически чувствовал на себе пронзительный тяжелый взгляд, чувствовал, что меня рассматриваю чуть ли не под микроскопом. Чувство не из приятных. Теперь приблизительно стал понимать, что ощущают жертвы, когда взгляд хищника на них падает. Участь решена. Хотелось бы знать, какая у меня участь...

Включил свет и замер в дверях, не зная, что делать. И первые пару секунд, как нормальный человек, дрожал от страха, неожиданности. Потом отпустило, прежняя уверенность вернулась, хмыкнул себе под нос.

-Чай, кофе? – решил проявить себя гостеприимным хозяином даже для незваных гостей. Мужчина, сидящий на стуле посреди комнаты, закинув ногу на ногу, затянулся и медленно выдохнул дым, щуря свои голубые глаза.

-Спасибо, нет!

-Чем тогда могу быть полезен? – взял стул и сел напротив, в ногах правды нет, да и не хотелось смотреть сверху вниз и ощущать себя наоборот, будто на тебя смотря свысока. Под ложечкой неприятно засосало, все во мне кричало об опасности, я старался не удивляться тому, как легко попал незнакомый человек в мою квартиру, но удивлялся. И понимал, что это не просто посетитель кафе. Сглотнул.

-Ну, что Мигель-Луис Фернандес, отработал смену? – губы собеседника изогнулись в улыбке. Я был в ступоре. Я был в шоке. Я уже три года для всех Мигель Гарсия. Теперь более пристальнее стал разглядывать мужчину. Кто он? Откуда он знает мое настоящее имя? И если он знает...значит знает кто мой отец... В висках судорожно застучала мысль-бежать. Нужно вновь бежать, пока меня не нашли. Что там отразилось в моих глазах, не знал, но гость подался вперед.

-Если я знаю кто ты, это еще не означает, что твой отец знает, где ты! У меня нет цели ему доложить о твоём местонахождении. Поэтому выдыхай!

-Кто вы?

-Я? – он откинулся вновь на стул, достал пачку сигарет, прикурил из недокуренной сигареты. – А кем ты хочешь меня видеть: добрым другом или злейшим врагом? Я могу решить твои проблемы, вернуть тебе то, о чем ты больше всего мечтаешь!

-И что вы хотите взамен? – услышал со стороны свой спокойный голос. Папа бы гордился моей выдержкой, в то время, как внутри у меня все бушевало. Клокотало от ярости. Я хотел тут же встать и применить смертельный прием из единоборства, чтобы эти голубые глаза не холодили как клинок ножа.

-Сущий пустяк, который тебе по зубам! – акулы и то приветливее улыбаются, чем знакомый незнакомец. От его улыбки холодный пот стекался вдоль позвоночника.

-Мое прошлое осталось в прошлом. Если вы об этом.

-Меня не интересует твое прошлое. Поверь, твоя прошлая деятельность меньше всего привлекла мое внимание.

-Тогда я не понимаю, чего вы хотите от меня.

-Да? Действительно не понимаешь или прикидываешься непонимающим? Знаешь, я умею и практикую заставлять людей понимать меня с полувзгляда. И не всегда способы столь приятны, как, например, беседы! – мужчина склонил голову набок, докурил сигарету и затушил ее в банке из-под кофе. Сегодня утром я высыпал остатки из нее.

-Так получилось, что моя дочь тобою заинтересовалась, правда, упорно это отрицает. Но мы с тобою знаем, что если девушка говорит «нет» то на самом деле это звучит, как «да».

Я откинулся на стуле, почти скопировал позу собеседника, вызвав у него усмешку и хищный прищур. Значит действительно отец. Не соврала. Но решил еще раз уточнить.

-Действительно отец? – изогнул бровь, скрещивая руки на груди. Взгляд потяжелел и готов был меня тут же убить на месте. Поспешил пояснить. – Сейчас сложно разобраться кто кому приходится. Иногда молодые мальчики с пожилым женщинами далеко не родственники, как и девушки с мужчинами. Поверьте, я разное насмотрелся, работая в кафе официантом.

-Анна мне дочь.

-Я пока не понял смысла вашего прихода!

-У меня к тебе предложение, Фернандес, от которого ты не сможешь отказаться! – вновь закурил сигарету. Он наркоман никотиновый или это для образа? Судя по ухоженным рукам, с идеальной кожей, все же образ. Только где-то в глубине души понимал, что это положительный образ, за вежливым выражением лица скрывается далеко не положительный герой. Это можно было понять по уголкам глаз, по теням, которые там мелькали, по тому, как складывались губы в улыбку, и какой смысл был в этой улыбке. Я слишком хорошо знал таких людей. И притаившегося зверя, замаскированного под домашнюю собачку, тоже разглядел.

-Как ты понял, у меня дочь. Красивая, умница, но не приспособленная к реалиям жизни! – его признание заставило вскинуть удивленно брови. Анна не создавала впечатление проститутки. Я видел в ее глазах горький опыт прошлого. – Я хочу, чтобы ты оберегал мою девочку и ненавязчиво учил ее жизни.

-Сколько ей лет?

-Восемнадцать, – голубые глаза вспыхнули адским пламенем. Что-то вспомнил. Вспомнил то, что сильно разозлило. Затянулся и не спешил выдыхать. – После дня ее рождения и до сегодняшнего момента у Анны был не очень благополучный период! – говорил тихо, смотря на сигаретный дым, который выходил из ноздрей. Зрелище было сюрреалистическое. Как разъяренный бык.

-И что вы хотите от меня? – осторожно спросил, стараясь не провоцировать мужчину. Он сконцентрировал на мне взгляд.

-Ты будешь ее телохранителем, психотерапевтом, своего рода учителем реальной жизни. Как только я пойму, что Анна научилась самостоятельно отвечать за свои поступки, за свои мысли, ты получишь то, что я тебе почти пообещал.

-Вы мне ничего не обещали! – резко вскочил на ноги, когда мой гость неторопливо встал со стула, намекая таким образом, что разговор подходит к концу.

-Вот именно Фернандес, я тебе ничего не обещал, я только дал тебе понять, что могу пообещать. В твоих интересах согласится на мое предложение.

-Хорошо! Согласен! – надежда заставляет человека соглашаться на не

мысленное. Надежда толкает на сумасшедшие поступки. Надежда побуждает нарушать свои же правила. И все только для того, чтобы надежда превратилась в реальность, о которой мечтаешь в душевной ночи.

-Ты даже не спросишь на какой срок я тебе предлагаю наше сотрудничество? – он смотрел на меня с легкой усмешкой, но где-то в глубине этих синих глаз был взгляд палача, который прикидывал на сколько хватит его жертву. И я впервые задумался, а не слишком ли будет высока цена за возможность вернуть самое ценное, что может быть у человека.

-Не спрошу! – мне тут же протянули черную визитку с выдавленными буквами. Я всматривался в золотое напыление, сердце пропускало удар. Сердце сжималось от неизвестности. От ощущения полета в пропасть. Этот человек действительно мог мне все вернуть. Или все уничтожить. Он тот, кого боялся мой отец, с которым он старался не пересекаться ни при каких обстоятельствах. Его можно не знать лично, но фамилию каждый хоть раз слышал. И у каждого своя была реакция. Каюм вызывал разные эмоции, но равнодушным никто не оставался. И тут меня прошиб пот. Анна Каюм. Каюм... твою мать.

P.S. Кажется, Мигель попал!

10 глава

Анна

Я злилась. Сильно злилась. С той самой минуты, когда в аэропорту в вип-зоне увидела Мигеля. Сначала обрадовалась. Сердце екнуло. Потом, когда он не улыбнулся, равнодушно, по служебному скользнул взглядом, а папа мимоходом мне сообщил, что у меня теперь новый телохранитель, а Абу переходит к нему, я растерялась. Потом разозлилась. На папу за то, что как всегда в своей манере ставит перед фактом и не интересуется нравится мне это или нет. На Мигеля за то, что как в фантазийном романе трансформируется из одного героя в другого. То был самым простым человеком, то стал супергероем, телохранителем для принцессы. На себя за то, что где-то в глубине души обрадовалась факту, что Мигель будет рядом. Но внешне разочарованно на него глянула, отвернулась и весь полет либо спала, либо слушала музыку.

-Если он мой телохранитель, то где же форма, где наушники, рация и

пистолеты? – едко спросила, когда самолет вошел на территорию Дубая. Папа посмотрел на меня поверх планшета, посмотрел на Абу, который сидел параллельно. Он был в джинсах и белой футболке. Без наушника. Без рации. Без пистолета. Хотя отсутствие последнего было под вопросом. Потом посмотрел на Мигеля. Тот был так же в джинсах, но в рубашке с коротким рукавом.

-Насколько мне помнится, я никогда не требовал дресс-кода охраны возле тебя.

-Теперь я хочу этого дресс-кода! – вскинула подбородок, капризно надув губы. Папа иронично изогнул бровь, усмехнулся. Мигель стиснул зубы, сжал кулаки, молчал. А вот Абу откровенно улыбался, качая головой.

-Хорошо, милая, раз тебе хочется официальности, Фернандес, как и моя охрана, будет в костюме, с наушником и пистолетом! – на последнем слове папа хмыкнул и спрятал свою улыбку за планшетом. Но почему-то моя злость никуда не уходила. Я должна была вообще не реагировать на изменения моей безопасности, но мне хотелось задеть, уколоть Мигеля. За что? Не знаю.

-Анна! – первый кто меня сгреб в охапку и закружил, зацеловывая все лицо, был Азамат, едва я спустилась с трапа и удалилась от частного самолета. Было ощущение, что мы с ним не виделись лет сто. И, находясь в его объятиях, купаясь в радости его глаз, я улыбалась. Впервые за весь день, как села в самолет.

-Ну, сестренка, сувениры братцам привезла из Испании? Или может телефончик какой-нибудь красотки для меня? – Азамат обворожительно улыбался, не удивительно, что его победы в плане женщин были легки. Смазливая мордашка, море обаяния и харизма делали его просто смертельным оружием для женского сердца. И не важно, занято оно или нет, если братец на кого-то положит свой черный глаз, жертве деваться некуда.

-Это что за хрен? – в миг вся милость слетела с лица, теперь черные глаза смотрели хищно, опасно и предупреждающе. Я обернулась. Из самолета вышел папа, следом спускался Мигель, потом Абу.

-А это мой новый телохранитель! – безразлично пояснила, однако брат не повелся. Внимательно посмотрел на меня, потом на Мигеля, что-то там сложил в своем уме и еще больше помрачнел. – Это решение папы! – Азамат чуть-чуть расслабился.

-Привет, сестренка! – подошел Али, его губы тронула еле заметная улыбка. Он склонился надо мною и чмокнул в лоб, отбирая меня у Азамата. – Как отдохнула?

-Ну, если бы вы папу периодами не дергали, то можно сказать, что отлично! – про последние дни говорить не хотелось. После разговора в кафе папа предпочитал со мною разговаривать на бытовом уровне, перепоручив заботу обо мне Абу. Сам в это время развлекался с брюнеткой, которая подцепила его в кафе. И это его поведение сильно меня задело, он показал мне, что я уже не на первом месте в его иерархии ценностей. Год назад ему бы и в голову не пришло оставить меня одну.

-Извини, но были вопросы, которые без него невозможно решить! – Али посмотрел в сторону самолета, нахмурился. Он тоже заметил Мигеля. –Я надеюсь, это не твой новый муж? – иронично протянул брат, следя, как папа и новый мой телохранитель неторопливо направляются к нам, сзади шел Абу.

-Нет, конечно! – фыркнула от абсурдности. – Спасибо, прошлого опыта хватило выше головы! – Али улыбнулся мне уголком губ. Папа замер перед нами.

-Али, Азамат! – он протянул руку и пожал ее каждому в знак приветствия. – Знакомьтесь, Мигель Фернандес, новый телохранитель Анны.

-А Абу куда? – Азамат посмотрел Мигелю прямо в глаза. Я думала тот вздрогнет и отведет их в сторону, но не тут-то было. Мигель выдержал взгляд Азамата, внимание Али и ни один мускул на лице не дрогнул. Холодный. Опасный. Хищный. Как все мужчины Каюм. Он сейчас словно был из одной упряжки с ними. Я взглянула на папу, он с легким прищуром наблюдал за перестрелками взглядов и улыбался. Незаметно, но улыбался. Интересно, неужели Мигелю он доверяет? Ричард достаивался только звериного оскала, а тут словно подбадривали, поддерживали. Папино отношение совсем сбило с толку.

-Абу будет у меня! Поехали домой, у меня много вопросов к вам, мальчишки! – судя по строгому голосу отца, по серьезным лицам братьев, им предстоит выстоять и не пасть смертью храбрых от папиного разноса. И этот разговор точно будет не для моих ушей.

Вновь дорога. Только в этот раз я нетерпеливо выглядывала в окно,

почему-то хотелось посмотреть на реакцию Мигеля, когда он окажется в нашем доме. Войдет в мой привычный мир.

Саид

За окном была полночь. Головная боль сдавливала виски. А конца работы не предвиделось. Отпуск вышел мне боком. Как оказалось, на практике Али и Азамат без меня не могли решить даже текучку. Это огорчало. Али хорош только в своей деятельности и рядом со мною, в роле моего заместителя ему было тяжело и мало опыта. Азамат тоже терялся в вопросах. Нужно было либо их отстранять, либо закрывать глаза на ошибки и давать больше практики, а потом исправлять их косяки. У меня была другая школа...

-Можно? – в кабинет осторожно заглянул Фернандес. Парень явно чувствовал себя не в своей тарелке. Он пытался скрыть свой шок от моего богатства, сделать вид, что его это не касается и он тут только ради возможности вернуть себе то, что принадлежало по праву. Анна, как капризный, избалованный ребенок трещала без умолку, демонстрируя что у нее есть, что было и что хотела бы. Ее поведение раздражало, хотелось дать подзатыльника. Сорвался на сыновьях, но те молча принимали мой разнос, зная за что я их ругаю.

-Заходи.

Испанец уверенно зашел, направился к столу, замер. Я жестом указал на кресло напротив стола, присел. Он нервничал, постоянно сжимал и разжимал кулаки. Терпеливо ждал, когда начнет говорить, самому спрашивать причину было лень, мои мысли все еще были в отчетах. На завтра было назначено совещание в моей корпорации, следовало разобраться в важных вопросах. Честно было не до Анны и ее нового телохранителя.

-Я что реально должен ходить за ней по пятам, куда бы она не пошла? – голос его был полон возмущения. Явно долго думал над ситуацией и наконец-то понял, что ему придется быть нянькой восемнадцатилетней девушке. – И вести задушевные беседы?

- Да.

-Вы шутите?

-Нет.

-Но... – я поднял на Фернандеса глаза и сузил их, он захлопнул свой рот.

-Послушай, – отложил в сторону бумаги, сцепив руки в замок, подавшись вперед. Парень откинулся назад. – Я тебе уже объяснял, что Анну нужно научить жить реальностью, по возможности выяснить, чем бы она хотела заниматься по жизни. У меня на это просто нет времени. Как только данная задача будет решена, я все твои проблемы и вопросы тоже решу. Единственное, о чем сразу предупреждаю: вступать с нею в близкую связь категорически запрещается!

-Да, о чем вы думаете!!! – вспыхнул испанец, но я не проникся. Один тоже мне тут утверждал, что я не о том, думаю.

-Фернандес, я повторять не буду. Узнаю о том, что ты трахаешь мою дочь, убью на месте!!! – он вздрогнул, замер, внимательно глядя мне в глаза. – Запомни это и думай об этом каждый раз, когда мысли потекут не в то направление. И даже если вдруг Анна будет провоцировать, соблазнять, ты не рыпаешься в ее сторону. Я уничтожу тебя и все то, что тебе дорого, если только заподозрю о связи между вами! Понял?

-Да.

-Свободен. С завтрашнего дня ты полностью исполняешь свою роль, ради которой собственно сюда и приехал. И не забывай о моем предупреждении! – Фернандес как-то скованно поднялся с кресла, деревянной походкой двинулся в сторону двери. Перед выходом обернулся и смотрел не мигая, я не отвел от него взгляда. И даже с такого расстояния увидел, как тьма поглощала его изнутри. Он меня тихо ненавидел, возможно еще об этом не подозревал.

Мигель (03.08.2018)

Анна. Если бы меня спросили, какая она – дочь самого богатого человека, состояние которого позволило ему войти в десятку миллионеров мира, пожал бы плечами. Она все время была в своей комнате. Редко просила себя отвести к старшему брату, который жил в одном квартале, при желании можно было б дойти пешком. Там проводила время с детьми и невесткой. Ахмет появлялся к ужину, потом провожал Анну до машины. Сдавал мне на руки свою сестру.

Однажды я опешил, увидев в доме представителей королевской семьи. Саид Каюм в непринужденной обстановке за бокалом коньяка общался с принцем. Вскоре и к этому привык. И понял, что Каюм очень темная лошадка. Каюм ведет двойную жизнь. Одни его знали, как успешного бизнесмена, прекрасного отца, обаятельного мужчину. Другие его знали, как жестокого и бескомпромиссного человека, связанного с криминалом, хладнокровного убийцу, который практиковал доводить своих жертв до последней точки, морально придавить, уничтожить. Я знал о нем со второй стороны. Со слов отца, который боялся его, как огня и всячески свои темные дела проворачивал так, чтобы никак не пересечься с делами Каюма.

Али и Азамат были его наследниками. Кто наденет корону, было сложно сказать. В глазах Азамата горел дикий огонь, в глазах Али был холодный расчет. При этом я заметил, что старший брат и младший брат с Анной были в стороне. Они знали кто их отец, чем он занимается официально, делали вид, что другой стороны не существует. Но сдается мне, что не столь они были наивны.

Анна... Каюм просил с требовательными нотками узнать, чем хочет заниматься его дочь. Я бы ответил: ничем. Она бессмысленно сидела в интернете, она читала много разной литературы, но ни одну книжку не дочитывала до конца. Она иногда бродила по магазинам, имея платиновую карту папы, ничего не покупала. Другие бы душу продали за ее место в жизни, а она словно плыла по течению. Я приглядывался к ней, не лез с разговорами, да сама девушка не горела желанием со мною беседовать. Она закрылась ото всех. Ту девушку, которую я видел в кафе, которая болтала без умолку, резко замолкая, смеялась, которая ела мороженое с шоколадным сиропом – оставили в Испании. В Эмиратах была тень в оболочке. В ее глазах была тень. Тень, которая иногда заставляла голубые глаза застывать перед собою, глубоко уходить в себя. Еще одну странность заметил, Анна не переносила мужчин, которые проявляли к ней интересе. В город она всегда выходила в парандже, но даже в таком наряде умудрялась обращать на себя внимание. Арабы к ней не подходили, не имели права по вере, европейцы, завидев меня за ее спиной, тоже теряли охоту приближаться ближе чем на сотню метров. Никак не мог понять, что в ней такого, что сворачивали шеи. Я лично видел перед собою красивую девушку, которая потерялась в жизни. Которая при наличии бесконечных возможностей проводила свою жизнь в пустую.

Моя комната находилась почему-то на втором этаже возле комнаты Анны. Пришлось любопытствовать у Абу, почему так. Думал, что у меня особое положение. Но пришлось закатать губу, Абу жил возле Каюма. Это странное смешение заставило задуматься, Абу пояснил, что когда-то в этот дом ворвались вооруженные люди и угрожали Саиду расправой. Судя по тому, что Каюм до сих пор живой, расправа была над незваными гостями, а с того времени безопасность встала на первом месте по важности.

Сел на кровать, расстегнул на половину рубашку. Прихоть Анны дресс-кода напрягала, но посмотрев на ребят, которые были возле Каюма, мне еще повезло, что чаще сидел дома, те постоянно были в движении. И я, мучаясь бессонницей, видел, что Саид Каюм в кабинете находился чуть ли до первых проблесков рассвета. В восемь утра стабильно сидел в столовой и пил свой зеленый чай, углубившись в планшет. Он мне казался роботом. Бездушной машиной, периодами включающая эмоции для родных.

Кто-то пел. Это было неожиданным. Встал и пошел на звук. Звук привел меня к комнате Анны. Дверь была приоткрыта, и я увидел девушку сидящей на полу. Она что-то рисовала и напевала себе под нос. Голос завораживал. В пении он был немного другим, чем при разговоре. Имея музыкальный слух, понимал, что при хорошем обучении ее голос раскроется во всю полноту. И тут меня озарило.

Толкнул дверь. Анна вскинула голову и замолчала, нахмурившись смотрела на мое вторжение.

-Я тебя не приглашала! – резко бросила девушка, вновь склонившись над листами. Проигнорировал ее недовольство, подошел ближе.

-Ты никогда не хотела петь?

-Что? – она теперь удивилась и смотрела на меня как на сумасшедшего.

-Петь. Петь на сцене перед толпой!

-Нет! – отвернулась, потом вообще встала и подошла к окну. Обняла себя за плечи. Почему-то стало жалко эту красивую девушку, которая по сути была одинокой. Ее одиночество лучшая подружка. Реальных подруг в жизни Анны не наблюдалось. Я вообще ее не понимал, как так пусто можно проживать свою жизнь, когда твой папа готов выполнить любую прихоть. Ведь есть возможность бесконечно путешествовать, слушать интересные курсы, знакомиться с новыми

людьми. Познавать мир вокруг себя. Анне этого не нужно было.

-Тогда, о чем ты мечтаешь? Неужели предел твоих мечтаний – это лежать на полу и раскрашивать антидепрессивные раскраски???

Анна, каждый человек имеет цель! – я разозлился не на шутку.

Схватил ее за плечи и развернул к себе лицом и даже тряхнул слегка, ее волосы всколыхнулись. Под прицелом голубых глаз, которые наполнялись слезами, злость уходила и уступало место какой-то необъяснимой нежности. Ослабил хватку, рука сама метнулась к ее лицу, ласково провел по щеке. Кожа была мягкой, хотелось почувствовать вкус на губах, нагнулся, вдыхая ее какой-то сладкий запах. Анна дернулась в моих руках и с ужасом отпрянула, но держа ее за плечи, далеко не отодвинулась.

-Отпусти меня! Иначе я папе все расскажу! – прошипела девушка, а упоминание папы имело эффект ледяного душа. Руки разжались, сделал шаг назад. Черт!!! Нужно постоянно себя одергивать, напоминать себе ради чего я тут нахожусь. Мысли пришли в порядок, дурман от запаха Анны рассеивался.

-Ну так что там с пением?

-Даже если бы я об этом мечтала, папа никогда в жизни не разрешит мне выйти на сцену!!!

-А ты у него спрашивала?

-Нет, конечно, я заранее знаю ответ, так зачем тешить себя какой-то призрачной надеждой.

Наверное, после этого он меня пристрелит сам. Вряд ли будет вникать в смысл моих слов. Я понимал, что для мусульманина публичная жизнь – это грех. Тем более шоу-бизнес требовал быть раскрепощенным, вызывающе сексуальным и свободным от морали. Хоть Каюм и не был в полной мере последователем пророка, вряд ли у него были свободные взгляды во всех сферах жизни.

Анна упиралась, но больше для вида. И ей было любопытно, это было видно по глазам, что скажет отец. Мне самому было интересно, как отреагирует Саид на мечту дочери. В кабинете он оказался в привычном месте, за привычным делом, в привычной позе. При нашем появлении поднял голову от бумаг и вопросительно изогнул бровь, переводя то с меня, то на Анну выжидающий взгляд. Мысленно похвалил себя, что успел застегнуть рубашку до прихода в комнату Анны, ибо даже расстегнутые две пуговицы спровоцировали

потемнение в голубых глазах Каюма.

-Она хочет петь! – выпалил на пороге кабинета. Анна задержала дыхание, Саид удивился, что не сразу взял себя в руки.

-Петь? Никогда не наблюдал особого рвения в этой сфере! – он поднял бровь, откинулся на кресле, посмотрел на дочь. – Что ты скажешь Анна?

-Я... – девушка растерялась, кажется была испугана вопросом. – Я люблю петь...но как-то не думала о чем-то серьезном, ибо ты никогда не одобрял шоу-бизнес.

-Я и сейчас его не одобряю. Я даже не представляю, чем могу тебе помочь!

Анна расстроилась. Она сжала губы, в глазах скопилась влага, которая вот-вот прольется. Не сказав и слова, развернулась и чуть ли не бегом покинула кабинет. Я с сожалением проводил ее взглядом, а потом гневно повернулся к Каюму. Идиот! Сам просит выяснить, о чем мечтает дочь и тут же с легкостью ломает ее мечту своим стереотипным мышлением.

-Вам не кажется, что вы не правы!

-Мои решения не обговариваются. Если я сказал нет, значит нет и ничего не изменится!

-А смысл тогда выяснять у Анны, чем она хочет заняться, если в большинстве случаев вы ничего не одобрите, разве только рассмотрите ее желание выйти замуж и нарожать кучу детишек! Какое узкое мышление! Какие рамки! Молодая девушка, красивая, интересная, вынуждена себя прятать под паранджой, скрывать свои мысли, не проявлять никакой инициативы, ибо с рождения у нее только мнимое право выбора, мнимая свобода! – запал закончился, закрыл рот. И ни капельки не пожалел, что высказал Саиду все в лицо. Теперь пусть убивает. Судя по звериному выражению лица, мне сейчас подбирают приговор.

-Ты кажется начинаешь забываться, где находишься и кем являешься!!! – прорычал Каюм, вставая из-за стола. Мне по-хорошему испугаться, но ничего подобно не было. Я смело смотрел ему в лицо, даже улыбался, чем бесил этого человека.

-Благодаря вам, я постоянно помню где нахожусь и кем являюсь, но это не меняет ровным счетом ничего. Я по-прежнему в первую

очередь человек, который имеет чувства! И мне искренне жаль вашу дочь, жаль ее бедную жизнь, жаль ее разбитых желаний. Вы думаете она счастлива в этом дворце, который больше похож на золотую клетку? Счастлива? Вы ее хоть раз спрашивали об этом?

-Пошел вон отсюда, пока не пустил пулю в твою башку!!! – Каюм был в ярости, глаза метали молнии, челюсть напряженно сжата.

-Что, правда глаза колет? – ухмыльнулся, подходя к столу, смотря ему в глаза. – Уж лучше горькая правда, чем сладкая ложь. И, наконец-то, перестаньте обманываться в отношении дочери, Анна глубоко несчастная девушка, с глубокими душевными травмами, о которых я могу только догадываться! И если вы не протянете руку помощи, она сломается, она угаснет, она просто перестанет быть!

-Вон отсюда! – прошипел Саид, полоснув по мне убийственным взглядом. Решил действительно ретироваться подальше от злого Каюма. Едва только закрыл дверь за спиной, как раздался оглушительный грохот, звон разбитого стекла. В коридоре сразу же появился Али и, сделав пару шагов, замер. Мы смотрели друг на друга, и я впервые увидел, как он мне улыбнулся. Видно слышал разговор.

Анна (04.08.2018)

Зачем он растеребил душу??? Зачем он полез туда, куда не просили? Зачем...Слезы текли по щекам, а я бессмысленно смотрела в потолок. Петь – тайное желание. Я даже на праздниках дома не стремилась выступать перед родственниками, только в школе разрешила себе ходить на вокальный кружок, но от выступлений отказывалась.

Папа всегда категоричен. Его «нет» никогда не оспаривалось, никогда не объяснялось. Он никогда не менял своего отношения к людям, вещам, темам, принял одну точку зрения, и она нерушимая.

Стук в дверь. Приподнялась на локтях, поспешно вытирая слезы на щеках. Дверь приоткрылась и там стоял папа. Слегка растрепанный, с расстегнутой на половину рубашкой, что можно было увидеть его татуировку на плече, преходящая на грудь. Он сделал несколько шагов и замер, словно сомневался в правильности своего решения, но все же дошел до кровати и присел, внимательно рассматривая мое лицо. Вряд ли не заметил мои красные глаза, мои искусанные губы, мое влажное лицо.

-Ты плакала? – его указательный палец коснулся щеки, потер влагу между пальцами. Вздыхнул. – Анна, я правда желаю тебе только счастья, я не хочу, чтобы ты узнала всю грязь и несовершенство этой жизни!

-По-моему мой брак с Ричардом показал мне в полной мере несовершенство этого мира.

-Это он один, а там таких недоделанных будут тысяча. Еще фанаты, внимание журналистов, которые так и будут лезть в личное белье.

-Тебе это не нужно?

-Скажу откровенно, чем меньше мое имя мелькает в прессе, тем лучше для меня. Мне хватило внимания с лихвой, когда женился Ахмет. Да и сейчас нет-нет да напомнят, что мы косвенные родственники королевской семьи. А это надо соблюдать правила, это нужно думать, что скажешь, что сделаешь. Поверь, я бы с удовольствием вернулся в то время, когда был в России и за мною не было столь пристального внимания.

~~Я поняла тебя, папа! Я переживу несовершенство этого мира...~~ голос дрогнул, в носу противно защипало.

-Аня! – он обнял меня за плечи и притянул к себе. Уткнувшись ему в шею, слезы сами потекли из глаз. Он гладил меня по спине, давая возможность выплакать свою самую сокровенную мечту, которая так и останется мечтой.

-Как ты думаешь, мама была бы против моего желания петь? – это был запрещенный прием. Я это почувствовала, едва только прозвучал вопрос, а рука на спине напряглась. Он молчал. Кажется, целую вечность, а я трусливо пряталась в его шеи, боясь посмотреть в глаза и увидеть там вселенскую тоску. Обхватил ладонями мою голову и отстранил, посмотрев мне в глаза ничего выражающим взглядом.

-Ты действительно уверена, что это самая заветная твоя мечта?

-Да...

-Хорошо. Я дам тебе возможность мне доказать, что это не блажь, не прихоть и ты готова по полной программе выложиться ради достижения успеха! – поцеловал в лоб, губы тронула еле заметная улыбка. Я хотела удержать его, что-то в нем изменилось, что-то словно сломалось, но в тоже время понимала, что он не даст себя

жалеть, что он как всегда все переживет в гордом одиночестве.

-Папа! – окликнула его возле дверей, он обернулся, держась за ручку.
–Я люблю тебя! – теперь улыбка была четче, глаза вспыхнули мягким огнем.

-Я тоже люблю тебя, малышка!

Санд

Вода стекала с головы на плечи, ниже. Я стоял в душе, опустив голову на грудь с закрытыми глазами. Я хотел выть от внутренней боли, но боль словно изваяние застыло во мне и просто была. Время лечит? Время притупляет боль? Время...время...Ненавижу! Стукнул кулаком в кафель, рассекая костяшки до крови. Я загружал себя работой, делами, проблемами. Я пил, курил, трахал девок и все для того, чтобы внутренняя боль была завалена реальностью. Чтобы я не жил прошлым, не рвался назад... Судорожно вздохнул, выключая воду.

Смогу забыть? Смогу не искать в других лицах знакомые, до скрежета любимые черты лица? Анна всегда расковыривала рану в самый неожиданный момент. Я потом после таких разговоров неделями собирал себя по кусочкам, восстанавливая свое душевное равновесие.

Была бы Арина против? Думаю, что нет. И узнай бы она, что я всячески препятствую дочери в достижение своих мечтаний, убила бы на месте. Ну, как убила... поорала бы, может быть надулась, отказывая мне в близости. Но разве меня бы это остановило? Ухмыльнулся. Нет. Я всегда брал ее, когда хотел и где хотел. По желанию или против воли.

Вытерев тело насухо, натянул спортивные штаны и вышел из комнаты, чтобы спуститься в подвал, где был оборудован спортивный зал с боксерским рингом. Мальчишки часто тут баловались. Сейчас тут никого не было. Схватив со стола бинты, намотал на руки, подошел к груше. Раз удар. В памяти вспыхнула картинка бежавшей ко мне Арины на каблуках с красной помадой на губах. Два удар. Вот она танцует в клубе. Вызывающая. Сексуальная. Манящая. Три удар. Вот я держусь от нее подальше, а меня ломает, ломает и точка невозврата поставлена. Четыре. Вот наша первая ночь. Первый секс. Первый снос крыши, после ничего нельзя будет вернуть. Контроль потерян и дальше только пропасть. Пять. Шесть.

Каждый удар становился все жестче, все сильнее. Каждый удар вытаскивал из памяти все хорошее, все плохое. Я молотил по груше, выплескивая все, что внутри: боль, досаду, разочарование, беспомощность. Я молчаливо вопрошал у своего и ее Бога за что он так поступил с нами! За что?

Упал на колени на глянцевый мат, сгибаясь пополам. Пот тек ручьем по спине. Воздуха катастрофически не хватало в легких. В груди сильного кололо. Сдохнуть! Вот так, сразу, с мыслями об Арине!

-Вам плохо?

Твою мать! Я сжал кулаки, медленно поднимая голову. Рядом обеспокоенно стоял Фернандес. Парень реально был встревожен и в темных глазах не было ни злорадства, ни ехидства. Не удивительно, что он удрал от своего отца. Слишком человечен был, такие в нашем мире не выживают, ломаются.

-Насколько я помню, ты приставлен к Анне, а не ко мне, так что нечего изображать няньку передо мною! – раздраженно стал подниматься на ноги, разбинтовывая руки. Его глаза с любопытством рассматривали шрамы, татуировку, взгляд немного дольше задержался на запястье.

-Это в честь детей? – кивнул в сторону черных букв. Я покрутил рукой, рассматривая татушку.

-В честь любовницы! – секундное замешательство, потом понимание. Бля, психолог что ли. Свалился на мою голову!

-Я хотел извиниться. Наверное, в своих высказываниях был не прав. Ведь вам виднее, что хорошо для детей, а что плохо. Думаю, я бы точно так же поступил! – Фернандес говорил серьезно, взвешено, заранее обдумав каждое слово. Я прищурился, рассматривая испанца, который заставляет воду волноваться в стакане.

-Скажи мне, ты и с отцом вел себя, как воспитанный сын?

-Я никогда не понимал его методы ведения дел, когда можно нормально жить, не переступая закон.

-Насколько мне известно, твоего старшего брата Хуана убили за наркоту, а сестру пустили по кругу, как элитную проститутку, как ты сумел избежать незавидную участь?

-Вы знаете, чем мне пришлось пожертвовать, так к чему эти умные,

но ненужные вопросы?

-Знаю. И удивлен, что ты готов был пожертвовать...

-Но вы ж обещали...

-Я? Фернандес, я никогда ничего не обещаю. Я действую сугубо в своих интересах. В данный момент мой интерес в дочери, и ты благополучно справляешься со своей задачей.

-То есть?

-На неделе вы летите в Нью-Йорк записывать первую песню. Если она войдет в хит-парад, если вы придумаете сценический образ, который не вызовет во мне желание поубивать вас, тогда можно думать о дальнейшем будущем.

~~Но...~~ ~~Анне~~ но хорошему нужно поработать над голосом, подобрать эту самую песню...образ...Там много работы.

-Фернандес, это не твоя забота, твоя роль в том, чтобы охранять Анну физически и морально, но при этом не забывай о моем предупреждении, помолись своему Богу, чтобы мне не пришли на ум идиотские мысли, если еще раз увижу распахнутую рубашку на груди в обществе моей дочери! – слова почти выплюнул, швырнул бинты на мат и направил на выход. Еще раз холодный душ. Привести мысли в порядок и заняться платформой для карьеры Анны. А Фернандес... вскоре свалит из нашей жизни. Слишком много психологии в моей жизни появилось рядом с этим парнем.

11 глава

Скачано с сайта knigomania.org

Мигель (05.08.2018)

Я вышел из душа. Время было только шесть утра. Самолет в восемь. Нью-Йорк. Кто бы мог подумать, что Каюм согласится. Анна напоминала мне девочку, у которой исполнялась американская мечта. Она словно проснулась после долгой спячки. До дня отъезда активно подыскивали себе преподавателя по вокалу, на каком-то форуме общалась с музыкантами, выясняя какие сейчас тенденции в сфере музыки. Что-то рисовала. Что-то писала. Что-то мурлыкала себе под нос. Я искренне за нее радовался.

-Мигель! – в комнату без стука влетела Анна, уткнувшись носом в какие-то бумажки. Судорожно стал озираться в поисках хоть какой-

то одежды, ибо полотенце на бёдрах одеждой назвать нельзя. Не дай бог мимо пройдет Саид Каюм, разбираться не будет, удушит на месте своими же руками.

-Оооо, ты не одет! – девушка сложила губы в «о» и впала в какой-то столбняк, медленно скользя по мне странным взглядом. Я замер, не двигался, как дичь перед хищником. В данный момент хищницей. Яблоко от яблони не далеко упало, голубые глаза вспыхивали, как глаза главы этого дома. Анна тряхнула головой, словно отгоняла запретные мысли, щеки покрылись румянцем, что было мило и неожиданно. Отвернулась.

-Знаешь, папа разрешил самостоятельно подыскать квартиру! Ты был в Нью-Йорке? – она стояла ко мне спиной, а я как дурак любовался ее изгибами, линией бедер, волосами. Которые доходили ей до поясницы. Черноволосая Рапунцель.

Кто-то поднимался по лестнице. Очнулся и бегом кинулся к комоду. Никогда не одевался на время, но сейчас мог с легкостью выиграть данное соревнование. Страх великий стимулятор.

~~Нет. В Нью~~ В Нью Йорке я не был! – дыхание сбилось. В комнату зашел Али. Не хуже, но и не лучше Каюма. Он внимательно глянул на меня, потом на сестру, потом почему-то на кровать. К слову, она была смята. Уголок его губ приподнялся, но мне не хотелось видеть его улыбку. Так улыбается питбуль, который собирается сжать свои челюсти на твоей шее.

-Анна, отец ждет внизу!

Девушка вышла, ни разу не обернулась. Я засунул руки в карманы черных брюк. Али остался. Склонив голову набок, смотрел на меня, его глаза напоминали застывший в лед кофе.

-Дам тебе бесплатный совет! Для того, чтобы тебе стать частью нашей семьи, нужно преодолеть всего лишь одно человека: отца. Судя по тому, что я слышал, видел, ты на верном пути, но будь осторожен, помни о его предупреждении, он не любит, когда его слова игнорят! Становится очень мстительным.

~~Ты, Али, не правильно все понял. Я не собираюсь ухлестываться за Анной ради того, чтобы войти в вашу семью. Мне это просто не нужно. Если бы хотел богатства, сытой жизни мог остаться рядом со своим отцом, но как видишь, меня там нет.~~

-Ты думаешь, что, проводя 24 часа в сутки рядом с симпатичной девушкой, в тебе ничего не вспыхнет?

-Я умею себя контролировать!

-Я бы не стал так самоуверенно об этом заявлять, все мы обычные люди и не всегда нам подвластно держать свои чувства в узде.

-По тебе не скажешь, что эмоции присутствуют в твоей жизни!

-Не верь глазам, верь поступкам! Откровенно говоря, ты мне нравишься, ты не такой, как мы, при этом ты находишь в себе смелость противоречить отцу. А это дорого стоит! Не каждый может похвастаться тем, что после этого остается здоровым...или живым. Поэтому надеюсь тебе хватит здравого смысла действовать правильно! –Али покачался на носках, ушел, оставив меня в растерянности. Что это значит? Брат Анны желает видеть меня в качестве родственника? Только я как-то не настроен сближаться с девушкой. Во-первых, ее папа. Во-вторых, ее папа и его предупреждение. В-третьих, еще раз ее папа. Нужно быть без мозгов или самоубийцей, чтобы без его благословения подкатывать к Анне. Интересно в ее жизни находился такой смельчак? И если он был, что с ним стало?

Полночь. Анна задремала на заднем сиденье. Она выглядела уставшей, измотанной. Для домашней девочки, которая всегда вовремя ложилась спать, ритм шоу-бизнеса давался тяжело. Днем сплошные репетиции к сольному концерту, уроки по вокалу, занятия по хореографии, вечером обязательные мероприятия, тусовки, какие-то закрытые, но нужные концерты. Ее приглашали в качестве гостя или на разогрев публики. Ее первая песня вспыхнула яркой кометой. Мягкий, мелодичный голос со смесью арабских и английских слов выделил ее из толпы. Образ таинственной восточной незнакомки манил. Нет, паранджу не надевала, просто все ее платья, которые она носила почти всюду были максимально закрытыми и одновременно будоражили воображение. Продюсеры хотели более открытые костюмы, но разговор с Каюмом был короткий и четкий. Никакого оголения. Это к слову тоже сильно Анну выделяло среди коллег. Этакая восточная принцесса. Ее поклонники так и называли- Шахерезада. Сама Анна взяла псевдомин- Рина. Мне было все равно, продюсеры одобрили, а вот Саид, когда прилетал в Нью-Йорк, долго

сверлил дочь бешеным взглядом. Казалось он готов был ее убить. Прислушав несколько песен, узнав название будущего альбома, я думал, что карьере Анне пришел конец. Каюм был просто вне себя. Никто не понимал в чем соль, но эти двое словно сражались между собою. Саид капитулировал. Он хлопнул дверью так, что стекло в студии затрещало и грозило рассыпаться.

-Мы уже приехали? – сонно спросила Анна, приподнимаясь на сиденье. Я глянул на нее в зеркало заднего вида.

-Минут десять еще ехать.

-Я так устала. Хочется хоть на денек вырваться на пляж и ни о чем не думать. Я только сейчас поняла ценность времени!!!

-Всегда нужно чем-то жертвовать, ради своей цели.

-Я не жалуюсь, если что! – с заднего сиденья сердито засопели. Да, Анна не жаловалась. Она трудилась, трудилась и еще раз трудилась. Она уставала, но шла вперед. Я видел в ее глазах решимость довести все до конца, доказать себе и в первую очередь отцу, что она может и хочет реализовывать свою мечту. Она выкладывалась на все 200% и считала, что мало. Но я ею гордился. Каждый день, видя, как эта на вид хрупкая девушка делает шаги в своей карьере, в груди растекалось тепло, тихая радость за нее. Мне теперь хотелось взять ее за руку, сжать хрупкую ладошку и сказать: я с тобой...

-Мигель! – голос выдернул из своих мыслей. Нахмурился. Для вида. Вот уже полгода я все делаю для вида.

-Что?

-Может закажем суши?

-Хорошо. Сейчас доедем до дома и закажем.

Машина свернула на подземную парковку. Пару минут возни, чтобы выйти и дошагать до лифта, и вот мы поднимаемся на самый верх небоскреба. Анна словно случайно прислонилась ко мне и положила голову на плечо. Я смотрел на цифры и молился о крепости своего самообладания. Потому что...потому что Али был прав. Я человек и 24 часа в сутки рядом с красивой девушкой, которая с каждым днем все больше и больше восхищала, влюбляла в себя, очаровывала, становилась пыткой. Я только самому себе недавно признался, что привязался к Анне, что каждое утро кайфую, наблюдая за ее сонной мордашкой и мне не в напруг приготовит ей кофе с молоком, добавив

щепотку ванили. Как она любит. Я только недавно заметил, что не осознанно задерживаю дыхание, когда она мимо проходит и улыбается. Мне лично улыбается. Я только недавно раздраженно начал думать, почему мы живем ни одни. Да, это безумные мысли, нереальные, ее папа и в мыслях бы не допустил проживание своей дочери с мужчиной на одной территории, если тот не ее брат. Мы жили с мисс Парк, строгая женщина не только на вид, но и на самом деле. Она зорко, как орлица наблюдала за нами, хранила целомудрие дочери Каюма от меня, в то время, как я хранил Анну за пределами этой квартиры. Получался полный абсурд, ведь захоти, мы могли найти себе укромное место. Могли бы, если бы Анна хоть раз мне намекнула на какие-то чувства в мою сторону. Но она держала дистанцию и глухую оборону, лишь иногда улыбалась как-то слишком нежно... Или мне казалось. Поэтому сейчас я просто наслаждался минутами ее тепла, запахом карамели от волос, пока лифт полз наверх, ее доверием ко мне, которое боялся потерять.

-Надеюсь мисс Парк уже спит глубоким сном и не будет сканировать меня на целостность девичьей чести! – Анна усмехнулась. – Папа невозможен в своем контроле.

-Он беспокоится о тебе. Не каждая девочка может похвастаться таким заботливым отцом! – а в голове возник образ моей сестры. В возрасте Анны она тоже была наивна и чиста, а потом...потом все изменилось.

-Сколько себя помню, он никогда не был нормальным отцом.

-В смысле?

-Он был отцом только дома, вдалеке от посторонних глаз, за высоким каменным забором своего дома, а так никогда не приходил на школьные концерты, поэтому я никогда и не выступала. Зачем? Его не было, а перед чужими раскрываться не хотелось.

-Но сейчас ты будешь выступать не просто перед родителями своих одноклассников.

~~А я все делаю не ради него. Ради мамы...~~ ее голос дрогнул. Быстро глянул на девушку, она не стала отводить глаза в сторону, поэтому увидел слезы. –Тебе не интересно узнать, что произошло в единственный его приезд между нами?

-Ну да, я заметил, что после того первого и последнего визита он ограничивается только звонками, присылая вместо себя твоих братьев для проверки. Даже на твоё день рождение не соизволил

заявиться.

-Он разозлился, что я этот концерт посвящаю маме.

-А нужно было ему?

-Да нет, папа не любит внимание к своей персоне! Просто у него особое отношение к маме... Ее убили. Вернее, пришли убивать папу, но она прикрыла его собою.

-Ты хочешь об этом поговорить?

-Да, я хочу поговорить о ней! Ты не против? – ее голубые глаза смотрели с такой надеждой, что я и так готов был всю ночь слушать любой треп, если она сама того хочет. Мы, как нашкодившие дети, на цыпочках зашли в квартиру. Мисс Парк действительно спала. Я из холодильника достал сырную тарелку, фрукты, Анна схватила бутылку игристого вина и бокалы, вызвав этим у меня удивление. Похоже мы сегодня будем откровенно разговаривать. Алкоголь развязывает язык.

-Суши уже не будем заказывать? – мы расположились на полу. Я позволил себе такую вольность, как стянуть галстук и расстегнуть три пуговицы на рубашке.

-Нет. Потом, в другой раз! – мне протянули бутылку. Максимально бесшумно ее открыл, разлил вино по бокалам. – За нас! – выпалила Анна и не дала мне время осмыслить сказанное, чокнулась. Я слегка пригубил напиток, наблюдая за девушкой.

-Рина – это Арина. Я просто убрала первую букву. Я выпытала у братьев все, что они помнили о маме. У меня был даже порыв перекраситься в блондинку, чтобы полностью ею стать, Азамат сказал, что тогда нужно сразу и пластику делать, ибо я похожа на папу, а не на маму. Так что идея быть блондинкой отпала. Ахмет больше всех помнил маму, он самый старший. И я ему дико завидую, потому что, когда он рассказывал, его глаза были подернуты грустной дымкой радости. Он ее помнил, ее смех, ее улыбку, ее любовь к ним всем.

-Твоя мама не мать братьев?

-Нет. У папы была жена. Она погибла с его личным помощником в автокатастрофе. После этой трагедии мы все переехали в Дубай к дедушке!

-Так вы не из Эмиратов?

-Нет. Мы из России. Забавно знать, что ты родился в другой стране и не помнить о ней ничего.

-Ты говоришь по-русски?

-Да. Дома, когда мы одни, разговариваем на русском. Так хотел папа. А папины приказы не обсуждаются. Поэтому мы вынужденные полиглоты. Ты тоже полиглот?

-Я знаю только испанский и английский. Русский мне бы и в голову не пришло учить.

Мы некоторое время пили вино, ели и смотрели перед собою. Я прислушивался к ее дыханию и млея, что она рядом. Черт! Черт! Как же хотелось все переиграть и в первый день нашего знакомства быть обыкновенными парнем и девушкой. Без всяких пап. Ни ее, ни моего.

-Мне кажется он до сих пор ее любит! – Анна задумчиво крутила виноградину в руках.

-Возможно... И видимо это действительно была настоящая любовь, раз он так остро реагирует на любое упоминание о твоей матери. Наверное, каждую неделю ходит на кладбище с букетами роз и плачет в своем сердце.

-Он не ходит на кладбище. Он кремировал ее, сказав, что не хотел, чтобы на этой земле было место, которое его бы привязало. Мне кажется, что таким образом он ее отпустил, в жизни, по его словам, они постоянно то сходились, то расходились.

-Сильный мужчина! – пробормотал себе под нос. Каюм сундук с сюрпризами. Вроде не должен удивлять, а удивляет. Кто бы мог подумать, что в его черном сердце живет любовь к умершей женщине до сих пор. Ведь никогда он не жалел своих жертв и никогда не отводил глаза в сторону, когда кого-то убивал. Лично не видел, но слышан был.

-Я хочу, чтобы он ее отпустил в своем сердце. Тогда возможно, наконец-то, Бог или Аллах подарит ему любимого человека.

-Ты думаешь, он ему нужен, этот любимый человек? – моя ирония заставила Анну вскинуть на меня глаза и нахмуриться. Сердце дрогнуло, кажется я не то сказал, вызвав на милом личике

недовольство.

-Каждому человеку нужен любимый даже после глубокого разочарования. Без любви нет смысла жить! – мы посмотрели друг другу в глаза и все потеряло смысл. То притяжение первой встречи вновь вспыхнуло между нами.

Я потянулся в ее сторону, не осознанно, не контролируемо, задвигая визг разума в самый дальний угол. Анна застопорилась, но робко двинулась навстречу. И вот ее дыхание на моих губах. В ее глазах плескается страх, неуверенность, сомнение и желание этого поцелуя. Просто прикоснулся губами к ее губам. Просто. Даже не пошевелился, не прошелся языком по уголкам. Я боялся сделать лишнее движение, боялся сделать что-то не так, отчего потом будет больно, стыдно и горько.

Анна сама провела языком по губам, кладя свои руки мне на плечи, сжимая рубашку в кулаки. Первый порыв был схватить ее, прижать к себе и алчно завладеть ее вкусным ртом, но каким-то двадцать пятым чувством понимал, что такое поведение оттолкнет ее от меня. Поэтому осторожно пробовал ее губы на вкус, то верхнюю, то нижнюю, слегка втягивая в себя и тут же отпуская. Она повторяла за мною, пожар в области паха разгорался не шуточный, воздержание сказывается, но я знал, что секса между нами не будет. Жить хотелось больше, чем утолять свою похоть.

Жить хотелось, но целовать ее более глубоко, касаться ладонями ее кожи и прижимать к себе было сильнее. Моя ладонь нежно коснулась обнаженной шеи, поглаживая кожу, спускаясь к ключнице, пробегаясь по гладкости ткани ее платья вниз. Поцелуй уже по инициативе Анны перешел в более глубокое знакомство, теперь языки то сталкивались, то переплетались, то нахально без приглашения вторгались в рот партнера. Я сходил с ума. От поцелуя. От ее запаха. От жгучего желания.

Девушка прижалась ко мне теснее, усаживаясь ко мне на бедра. Я застонал в ее губы, когда ее попка поерзала в области ширинки. Позволил себе коснуться ее груди, поглаживая упругие полушария сквозь плотную ткань платья, еле ощущая, как через весь слой одежды и бюстгальтера заостряются ее соски. Какие они на вид? Какие на вкус? Какая она на вкус между бедер? Эти мысли были запретны. Они только распаляли, но инстинкты в этот момент были сильнее здравого смысла.

Придерживая девушку за спину, уложил ее на пушистый ковер возле кровати. Не прерывая поцелуя, устроился между ее ног, слегка задрал подол длинного платья. Гореть мне в аду, но оторваться от сладко стонущей Анны было нереально. Мы целовались, как пустыnnики пили воду в оазисе. Наши руки блуждали по телу поверх одежды, досадливо вздыхали, что на большее ни я, ни она не отважимся. Это было помешательством. Возбуждение требовало хоть какого-то выхода, а не только нарастания. Еще выше подол платья, пальцы коснулись кружева трусиков. И я задохнулся в собственном восторге, непроизвольно двинув бедрами. Анна на секунду замерла, словно прислушивалась к себе, искала реакцию. Едва не зарычал от ее замешательства, хотя понимал, для нее это первый раз, когда касаются мужские руку. И целовалась она так, как я, повторяла за мною. Ее неопытность и готовность повторять, учиться дурманила до невозможности. Сжал ее бедра, лаская языком губы, начал двигаться так, словно был внутри нее, словно между нами не было ее платья, моих брюк и рубашки. Трение ткани, ее встречные движения, наше возбуждение – все слилось в единый комок, который взорвался в один момент так, что я подумал о том, что петтинг не хуже прямого секса. Искры из глаз летели на сто баллов.

Я посмотрел на Анну и вздрогнул. Она плакала. Черт! Время самому искать веревку и самостоятельно вешаться, прежде чем Каюм найдет меня и покарает за слезы дочери, за то, что ослушался его приказа, сотрет меня в порошок и пустит по ветру.

-Анна! – заглянул ей в глаза, вытирая подушечками влагу под глазами. – Тебе больно? Неприятно? –голос дрожал, а она мотала головой, слезы текли и текли, выбивая у меня окончательно почву из-под ног. Я ничего не понимал.

-Все хорошо... Просто...просто я не знала, что так хорошо может быть от поцелуев и прикосновений!!! – она улыбнулась, а я шумно с облегчением выдохнул.

-Ну откуда ж ты могла знать, моя Шахерезада! – ласково провел пальцем по ее носу, замечая странный серьезный все еще влажный взгляд. Поцеловал ее в уголок губ, прижал к себе и блаженно улыбнулся. Моя девочка. Моя...

Анна

Губы горели. Каждый раз, когда я смотрела на Мигеля, а он на меня. Горели потому что с той самой ночи мы целовались без устали. Каждую укромную минуту, каждую секунду, если рядом никого не было. Эта игра- спрятаться ото всех, скрыть наши чувства от посторонних очень щекотала нервы. Мы всего лишь целовались, но хотелось большего...очень хотелось, отталкивали друг друга, когда чувствовали, что достигали черты, в моих и его глазах было разочарование.

Я отталкивала потому, что боялась призрака прошлого, боялась, что в самый интимный момент оттолкну Мигеля и убегу. Ричард и после смерти владел мною. Почему Мигель отталкивал, могла только догадываться, но кажется без папы тут не обошлось. Его тоже можно было понять...

После долгих репетиций, концерт был запланирован на осень, времени оставалось вроде много, но так ничтожно мало, я с Мигелем вышла из концертного зала. Была пятница. Был дождь. Был поздний вечер.

-Куда поедем? Хочу напиться! – я смотрела на смеющегося Мигеля и мне хотелось кинуться к нему на шею, ощутить тепло его рук на талии и купаться в этой ласке и нежности. Его трепетное отношение ко мне словно бальзам после всего того, что сделал Ричард. И мне было сложно поверить в реальность его чувств ко мне. Я ждала удара, а его все не было.

-И чего хочешь? – Мигель всегда старался выбирать места малолюдные, где нас могли не узнать, где мы могли без оглядки переплестать наши пальцы, легонько целовать то нос, то глаз, то щеку, лоб, глупо улыбаться и млеть от счастья.

-Пиццу и пиво! – сегодня на мне был как раз подходящий наряд: редкие джинсы и рубашка. Мигель теперь не особо соблюдал дресс-код, по обстоятельствам, поэтому так же был в джинсах и футболке.

-О, это просто простого, мы можем все это взять с собою и поехать загород!

Сказано, сделано. Через два часа мы ехали куда-то, толком не зная куда. В итоге приехали в небольшой городок. Включили музыку из магнитолы. Я позволила себе вольность, как снять кеды и вытянуть ноги на приборную поверхность.

С Мигелем было и молчать хорошо. Поэтому мы просто ели сырную

пиццу и пили безалкогольное пиво. Я украдкой его рассматривала. Он был красивым. И если бы не серьезность в глазах, многие ложились штабелями, но карие глаза подсказывали, что шутить он не умеет, а жизнь многому научила.

-Ты всегда жил в Испании?

-Да.

-А братья-сестры есть?

~~У меня брат и сестра. Я самый младший...~~ Мигель задумался на время, словно размышлял над дальнейшими словами. –Мы будем честны друг перед другом? – что-то в его голосе заставило меня напрячься и поставить в сторону банку из-под пива. Заметив это движение, Мигель тоже все поставил в сторону и положил руки на руль.

-Мой отец был до определенного момента обычных бизнесменом, владеющим несколькими отелями на побережье Испании. Доход был, не миллионы в месяц, но бедными мы себя не считали. Потом кто-то ему предложил приторговывать наркотиками среди постояльцев. Старший брат плотно занялся этой сфере, пристрастился сам. Какое-то время всех все устраивало. Меня в возрасте семи лет отдали одному человеку, который научил меня всеми тонкостями восточных единоборств. В шестнадцать я выступал на закрытых боях, где ставки были деньги и жизнь. Однажды я встретил Аманду...- Мигель замолчал, сжав руль, а мне было как-то неприятно слышать про другую женщину, судя по выражению лица, ему до сих пор было больно о ней думать. – Ради нее я втянулся в бизнес отца. Мне было двадцать. Три года я все делал для нее, потом неудачный сбыт, потеря денег и товара, сестру превратили за долги в элитную проститутку, брата убили, а меня, как собаку выпускали на ринг. А Аманда вильнула хвостом, сказав, что без денег я ей не интересен и ушла к человеку, которому отец был должен.

-В итоге ты отработал долги?

-Нет. Я просто сбежал. Сменил город, сменил фамилию, затерялся среди обыкновенных людей. Встретил тебя. Потом твоего отца. Он предложил мне поработать на него и помощь в решении моих проблем.

Кажется, я почувствовала вкус горечи во рту от правды, которая еще не прозвучала, но вот-вот будет озвучена. Отвернулась к окну,

пытаясь рассмотреть что-то в темноте. Теплые ладони легли мне на плечи, слегка сжали.

-Я не жалею. Я рад, что мне хватило здравого смысла согласиться... ведь только так я смог тебя узнать... – его дыхание шевелило волосы на шеи, горячие губы коснулись кожи, слегка лизнул, вызвав толпу взбесившихся мурашек. Я судорожно вздохнула, сжимая руки, пряча их между коленками. Паника медленно подбиралась ко мне, когда Мигель стал целовать мою шею, скользя руками по плечам, по спине.

Анна... шепот куда-то в область уха, тяжелое дыхание, легкий засос между шеей и плечом. И я застонала. Мне было всего мало. Я уже не боялась. Мигель не Ричард и не будет принуждать, не будет насиловать, не будет делать из меня сексуальную рабыню.

Развернулась и жадно впилась в губы со вкусом пива, притягивая Мигеля к себе. Хотя кажется это он меня притянул к себе. Поцелуй пожирающий, на грани фолла, на грани боли, когда желания одного уже мало. Руки хаотично ласкали грудь Мигеля, опускаясь вниз, чтобы нырнуть под футболку. Я бесстыдно стонала ему в губы, кусала, сосала. Я чувствовала себя развратной женщиной только от одних его прикосновений, которые меня будили, которые меня раскрепощали, которые мне дарили многое того, что и обозначить не в силах.

Мигель... прошептала ему в губы, вздрагивая от каждого его движения рук поверх рубашки, когда едва коснулся груди и тут же поспешил сместиться на талию. – Пожалуйста... – схватила его ладони и положила на уже тоскующие груди по ласке. Его пальцы слегка сжались. Застонала ему в рот, торопливо меняя положение.

-Шшш... Анна, нет... – еще один глубокий поцелуй и Мигель меня отстранил от себя, но я схватила его за края футболки и припала губами к жилке на шее, которая судорожно билась. – Анна... нет... Нет... Твой папа меня убьет! – в голосе было столько тоски, боли от невозможности идти на поводу своих желаний, я усмехнулась, медленно расстегивая каждую пуговицу на рубашке. Под ней был только бюстгальтер. Черные глаза совсем стали черными, когда я стянула с себя рубашку и перелезла к нему на колени, вынуждая его отодвинуть кресло.

-А кто сказал, что папа узнает? – проложила влажную дорожку от уха к губам, призывно улыбаясь, не веря, что это я. Но мне хотелось с

ним быть порочной. Мне хотелось доставить ему удовольствие. Просто хотелось. Мигель перехватил мои руки и покачал головой. Разум говорил одно, а тело другое.

-Даже если бы я повелся, это точно должно произойти не в машине! Ты достойна лучшего, красивой обстановки, неторопливой ласки, нежности... Анна, я хочу тебя. Я сплю и вижу, как ты становишь моей, но... когда твой папа предупреждает, то лучше прислушаться к этому предупреждению. Если он узнает, что я лишил тебя девственности, разорвет меня на мелкие куски!!!

Выдернула руки, поискала рубашку и натянула ее на плечи. Шмыгнула носом, пряча от Мигеля глаза, судорожно вздыхая. Вернулась на свое место, надела кеды и вышла из машины.

-Анна! – Мигель вылез следом. Я обняла себя за плечи, смотря в темноту. Прошлый кошмар требовал, чтобы о нем рассказали. Все. Даже то, что никто не знал.

-Я была замужем... – его шаги замерли, был рядом, но чувствовала, как отдалялся с каждым моим словом. – Ты просил быть честной. Так вот, – повернулась к Мигелю, чтобы видеть, как дорогие тебе глаза смотрят с брезгливостью, как желанные губы кривятся в презрении. – На свое восемнадцатилетие я познакомилась с Ричардом Стоуном. Я повелась на его внешность, на его внимание, для меня это было в новинку, перед этим вырвав у папы обещание дать мне сделать один самостоятельный шаг. Он дал, о чем до сих пор жалеет и проклинает свою уступчивость. Ричард напоил меня наркотиками и женился в этот же день, в этот же день изнасиловал, а потом со мною, как с трофеем явился к отцу. Ричард трахал меня каждый день, в разных позах, наверное, половины и в Камасутре нет, об остальном не то, что говорить не хочется, думать не хочется, что он творил со мною. Он делал из меня безвольную сексуальную рабыню с помощью наркотиков... – Мигель хмурился, покусывал губу. Я должна была рассказать до конца. Я понимала, что после этого признания, он вряд ли нарушит папино указание в этой жизни. – Папа уничтожил его компанию. Его семью. Его самого. От семьи Стоунов ничего не осталось. Только память, у кого светлая, у кого мрачная...Все! – шмыгнула носом, размазала по лицу слезы, кутаясь в рубашку. Стало холодно. Безумно холодно. Смотреть на Мигеля было больно, тем более он молчал, отвернулась и прошла несколько шагов прежде чем меня схватили за руку и развернули лицом.

-Сейчас ты в здравом уме? Без наркотиков? Без алкоголя? На утро ты меня не обвинишь в том, что изнасиловал? – он говорил серьезно, а я сначала неуверенно улыбалась, потом осозная его шаг, вновь шмыгнула носом и прильнула к его груди, заглядывая в темные, как ночь глаза.

-Нет...с тобою я осознаю, что делаю, чего хочу...

-И чего ты хочешь?

-Тебя!!! – выдохнула. Мигель сжал меня в объятиях, подхватил под попу, понес к машине только на задние сиденья. Нежность? Нет, не слышали. Неторопливость? Где-то потерялась.

С меня стянули джинсы, вместе с трусиками. В сторону летели его футболка моя рубашка с лифчиком. Я думала испугаюсь этого напора, но почему-то напор был такой ласковый, торопливость порой замирала на секунду и растягивалась. Наши руки перебивали друг друга, губы жадно, эгоистично вонзались в плоть партнера. Я извивалась под Мигелем, ощущая, как внизу становится влажно, жарко и томительно. Боже, неужели секс может быть таким желанным??? Я хотела. Я четко понимала, что хотела, чтобы Мигель оказался во мне, чтобы двигался во мне, сжимая пальцами мои бедра. Пусть до боли. Пусть до крика. Но я его хотела всеми клеточками своего влажного тела. Я толком не давала ему меня расцеловать, заласкать, я бедрами терлась об его ширинку, которая вот-вот треснет.

-У меня нет презерватива, поэтому будет смазано! – прохрипел Мигель, расстегивая свои джинсы, слегка их припуская. Что? Презерватив? О чем он вообще думает!!! Не дам ему уйти от меня! И пока он медленно пристраивался у меня между ног, я чуть от досады не взвыла, дернулась ему навстречу и вскрикнула от боли, впиваясь ногтями ему в плечи. Слишком узко. Слишком тесно. Или он слишком большой для меня.

-Анна? – заглядывал в мои глаза, что-то искал, поцеловал каждое веко и осторожно пошевелился. – Расслабься! Доверься мне, я не причиню тебе боли.

Да...Верю... медленно двинулась в его сторону, обнимая за шею. Мигель закинул мою ногу себе на талию, придерживая ее одной рукой, неторопливо входил и выходил, целуя мои губы между короткими передышками. Поняв, что того бешеного, нервного

темпа, от которого я теряла сознание не будет, расслабилась и попыталась по волнам нашего общего желания. Я слышала, как учащенно дышал Мигель, как срывались с моих губ стоны, как хлюпали наши тела, как со свистом мы выдыхали воздух. Я чувствовала, как комок чувственности напрягался, как от этого напряжения почти физически было больно и хотелось облегчения, хотелось чего-то такого... Взрыва. Крика.

-Анна... я не могу...все...надо остановиться... – его голос прерывался, я его слышала словно издалека. Отрицательно замотала головой. Нет! Это меня убьет! Обвила ногами его талию, приподнимая бедра для тесного контакта, Мигель что-то шипел сквозь зубы, пытался еще вырваться, но против меня можно было действовать только силой. Он молчаливо согласился с моим решением, подхватил мои бедра и стал более жестче, быстро двигаться во мне. Комок заискрился от напряжения, и я кричала, царапая Мигелю спину своими ногтями. Но было плевать. Было все равно. Было просто невыносимо хорошо. Он рвано застонал, дернулся и застыл, целуя мою шею мелкими поцелуями.

Сколько счастье длится по времени? Век? Год? Час? Минуту? Я не знала и знать не хотела. Я опять плакала, только в этот раз Мигель не спрашивал причину, а просто слизывал мои слезы, целовал губы и опять ловил слезинки. Я смотрела на его лицо, хотела самой целовать его глаза, его губы, щеки, но сил не было. Я просто могла дышать ему в губы своим дыханием, которое наполнено было любовью.

-Если у нас родятся дети, они обязательно будут иметь твои черные ресницы! – коснулась все-таки его глаз, нежно провела пальцем под глазами, Мигель поймал мой палец ртом и облизал.

-Если у нас будут дети, они обязательно будут такими же красивыми, как их мама! – от этих слов в груди стало совсем тепло и уютно. Кажется, не было более прекрасного места, чем машина где-то в пригороде Нью-Йорка, нужные объятия самого чудесного мужчины, которого Судьба мне подарила.

-Мигель... – Он обнимал меня сзади, успев уже вытащить тонкий плед, в который заботливо укутал, целовал висок. –Я люблю тебя...

-Я знаю малыш...знаю... – еще один поцелуй и тяжелый вздох. Я знала, о чем он думал. Я об этом старалась не задумываться, но чем сильнее Мигель меня сжимал в своих руках, тем страшнее

становилось самой...Сможет ли папа простить предателей??? «Я предателей не прощаю, я их уничтожаю и не посмотрю кто кем мне приходится» – не раз любил папа повторять, подкрепляя свои слова пронзительным холодным взглядом, от которого мурашки по коже бегают.

12 глава

Сайд

Письма с предложениями. Письма с просьбами. Письма с благодарностями. Все в разные папки, кое-что я просмотрел сразу, кое-что решил посмотреть потом. Я чувствовал на себе внимательный, пристальный взгляд Азамата. Али отвернулся к окну и равнодушно скользил взглядом по пейзажу Нью-Йорка. Аман с кем-то переписывался в своем телефоне и глупо улыбался. Наверное, амурные дела, глаза сияли слишком подозрительно. Заметка в ежедневнике- изучить окружение младшего сына.

-Ты будешь перед концертом заходить? – не выдержал Азамат. В машине сразу стало слишком напряженно. Закрыв все приложения и поднял глаза на сына.

~~Нет. Зачем ее нервировать. Зайду после. Как раз будет понятно провал или триумф.~~

-Она в курсе, что ты будешь? – Азамат пытался залезть в душу и злился, что не получалось.

-По-моему, это даже не обсуждается.

-Это как посмотреть! Ты больше полугода игнорируешь ее, только звонишь и изучаешь отчеты от своих ищек.

-Она знает, почему у меня не было желания с нею видаться. Точка. И больше данную тему я не собираюсь обсуждать с кем-либо. Мои разногласия с дочерью, они сугубо мои и третьих лиц не касаются!!! – рявкнул я, раздражаясь до предела. Все трое обиделись. Каждый по-своему. Ведь в течение этого времени, как я перестал видаться с Анной, они втроем пытались понять, что же случилось, пытались случайно нас столкнуть. Увы, я эту «случайность» сразу предвидел и потом выносил им мозг, чтобы не вмешивались в мои дела.

Единственный кто был в стороне – Ахмет. Сейчас он уже был со своей семьей и младшим принцем, черт побрал последнего, в концертном зале.

Отчеты моей службы безопасности и Фернандеса всегда были на моем столе. Я знал о каждом шаге своей дочери. Я так же знал о ее успехах и провалах. Я был в курсе о том, что о ней говорили и какие были прогнозы на первый сольный концерт. Я скучал по ней, но я не мог ей простить то, что сокрыто в моей душе, она вынесла на публику. Она взяла псевдомин от имени Арины. Она подбирала себе такие песни, слушая каждую, душа выворачивалась наизнанку, и раны начинали обильно кровоточить, обессиливая меня от душевной кровопотери. После этой музыки я напивался вдрызг. Я уходил к воде и нырял бесконечно раз, в попытке достичь этого чертового дна, а меня какая-то сила выталкивала на поверхность. Я злился. Не время...еще не время было идти к Арине и Аише. И эта мысль настолько меня выводила из себя, что подчиненные шарахались в разные стороны, заведя издали мой силуэт, а партнеры теневого бизнеса предпочли идти на уступки, дабы не провоцировать. А я так ждал, что на ком-то сорвусь. В итоге приходилось все выплескивать на боксерскую грушу.

Анна расковыряла мои раны. Боль в груди была и физической, и душевной. Я не знал, чего мне ждать от этого концерта. Но то что я из него выйду опустошенный, не сомневался. Арина бы гордилась дочерью, та умела вытаскивать из меня всех моих хромых демонов и утихшего зверя.

Машина остановилась возле запасных выходов. Охрана проверила окрестности, дан отчет. Вышел Али, Азамат. Аман что-то хотел сказать, но передумал и тоже поспешил вылезти из машины. Две минуты я позволил себе остаться наедине со своими мыслями. Чтобы я сегодня не увидел, не услышал, приму. Анна моя дочь, дочь Арины. И мне было даже жаль, что моя блондинка не видит, какая у нас чудесная дочь. Может быть где-то выше неба смотрит на нас и улыбается. Потеребил кулон, пытаюсь унять сердцебиение. Никогда так сильно не волновался. И о моем волнении никто не догадался, лицо оставалось бесстрастным, серьезным.

Администратор вежливо прокладывал с охраной нам дорогу сквозь толпу поклонников, которые еще не успели занять свои места. Вот дверь в vip-зоны, где были только избранные, были близкие люди. Поздоровался с принцем, обменялись шуточками по поводу Нью-Йорка, что он слишком угрюм по сравнению с нашим солнечным Дубаем, обнял Хабибу, жену Ахмета, поцеловал ее привычным поцелуем в лоб, сказав пару ласковых слов. Она скромно опустила

свои глаза. Приобнял Ахмета, перебросились незначительными фразами. Были еще формальные родственники. Друзья семьи, партнеры, которым всего лишь интересно заглянуть в мою частную жизнь, всем приходилось пожимать руки, обнимать, говорить формальные фразы, всем нужно было минутное мое внимание.

Зал загудел. Зал выкрикивал: «Рина». А я от каждого звука этого имени слегка вздрагивал. Зал поглотила тьма. Зажглись софиты, слепя глаза. На заднем фоне на больших экранах крутили картинки восточных пейзажей. Первые аккорды живой музыки заставил восторженно взреветь толпу. Я даже опешил от такого приема. И вот на сцену выбежала моя девочка... в каком-то белом платье. Задорный танец, зажигательная мелодия взбудрила публику. А я видел перед собою Арину. Я видел, как она там кружилась, подпрыгивала, выгибалась и извивалась. Почти весь концерт снисходительно улыбался. Программа была достойная, костюмы всех участников очень впечатляли, элегантно, сдержанно и без пошлостей. Принц шепнул мне, что такой концерт можно и в Эмиратах пропустить. Я сообщил, что подумаю.

Последний концертный блок. Настроение было хорошим. Анна оправдала мое доверие, выложила на полную программу. Глаза моей девочки сияли ярче бриллиантов.

-Этот блок не требует много слов. Их не нужно... Ведь каждый знает слово мама... – музыка заставила меня встать со своего места, подойти к перилам и вцепиться в поручни. На большем экране была Арина.

Арина бежала по пляжу и оглядывалась через плечо, улыбаясь только мне. Вот ветер растрепал ее волосы, она со смехом убирает пряди с лица и кружится.

Арина стоит на носу яхты, смотрит куда-то вперед, на горизонт.

Арина стоит в холле роддома и улыбается. Вот рядом с ней я.

Арина дома с Анной возле окна.

Арина... Арина... Арина... Ее было слишком много. Я задыхался от боли. Я не чувствовал слез, которые катились по щекам. Я не видел, как камера выхватывала мое лицо и показывала крупным планом. Потом эти кадры вырежут, и они будут только в домашнем архиве. Я чувствовал, как все закрытое во мне вырывалось наружу, требовало свободы. Я не хотел отпускать свою боль, но чувствовал, что пришло

время сказать Арине: «До свидания». Придет время мы обязательно будем вместе, не в этой жизни, в следующей или через века, но мы будем вместе. А сейчас через дочь она просила меня жить. Любить.

-Папа! – Анна кинулась мне на шею, едва только вошел во гримерку. Цветы были забыты. –Я так рада, что ты приехал!!! Это было невероятно! Это было просто взрыв мозга!!! Я сделала это! Спасибо тебе, что позволил этому дню случиться!!! – дочь отстранилась и заглянула в глаза. Некоторое время мы смотрели друг на друга не мигая. –Я думаю, что она хотела бы, чтобы ты жил, а не существовал.

-Я живу Аня, живу. Как умею. Но не стоило лезть мне в душу, я это жутко не люблю! Концерт хороший, но этот блок либо замени, либо вообще убери!

-Но папа!

-Я все сказал! Это слишком личное, чтобы выставлять публично. Я понял посыл, принял, но на этом все, не хочу, чтобы другие смотрели на мои скелеты в шкафу!

-Это не только твои скелеты!

-Нет, Аня, это мои скелеты и только мои! Там ничего твоего нет. Я не буду спрашивать откуда эти видео, фотографии, просто не хочу теревить свои нервы. Я достаточно много сделал для тебя, чтобы ты могла удовлетворить мою маленькую прихоть! Поняла?

-Да! – радость была подпорчена мною. Это было видно по кривой улыбке, по опущенным уголкам губ, недовольным глазам.

-Анна! – этот голос заставил меня напрячься и моментально активизировать все свои чувства, интуицию. Анна вспыхнула, как девочка, забыв про меня, радостно сверкнула глазами и улыбнулась так, что терялось дыхание. Не у меня. Резко обернулся и прищурился. Фернандес. Твою дивизию! Он дернулся было в сторону Анны, словно хотел защитить, но сдержался, только выдержанно улыбнулся мне. Догадка медленно озаряла мое сознание. Дебилем не был, поэтому и быстрые взгляды, и еле сдерживаемые улыбки, нервное теревление пальцев – все заметил. Даже пламя, которое существует между любовниками, тоже заметил, импульсы между ними были почти осязаемые. Тяжелая цепь, которая была на шее моего зверя, который уже смирился с тем, что ему придется остатки жизни быть домашним питомцем, громынула внутри. Стиснул руки в карманах, чтобы не схватить Анну за волосы и не начать выбивать из нее

дурь...хотя, какая дурь. Сейчас она осознанно связалась с человеком, за моей спиной, тайком, как воришка жизни, предав мое к ней доверие. А Фернандес каков...сукин сын. Ну этого я еще заставлю на углях собственного костра станцевать.

В примерку ввалились все братья. Возникшая пауза была прервана, я любезно натянул улыбку, слушая восторженные речи всех Каюмов, которые перебивали друг друга. Но мне по сути было плевать, о чем они говорили, я в упор смотрел на испанца, а он на меня. По глазам понял, что тот обо всем догадался, поэтому с тоской стал смотреть на Анну. Считает свои дни. Али перехватил наши переглядывания, нахмурился, но даже я не понял, о чем он задумался, кивая для видимости головой.

-Пап! – возле машины нагнал Али. – Что ты будешь делать с Фернандесом?

Я задумчиво смотрел, как водитель услужливо открыл дверку. Рассказывать о своих мыслях, планах с сыном в отношении испанца не собирался. Это будет моя игра, зверь почуял свою жертву и делиться не собирался.

-А что я должен с ним сделать? – изобразил удивленного, Али замер и пытался видимо понять, играю я или за правду удивляюсь. –Он отлично справляется со своими обязанностями! – по всем фронтам, хотя предупреждал ведь...почему Анне попадают такие тугодумы? Почему не доходит с первого слова?

-Ты в отель?

-Да. Устал, но нужно еще поработать. Контракт с японцами никто не отменял. Рекомендую тебе тоже перед сном почитать документы. Для развития.

-Хорошо, папа, почитаю! Доброй ночи!

-И тебе доброй ночи! – улыбнулся и нырнул в салон машины, сразу же убирая с лица доброжелательное выражение. Достал свой планшет, потребовал у своего начальника всю съемку с квартиры Анны. Камеры были поставлены выборочно, больше для безопасности, чем для слежки личной жизни, теперь я жалел, что не установил их всюду. И на машине в том числе. Маячок, отслеживающий местоположение, не считается. Я не мог знать, что происходит в самом автомобиле.

-Аид! Не разбудил?

-Для тебя, друг мой, я никогда не сплю.

-Я с вопросом.

-Если знаю ответ, отвечу.

-Мне нужен человек, который прежде чем уничтожит, хорошенько вытрясет душу в Нью-Йорке!

-Как когда-то с Фаридом?

-Только в этот раз наверняка. Без шанса. И без шумихи. Был человек и не стало его. Пропал.

-Я скину тебе данные.

-Благодарю.

-Всегда рад помочь старым друзьям!

На часах было четыре утра. Город реально спал. Поэтому я удовольствием быстро сам доехал до квартиры Анны. Ключ у меня был, поэтому мне никого не пришлось будить своим ранним звонком.

Осторожно, почти как Али, бесшумно вошел в квартиру. По видео я уже ориентировался в планировке, поэтому не блуждал, как слепой котенок. Замер на секунду перед дверью в комнату Анны.

Теоретически я знал, что там увижу, но все равно, открыв дверь, был неприятно удивлен. Они спали вместе. Я бы закрыл глаза на факт совместного сна, если бы оба были одеты. Однако картина перед глазами говорила мне о том, что перед тем как уснуть, кровать перенесла сексуальный марафон. Использованный презерватив на полу указывал, что мозги все же были, не слепая похоть ими овладела. Но все равно...Бешенство завладело всем телом. Меня аж потряхивало от эмоций. Хотелось вытащить из-за спины свой пистолет и пристрелить. Обоих. И было плевать, что там моя единственная дочь. Можно при желании и новую создать, желающих на роль матери наследницы Каюма будет достаточно, дай только слух. Еще придется конкурс устраивать. Оскалился, рассматривая обнаженную Анну. Она сама себе подписала приговор. Ее увезут в горы. С Фернандесом тоже разберутся. Их просто не станет. Был человек и не стало его. Так просто решить чью-то судьбу.

Мигель (06.08.2018)

Плохое предчувствие сосало под ложечкой. Я редко ошибался в своих ощущениях. И сейчас не мог просто так выпустить Анну из рук. Она смеялась, но поддавалась моим поцелуям, ласкам, моему напору. А я пытался запомнить ее. Он узнал... Я бы sluкавил, сказав, что испугался, что хотел бы повернуть время вспять и не поддаваться эмоциям. Я готов вновь и вновь переживать то блаженное чувство счастья, любви, даже зная, что за все придется платить. Каюм не умеет прощать. Мне было все равно, что он сделает со мною, я переживал, что он придумает для дочери. Будет наивно полагать, что для Анны все пройдет мимо. Не тот он человек. Он будет казнить всех, даже самых любимых и родных. Такая у него политика и ни разу он от нее не отступал. Правда и детей никогда и не было в кругу предателей. Поэтому в груди теплилась маленькая надежда, что свою любимую девочку он не тронет. Ведь любит же... Это было видно по глазам. Он продолжал ее любить. Ведь совсем черствые и бездушные люди не умеют плакать, в черной душе нет места сентиментальным чувствам, а в его глазах были слезы, когда Анна пела последний блок. Весь зал видел эту влагу. Он не простит самому себе эту слабость, но этот эпизод показал, что Саид человек все же... пусть и с большими проблемами в голове.

-О чем ты все утро думаешь? – мы сидели на кухне. На мне черные брюки белая рубашка, дресс-код для папы, хотя понимал, что ему плевать в чем я одет. Взял Анну за руку и поцеловал. Она напряглась, хотела выдернуть, но не стала ничего делать, лишь улыбнулась и потянулась ко мне с поцелуем. Камеры? Плевать. Мисс Парк? Плевать. На все плевать, когда она рядом и пахнет карамелью.

Я думаю о тебе... О твоих губах... провел пальцем по губам. – О твоих глазах! – тут же поцеловал каждый глаз. – Я люблю тебя, Анна! Чтобы сегодня ни случилось, знай об этом!

-Ты так говоришь, словно мы последний раз сидим вместе!!! – малышка рассмеялась, откидывая на спину свои волосы. Она чудесна! В светло-синей рубашке в тонкую полоску, свободные брюки песочного цвета и босиком. Я умилялся этим голым ступням.

-Я просто хочу, чтобы ты знала о моей любви!

-Мигель! Твои глаза беспокоятся! Что случилось? Ты боишься, что

после концерта я вильну хвостиком и найду себе более успешного парня, чем какого-то охранника? Глупый! – она вскочила на ноги, обежала барный островок и прильнула ко мне. – Мне нужен только ты! – ее губы осторожно прильнули к моим губам. Может случится чудо и пронесет? И вместо похоронного марша прозвучит свадебный вальс???

-Всем привет! – на кухню стремительно вошел Азамат и застыл. Он шокировано смотрел на наши объятия, медленно скользнул глазами по лицу Анны, по моему лицу и сжал челюсть. – Руки убрал с моей сестры!!!

-Азамат! Все хорошо! – Анна кинула к брату, заслоняя меня собой от его горящих глаз. Семейка просто атас. Сын не хуже отца, готов сжигать дотла, все что не понравится глазу, даже не поинтересовавшись подробностями.

-Послушай Азамат! – я встал и подошел к ним, не нравилось, что меня защищает девушка, сам в состоянии постоять за себя. – Все серьезно! Я люблю твою сестру! – взял Анну за плечи и притянул к себе. Ее брат опешил, но не настолько чтобы тут же радостно воскликнуть криком африканских туземцев.

-Если вы думаете, что я благословлю, то не по тому адресу обратились! – его губы растянулись в злорадной улыбке. – Тот, кого вам нужно спрашивать сейчас находится внизу, я бы с удовольствием присоединился к разговору, но наказано стеречь сестру! Так что шуруй вниз, испанец! – его слова как пощечина, было дернулся в его сторону за ответом, но Анна сжала мои руки и не пустила. Выдохнул сквозь зубы, чувствуя, как ярость начинает меня охватывать. При желании можно в два щелчка отключить Азамата, но это словно распыляться на мелочь. Нужно было сосредоточиться на встрече с Саидом. Он знает о моих навыках, вряд ли будет безоружен и один.

-Я поговорю с папой сама!!! – Анна порывалась пойти вниз, я удерживал ее за локоть, понимая, что сейчас к Каюму ей лучше не соваться. Кто его знает, какие у него сейчас мысли в голове. Возможно мрачные, и мне придется его переубедить изменить приговор.

-Нет. Я должен сам! А ты просто жди! – не сдержался и нагнулся к ее губам, игнорируя взъяренного Азамата, который дышал чуть ли не в затылок. Злоба, которая была просто ощущаемая, как что-то

реальное, можно руками потрогать.

-Перед смертью не надышишься, Фернандес! Сколько бы ты не оттягивал время, ты знаешь свой конец! –тихо, без эмоционально и от этого слова прозвучали просто до ужаса страшно. Анна вздрогнула и ее глаза наполнились паникой. Она цеплялась за мои руки и не отпускала, молчаливо умоляя остаться, придумать что-нибудь, лишь бы слова были сказаны только для устрашения. Но кого мы хотели обмануть?

Что чувствует человек, приговоренный к смерти? О чем он думает? О чем жалеет?

Я спускался по лестнице несколько этажей, хотелось привести мысли в порядок, собраться и спокойно встретиться с глазами противника. Не вспоминать о последнем поцелуи. Не вспоминать последнюю ночь. Не вспоминать вкус ее губ. Не вспоминать запах ее волос... Но это будет последнее, о чем я подумаю перед тем, как из меня вытащат жизнь.

-Я уже подумал, что ты не спустишься! – Саид встретил меня с улыбкой, как старый друг, как будущий любимый тесть. Только вот глаза оставались в стороне этой иллюзии. –Кофе. Черный. Без сахара. Еще горячий! – протянул мне белый стакан с надписью: «Пусть этот день станет последний в этой жизни». Сглотнул. Кофе обжигал, под пристальным взглядом голубых глаз я его глотал почти не морщась. Не любил этот горьковатый напиток в чистом виде.

Саид жестом указал на машину, где не было ни охраны, ни водителя. Он сам сел за руль. Мне пришлось занять место пассажира спереди. Протянули белый конверт. Что это? Билет в загробную жизнь? Теперь и туда нужно покупать проездной?

На меня смотрела сначала красивая моя сестра с натянутой улыбкой. Потом уже была фотография, когда человек не открывает глаза. Был отец.

-Он живой?

-Хочешь будет мертвым, хочешь будет живой...с дефектами! – демонически улыбнулся, наблюдая, как я трясущими руками разворачиваю документ. Продажа всего имущества Фернандес. В связи долгами. Медленно вздохнул. Что там Анна говорила про мужа? Уничтожил всю его семью и его самого.

-Вы повторяетесь! – мое спокойствие стоило мне огромных сил, но это стоило того. Саид Каюм удивленно приподнял брови, склонил голову набок и потянулся в карманы за сигаретами. Хорошо, что не за стволом.

-Значит рассказала, – щелкнул зажигалкой и запахло никотином. – Признаться, удивлен. Думал, что не будет и вспоминать. Ну, а ты ей все рассказал? – черная бровь вопросительно изогнулась. Облизнул губы, рассматривая документ, но не разбирал букв. Поверх легла еще одна фотография. Аманда. С двумя мужикам. Было омерзительно. Я вскинул на Каюма глаза.

-Мои ребята попробовали ее упругую задницу. Говорят, что телочка очень даже ничего. И отсасывать умеет до звезд в глазах. Самое интересное, что по своей инициативе, добровольно. Даже как-то скучно и неинтересно. Ладно, слишком много разговоров! – завели машину. Я сложил фотографии и документ обратно в конверт.

-Вы меня убьете? –спросил прямо, глядя на профиль Каюма. Он усмехнулся, смотрел на дорогу.

-Конечно. Но сначала развлекусь как следует. Давно не разминал свои кулаки! – бросил на меня прищуренный хищный взгляд и сомневаться в его словах не приходилось.

-Что будет с Анной?

-Тебе действительно интересно? – я никак не мог понять смысл его улыбки. Вроде приветливая, вроде беспощадная, вроде маньячная. Да, скорее маньячная, нормальные люди улыбаются однозначно.

-Как только я скормлю тебя рыбкам, Анна уедет на Кавказ. Ты знаешь где это место? – Саид кинул на меня вопросительны взгляд.

-В России где-то.

-Да, в России, географию ты кое-как изучал! Так вот, она будет в одной из деревень среди гор, где телевизор считается большой роскошью, об интернете там только слышаны, единицы знают, как им пользоваться. Там из нее сделают истинную мусульманскую девушку, раз христианкой у нее хреново получается быть! Научат покорности, уважению, смирению. Как только вся дурь европейского воспитания будет выбита, я подберу для нее мужа. Конечно, подпорченный товар мало кому нужен, но думаю моя фамилия и солидное приданое закроют мужу глаза на то, что невеста уже не

девушка. Дальше все, как и положено в нашей вере: семья, дети, дом, очаг. Все будет так, как и должно быть изначально!

-Анна не сможет жить в таких рамках... Не сможет, это как поймать вольную птицу и посадит в клетку. Пусть в золотую, но это клетка. И рано или поздно она зачахнет!

-Умный? – со смешком посмотрел на меня Каюм. – Тебе так и хочется залезть в душу человеку и покопаться там. Но теперь моя очередь покопаться в тебе! – машина заехала на территорию подозрительного дома, сам район был подозрительным и опасным. Вышли. Я только сейчас обратил внимание, что вместо привычного мне костюма на Саиде были черные джинсы и темный джемпер. Я стоял на месте. Он обернулся.

-Предлагаю тебе добровольно пройти со мною, убежишь, все равно догоню, только вот тогда не буду любезничать.

Кивнул в понимании, посмотрел на небо. Оно было серым, нависало над городом. Словно придавливало. Жадно вдохнул и сделал первый шаг в сторону своего последнего места пребывания. Мы не спеша прошли во двор, Каюм направился за дом. Там был гараж, а в гараже подвал, куда и спустились. Оказывается, нас ждали. Мужчина обернулся, и я вздрогнул. Через все его лицо проходил уродливый шрам. Сам он стоял возле стола, где были разложены различные инструменты. Как у хирурга.

-Ты можешь сам снять рубашку либо дождаться момента, когда от нее останутся одни клочья! – Каюм стянул через голову джемпер, оставаясь в одной майке. На руках перекачивались мускулы. – Давай Фернандес, прояви характер, встань в позу, защити себя! – его смешки со смешками его партнера злили. Чувствовал, как темное внутри поднималось со дна души. Что я зря изучал восточные единоборства? Места хватало, чтобы нам сцепиться, как два хищника. Поспешно начал стягивать рубашку через голову. Глаза Каюма заинтересовано наблюдали за мною, мне даже показалось в них было одобрение. Когда я в упор посмотрел ему в лицо, решил, что показалось, он смотрел снисходительно, сомневаясь в моей отважности.

-В единоборстве я не силен, откровенно говоря, больше кулаками работаю, – Каюм преобразился. Даже не сразу понял, что в нем изменилось. Когда он совершил пару шагов, двигаясь на меня с

кошачьей грацией, опасно сверкая глазами, изумленно рассматривал, как разгладилось его лицо, скидывая пару лет, а то и десятку. Он сгруппировался, никаких лишних движений, точно зверь на охоте.

-Вы серьезно? – я не верил, что он собирался со мною драться. Я хотел драться, но часть меня вопила об уважении к старшим, о том, чтобы поднять руку на человека старше себя...да мне в страшном сне не присниться такое. Всегда дрался с ровесниками. Даже в боях.

-Струсил? – нахально улыбнулся и ощутимо двинул в плечо, словно примеривался. –Я минуту назад был о тебе выше мнения! – цокнул языком, и я не успел среагировать, как в меня метнулся кулак и раздался хруст сломанного носа. Хлынула кровь. Алая. Это окончательно меня взбесило. Сделал сначала ложный выпад, а потом двинул ему в левую в сторону под печень и отскочил. Саид схватился за бок, улыбнулся сквозь стиснутые зубы. Мы кружились и цепляли друг друга, ощутимо или нет, как два самца за лидерство проявляли не только силу, но и хитрость, смекалку. Каюм кажется начал дышать тяжелее и удар уже был не таким целенаправленным. Я предвкушал победу. Я кажется почувствовал вкус жизни вперемешку со вкусом крови. Азарт и ощущение своего лидерства кружило голову. Где потерял контроль, не понял. Меня схватили за руку, вывернули до боли в запястье, взвыл, подножка под ноги и вот я стоял перед Каюмом на коленях.

-Никогда не празднуй победу, не убедившись в том, что твой соперник повержен! Твоя ошибка в том, Фернандес, что ты уверился в победе, которая была рядом! – на мою спину легло колено, прижимая меня к бетонному полу. Руку продолжали выкручивать, свободная мне мало чем могла помочь. Я увидел перед глазами черные ботинки.

-Саид! – прохрипел, чувствуя, как что-то холодное прикасается к моей спине в области поясницы. –Послушай меня...- на спину полилась какая-та жидкость. – Я люблю твою дочь! Люблю, твою мать! – что-то острое вонзилось в спину, а потом начали этим вырисовывать какой-то узор. Я прикусил разбитую губу, я старался сдержать рвущийся из груди крик боли. Перед глазами все поплыло, когда меня чем-то прижгли, я орал. Бесстыдно, как девчонка, орал со слезами на глазах, теряя сознание.

Анна

Мигель ушел. И не вернулся. Ни через десять минут. Ни через полчаса. Ни через час. Азамат в это время разлегся на диване и бессмысленно щелкал пультом по каналам. Я ходила взад-вперед. Я выглянула в окно, погода была под стать настроению: серая, тревожная, депрессивная. Постоянно смотрела на телефон, а он словно издевался надо мною. Звонили все. Каждый из звонивших поздравлял с концертом, восторгался программой. Мне приходилось вести эту светскую беседу, стараясь сокращать разговоры до минимума. Вдруг Мигель позвонит, а у меня будет занято.

-Ты знаешь куда они поехали? – остановилась возле дивана, рассматривала черную макушку, похлопывая мобильником по ладони.

-Нет.

-Азамат! – топнула ногой, но эффекта не было. Босиком топать по полу бессмысленно. Брат вскинул на меня свои звериные глаза. Ярость все еще плескалась на дне его карих глаз.

-Я сказал, что не знаю! И действительно не знаю, что у папы в голове! Одному Аллаху известно, какие мысли там бродят!

-Так спроси у своего Аллаха, что за мысли у него в голове!! –зло процедила, с надеждой рванула в прихожую, когда услышала, как хлопнула входная дверь. Но это был не Мигель. Это был Али.

-Привет, малышка! – его прохладные губы коснулись моей щеки. Я внезапно схватила его лацканы пиджака и притянула к себе, заглядывая в равнодушные глаза.

-Али! Ты знаешь, где папа! Отвези меня туда!

-Анна, я не знаю, где папа! – он попытался отцепить мои руки от себя, но я сжала пальцы еще сильнее. Я сверлила его яростным взглядом, на грани безумия.

-Если с Мигелем что-то случится...если он его убьет... – шумно вздохнула, понимая, что без Мигеля нет смысла в моей жизни. Без него мне ничего не нужно. Без него я уже не я. Тряхнула Али. – Я покончу собой!!! И я не шучу, пусть он поймет, что не Господь Бог, что не в его власти вершить судьбы!!!

Брат поджал губы, медленно стал разжимать мои пальцы. Его глаза

до сих пор оставались без каких-либо эмоций.

-Ты его так сильно любишь?

-Я его так сильно люблю, что без него мне ни к чему жить!

-Хорошо. Я посмотрю, что можно сделать! – убрал мои руки и ушел к окну, где был компьютер. Полчаса я сидела на барном стуле и неподвижным взглядом смотрела на кружку, где все еще был кофе с молоком Мигеля. Азамат нервно крутился возле Али.

-Поехали! – бросил одно слово Али, вставая из-за стола. Я подорвалась, схватила с вешалки ветровку, на босую ногу надела кеды и побежала впереди братьев. Я не спрашивала, куда мы поедем. Мне было все равно. Мне было важно только увидеть Мигеля. Живым. И если Али везет, значит он живой...По-другому не может и быть.

Когда мы подъехали к какому-то дому, было совсем темно. Я передернула плечами от страха этого района. Здесь сам воздух предупреждал об опасности. Я хотела побежать, кричать, звать, но мне приходилось лишь следовать за Али. Где-то в глубине души удивляясь его спокойствию, его свободному ориентированию. Азамат, как и я не понимал, где мы и что происходит.

Мы подошли к гаражу, спустились в какой-то подвал и тут я зажала рукой рот в ужасе, замирая на последней ступеньке. А потом... потом я действовала на импульсе. Рванула вперед, к Мигелю, который висел на цепях. Живой. Он смотрел прямо мне в глаза и даже пытался улыбнуться окровавленными губами. Я бежала к нему, боковым зрением замечая на столе пистолет. Какая чертовщина в меня вселилась, не знаю, но я схватила ствол и направила его на... папу. Он словно почувствовал на себе прицел, обернулся.

-Стреляй! – приказал, сужая глаза, не делая даже попытки сделать шаг. Рука затряслась и пистолет с нею. Усмехнулся, качнув головой. Уверенно преодолел расстояние между собою и мной, перехватил мою руку с пистолетом, стиснул запястье и потянул к Мигелю. Вид у того был побитой собаки. Думала будет хуже. Папа вложил пистолет в ладонь, сжал своими пальцами мои пальцы и направился на Мигеля. Сердце замерло и перестало биться, когда до меня дошло, в какой я позе стою.

-Нет! – это слово должно быть выкрикнуто, но оно еле просипело из моего горла. Папино дыхание было рядом, ровное, без судорожных

вздохов и выдохов.

-Я люблю тебя! – прошептала одними губами, последний раз смотря в любимые черные угольки. Они мигнули мне, по губам догадалась, что мне в ответ прошептали: «Я тоже люблю тебя».

Закрыла глаза. Некогда самые надежные, родные пальцы вместе с моими нажали на курок. Выстрел. Слезы текли из-под плотно закрытых век, орошая мои губы. Всхлипы рвались из груди. Еще один выстрел. Я вздрогнула, чувствуя, как подкашиваются ноги и медленно начинаю оседать. Я все еще держу глаза закрытыми, ибо не в силах увидеть конец своей жизни.

Санд (07.08.2018)

Опустил руку. Внутри была пустота. Отвернулся и медленно направился к Али и Азамату. Последний смотрел на меня со смесью ужаса, ненависти и чего-то еще темного, и непонятного. Али забрал у меня пистолет и по умолчанию достал из пиджака сигареты. Диего, тот самый человек от Аида, поднес зажженную зажигалку.

-Ты опоздал! – выдохнул дым, прищуривая глаза. Али хмыкнул. – Еще пару минут и не знал бы, что придумать!

-Да я немного запутался в дороге. Не зная мест, легко в темноте сбиться с пути.

-Ладно. Теперь можно домой. Я чет устал! – одной затяжкой докурил сигарету, бросил окурок под ноги, чтобы затушить носком ботинка. Когда поднял глаза, Азамат опирался о стену и ловил ртом воздух, кажется ему было плохо. Непроизвольно дернулся в его сторону, но он выбросил руку вперед, давая понять, что к нему приближаться не стоит. Но я не послушался. Подошел к нему, он шарахнулся от меня в сторону.

-Не подходи...

-Азамат...

-Нет, пап, не надо! – он с такой болью и разочарованием на меня посмотрел, что, наверное, я впервые в жизни почувствовал, как сжимается сердце от того, что ты не соответствуешь идеалам сына. Азамат судорожно вдыхал и выдыхал. – Я знал...я знал, что ты чудовище.... Но все это воспринималось, как какой-то образ. Да, я

думал ты просто играешь этакого жестокого босса, которого бояться все вокруг, едва только услышав твою фамилию... Я и сам чувствовал в себе это темное начало, но... мне казалось это, как игра! А сейчас... а сейчас я понимаю, что не хочу быть таким, как ты!!! Не хочу!!! – он кричал. Нет, не голосом. Он кричал на меня глазами, дрожащими губами, вздрагивающими руками. Он всем своим телом кричал на меня. Я видел, как он боролся со своими демонами, как он сопротивлялся, отчаянно, надрывно, пытаясь максимально защитить светлую сторону своего сознания.

-Азамат... – протянул руку, чтобы коснуться его плеча, но сын отстранился. Ладонь зависла в воздухе, медленно сжал пальцы в кулак.

-Я не могу находиться рядом с тобой... Ты меня уничтожишь! Ты полностью превратишь меня в подобие себя!!! Ты сделаешь из меня точно такого же монстра, которому на многое будет плевать, которому ничего не стоит растоптать даже самых родных тебе людей!!! Ненавижу!!! – его глаза вспыхнули именно этой ненавистью. Она разгоралась и охватывала все вокруг себя, как лесной пожар. – Ненавижу!!! Ненавижу!!! – как молитва для него, как пощечина для меня – это слово становилось между нами, отдаляя друг от друга. Я мог его тут же сломать. Физически и морально. Я мог указать ему на его же место, унижить. Мог... но вместо этого достал ключи от машины из карманов джинсов.

-Ты можешь идти! Я тебя не держу. Живи, как считаешь нужным. И двери моего дома всегда для тебя открыты! – подкинул связку, Азамат автоматически поймал, растерянно моргая, словно очнулся ото сна. Отвернулся. Али смотрел в ожидании дальнейших событий.

-Фернандеса в больницу, доктор Палус предупрежден. Потом Анну и его домой. Завтра мой самолет будет вас ждать в аэропорту, чтобы отвезти домой! – повернулся в сторону парочки, которая до сих пор сидели на полу, стискивая друг друга в железных объятиях. Захоти разъединить, не разъединишь. Испанец смотрел перед собою неподвижным, пустым взглядом. Диего уже снял с него наручники с остатками цепей. Я стрелял по цепям.

Фернандес моргнул и осмысленно посмотрел мне в глаза. Несколько секунд мы пытались переглядеть друг друга. Сдался он, спрятав лицо в макушке Анны. Сама дочь, как вцепилась в его шею, так и застыла. Я понимал, что после такого, она меня не простит. Она так же, как и

Азамат посмотрит на меня с ненавистью. Как в свое время смотрела и Арина. Не говоря больше никаких слов, вышел из подвала с Диего, мы уехали. Он отвез меня в тайный притон, где заливал в себя элитный алкоголь, который никак не хотел брать власть над моим сознанием. Там же в попытках найти хоть в чем-то забвение, вбивался в грудастую брюнетку, которая кончала бурно и громко, а я не мог достичь с первого раза разрядки, а когда сперма выплескивалась на упругий белый зад, ничего кроме омерзения к самому себе не чувствовал. Но в попытке все же отключить себя, прибегнул к наркотикам. И где-то доза была больше, чем требовалось, потому что реальность, наконец-то, покачнулась перед глазами, и я «поплыл».

Знакомый до боли запах дурманил. Я улыбнулся, почувствовав, как ее губы скользнули по плечу, язычком проложила влажную дорожку до шеи и прикоснулась зубками к мочке уха, прикусила. Дрожь возбуждения охватила тело от одного ее дыхания. Глаза не открывал, стараясь не показать ей, что проснулся, хотя жутко хотелось схватить ее в охапку, подмять под себя и целовать...

-Саид... ты очень плохой! – в ее голосе, таком родном, таком нужном мне, прозвучал упрек. – Ты, как всегда делаешь только так, как считаешь нужным лично ты сам!!!

-За то теперь я уверен, что рядом с нею такой же ненормальный, как и я. Что он любого убьет ради нее, за нее, для нее! – зажмурил плотнее глаза, задерживая дыхание, когда влажные губы коснулись щеки. – Как я для тебя... – хотел приоткрыть глаза, но ее ладони их закрыли. Сердце учащенно забилося.

-Я люблю тебя...и хочу, чтобы ты был счастлив! Отпусти меня, если любишь, просто отпусти, как делал это несколько раз! – легкие поцелуи покрывали мое лицо. Я разозлился, схватил ее за запястье, отодрал ладони от глаз и открыл их. Свет грозился сделать меня слепым. Я ничего перед собою не видел, я даже не чувствовал, что в руках что-то держал. Но упрямо смотрел перед собою, пытаюсь хоть что-то увидеть.

-Арина!

-Папа! Папа!!!

-Девушка, вам нельзя здесь находиться!

-Да кто вы такой?

-Молодой человек, вас тоже прошу покинуть реанимацию!

-Доктор, пульс есть!

-Папа...

-Девушка, выйдите, как только будут новости, мы вам все сообщим!

Мигель (08.08.2018)

-Никогда не понимал бразильские сериалы! – Анна устало усмехнулась, заплела косу и чмокнула в губы. Я щелкнул пультом, обрывая жаркие признания какого-то Педро.

Последние две недели мы все просто застыли в своих мыслях. Никто не бросался с обвинениями, никто не грозился мстью. Каждый погрузился в себя настолько, что было все равно до близких людей. Даже я, по сути не должен был переживать за состояние Саида, переживал, как за родного отца, хотя обязан был желать ему смерти. Но не желал. Я только на третьи сутки в больнице понял мотивы его поступка. Он по-своему, как его научила жизнь, по-звериному, по законам жизни и смерти защищал любимую дочь. Кто-то его осудит за такие методы, кто-то призовет на суд мораль и нравственность, совесть. А кто-то признается самому себе, что поступил бы точно так же. Я бы на его месте поступил бы не лучше.

Азамат как всегда остался дома. Он категорически отказывался ездить к отцу в больницу. Я видел по его глазам, что ему до сих больно разделять себя на две части, никак не мог определиться, что ему ближе: темное или светлое, ему хочется и в тоже время он не находил в себе силы духа, мужества простить Каюма.

Ахмет и Аман либо действительно не знали, что происходило в другой жизни отца и братьев, либо были отличными актерами, по которым плакал Голливуд. На мой избитый вид им выдали версию, что на меня напали хулиганы. Ахмет недоверчиво приподнял бровь, но уточнять подробности не стал.

Али единственный сохранял холодный рассудок, четко раздавал указания и приказы, когда на его мобильник поступило сообщение о том, что Саида нашли в бессознательном состоянии в пригороде Нью-Йорка. Полиция предположила, что на него напали грабители,

потому что из портмоне были вытащены все деньги, отсутствовал мобильник, документы никого не заинтересовали, именно по ним и вышли на Али. От этой версии у меня чуть не случился приступ истерики. Саида ограбили? Чушь собачья. Вопросов было больше, чем ответов, тот парень со шрамом сделал так, чтобы Каюма нашли. Все прекрасно видели, что он был пьян, на сгибе локтя обнаружен укол, пахло от него слащавыми женскими духами. Что именно спровоцировало сердечный сбой, сложно сказать. Только чудом успели спасти. Через пять дней его из реанимации перевели в палату, но Каюм на отрез отказался с кем-либо видеться. Ахмет обмолвился, что все повторяется, как и несколько лет назад, когда его чуть не убили во Франции. Тогда он тоже отказывался видеться с детьми.

Анна сидела на стуле, с невероятно прямой спиной, с отсутствующим взглядом. Я беспокоился за ее внутреннее состояние, но каждую ночь через ласки, поцелуи она старалась меня убедить, что все хорошо. Только плакала каждый раз, когда пальцы касались едва зажившей раны от ножа и ожога. Медленно обводила букву А на пояснице.

-Кто из вас Фернандес? – в мини-гостиную при вип-палате, где мы все эти две недели были, ожидая, когда его величество соизволит кого-то увидеть из детей, вошел к нам врач. Он поверх очков вопросительно обвел нас взглядом.

-Черти что! – взорвался Али, впервые проявив эмоции, запуская ладони в свои волосы, отвернувшись к окну. Я оцепенел, не в силах придумать хоть одну здравую причину, почему Саид хочет видеть именно меня. Почему не сыновей, почему не Анну?

-Чего ты стоишь! – прикрикнул на меня Али. –Иди! – сжимая зубы, стараясь вернуть себе на лицо сдержанность. Скованно двинулся в сторону палаты. Руки тряслись. От страха что ли, хотя после всего пережитого мне бояться по идеи нечего.

-Смелее, не на смертную казнь идешь! – с насмешкой раздался голос Каюма, едва я переступил порог. Он сидел на кровати, держа на подставке ноутбук. Гладко выбритые щеки, модная бородка, уложенные волосы. Черная футболка, темные спортивные штаны. На первый взгляд вполне здоровый человек. Но если взглянуть более внимательно в его лицо, можно было увидеть болезненную бледность сквозь смуглую кожу, морщинки в уголках глаз, складку у рта, но ее скрывала борода. Если всматриваться, то увидишь

уставшего мужчину в возрасте.

-Бери стул и садись поближе, будем с тобою твои дела решать! – Саид переключился на ноутбук, что-то быстро печатал, хмурился, усмехался, опять хмурился. Я завороженно на него смотрел, не в силах понять: он человек или какое-то нереальное существо в облике человека. Такое чувство, что Смерть ходит рядом и иногда пытается прибрать его к себе, а он играючи оставляет ее позади себя. И она соглашается. Даже кошки с ее девятью жизнями столько не живут, как Каюм.

-Я подготовил бумаги, с бизнесом отца решай сам, что будешь делать. Если продавать, могу дать контакты человека, который заинтересуется. Долг Маркесу я выплатил. Он без претензий. Теперь можешь спокойно спать.

-Соня? – робея, поднял глаза на Саида. Он посмотрел на меня.

-Ты Анне сказал?

-Нет.

-Прежде, чем я привезу Соню, сообщи моей дочери об этой новости. Не думаю, что ей будет приятно, если поставишь перед фактом.

-Вы думаете она меня поймет?

-Поймет. Она не я. Она, как ее мать, всегда в первую очередь старается понять человека, прежде чем делать какие-то выводы.

-Вы правы... - он прав. Она, как и я поняла поступок отца, поняла, приняла и простила. Адекватный человек, с нормальной психикой такое просто не примет. Анна со вздохом призналась мне, что она не снимает с отца тяжесть его поступка, но, зная, какой он по натуре деспот, тиран, жестокий, по-другому просто не могло и быть после поведения ее умершего мужа. Он мне устроил проверку чувств на свой лад.

-На днях меня должны выписать. Планирую сразу же улететь в Испанию, сейчас там мои юристы, но я хочу лично все проконтролировать.

-Спасибо.

-Я не ради тебя это делаю.

-Я знаю. Я женюсь на ней! – вскинул подбородок, Саид приподнял

бровь, захлопывая крышку ноутбука.

-А по-другому никак. Ты либо женишься на Анне, всю жизнь с достоинством неся звание самого верного и любящего мужа, либо умрешь. Не в шутку, а по-настоящему.

-Главное, чтобы сама Анна меня не разлюбила! – улыбнулся от мысли, что могу в открытую говорить о любви, мечтать о собственной семье. Саид усмехнулся.

-Добро пожаловать в семью Каюм, Мигель. Не обещаю, что будет легко, но скучно точно не будет! – он первый протянул мне руку для пожатий. Я встал, смотря этому властному мужчине в глаза, лукаво прищурился.

-Кажется, вы назвали меня по имени!

-Тебе, Фернандес, это только кажется!

-И все-таки я берусь утверждать, что вы назвали меня по имени!!!

-Иди отсюда пока еще живой! – прорычал Саид, только вот глаза его веселились. Мы пожали друг другу руки. Я тихо рассмеялся, потом охнул от боли, когда мне слишком сильно сжали ладонь. Каюм злорадно улыбнулся. Да, с таким родственником постоянно нужно быть на чеку, подставит подножку, потом подаст руку помощи и «случайно» уронит, сделав удивленное лицо. Но что бы ни случилось, я уже чувствовал, как его покровительство и моей головы коснулось, словно теперь находился под защитой каких-то сил. Добрых или плохих – это еще нужно решить, ибо в мире помимо черного и белого существует и другие цвета. В том числе и их оттенки.

Сегодня была последняя ночь в Нью-Йорке. Вчера выписали Саида, он даже сутки не пробыл в кругу семьи, сразу же улетел в Испанию, вызвав недоумение и удивление у парней. Азамат лишь фыркнул. Он как ежик, только фыркал и иголки свои выставял на попытки отца с ним поговорить. В итоге Каюм плюнул на него и просто сделал вид, что того нет. Как ни странно, Азамата это задело, но гордость не позволила ему переступить через себя, ночью без объяснений собрал свои вещи и уехал в неизвестном направлении.

Ахмет, убедившись, что отцу ничего не угрожает в плане здоровья и помирать он не собирается в ближайшее время, с семьей вернулся в Эмираты. Его нетерпеливо ждала работа. Аман так же покинул

Америку, торопясь на свои занятия, все сетовал, что много пропустил.

Остался Али и мы. Али сухо проинформировал нас о том, что завтра утром мы улетаем в Дубай. И ушел. Анна собрала вещи, теперь сидела со мною на диване, смотря на ночной Нью-Йорк. А я все подбирал важные слова, чтобы сказать ей о самом главном. Не о любви.

-Когда у тебя тур по городам? – начал издалека, чтобы вообще начать разговор.

-В следующем месяце.

-Свадьбу сыграем после завершения твоего тура или между гастрольями? – Анна резко села и повернулась ко мне лицом, улыбаясь.

-Я еще не услышала от тебя предложения, чтобы размышлять о свадьбе! Извини, но факта в этот раз не приемлю. Хочу банальностей, я же девочка!

-Хорошо, будут тебе банальности. О предложении поговорим в нужном месте в нужное время! Тогда, чтобы расставить все точки над «и», прежде чем ты станешь Фернандес, хочу спросить, как ты относишься к детям? – затаил дыхание. Сердце стучало в горле. Черные брови удивленно приподнялись, девушка склонила голову набок.

-Я люблю детей. Всегда нравилось проводить время у Ахмета. Мне кажется, что лучше моих племянников никого нет, поэтому даже не сомневаюсь в том, что у нас с тобою будут как минимум двое, а там как ляжет карта! – голубые глаза лукаво сверкнули, губы сложились в плутоватую улыбку. – Или как кое-кто постарается!

~~А если среди наших детей будет еще одна девочка...~~ как же было трудно сказать конец предложения. Набрал побольше воздуха в легкие и выпалил, замирая на последнем слове: – У меня есть дочь!

Анна выдернула руки из моих ладоней и отстранилась. Она нахмурилась, опустила глаза на мои пальцы, резко встала и подошла к окну, поворачиваясь ко мне спиной. Я не лез. Я понимал, что ей нужно время все осмыслить и сделать свои выводы. И пока шли эти минуты, которые казались бесконечными, тысячу раз умирал и воскрешал с надеждою.

-Я так понимаю, папа об этом знал...

-Знал.

-А ты мне даже не подумал об этом сказать...

-Я...Я просто не знал, как все сложится... Я и согласился на предложение твое папы с условием того, что он мне вернет дочь... Кто знал тогда, что мы полюбим друг друга! Да, понимаю, нужно было сразу сказать, как только переступили черту, но Анна...я не мог. Я до сих толком не знаю, где она, что с нею. Я ее не видел три года. И я боюсь, что она меня не узнает...когда я уходил, ей было всего два года! – сидеть и смотреть на напряженную спину любимой было невыносимо, я хотел смотреть ей в глаза, держать ее и видеть, что она мне верит.

-Анна! – развернул девушку в свою сторону, приподнял ее за подбородок. – Я люблю тебя! Я для тебя сделаю все, но в этой жизни есть еще один человечек, который нуждается во мне!

-Ты ее оставил три года назад! – ресницы дрожали, но глаза она не отводила в сторону.

-Когда меня прижали, у меня вмиг перестало все быть, что так любила Аманда. Она ушла с дочкой к тому человеку, которому задолжали деньги, товар. Он был ее старше на двадцать лет, поэтому я не сразу и поверил, что ты приходила в кафе с папой. Я вынужден был удариться в бег, но никогда не забывал о том, что не в очень подходящем месте находится моя дочь. Аманда ею никогда особо не интересовалась. Я все время думал, как забрать свою малышку. Поэтому, когда твой отец предложил сделку, не смог отказаться... прости, если это выглядит эгоистично в твоих глазах!!!

-И как зовут твою малышку?

-Соня. Я сам выбирал имя! – внутри меня робко поселилась надежда, что Анна не будет рубить с плеча. Она действительно все обдумывала и сейчас выглядела старше своих лет, глаза внимательно рассматривали мое лицо.

~~Я только прошу об одном, никогда не ври мне! Лучше горькая правда, чем сладка ложь! Я много думала о том, почему моя жизнь сложилась так, а не по другому. Ведь меня за спиной называли восточной принцессой, папа никогда не скрывал, что я для него превыше всего! Моя жизнь могла быть сказкой, а стала адом! Но~~

благодаря таким жестоким урокам судьбы, урокам папы я поумнела. Может быть не так, как хотели окружающие! – голубые глаза смотрели твердо. – И мне кажется мы с твоей дочерью найдем общий язык, если она похожа на тебя!

-Она похожа на меня! – улыбнулся, прижал Анну к груди, пряча лицо в ее волосах. Наконец-то, у меня будет семья. Нормальная и полноценная семья.

Ждать, когда Саид привезет дочь домой было невозможно. Сама Анна не находила себе места в огромном особняке, поэтому не сговариваясь, мы по умолчанию рванули к машинам, и только когда отъехали, начали истерично смеяться над схожестью мыслей.

Мы знали, что с минуты на минуты в аэропорту приземлится частный самолет Каюма. Анна звонила отцу, он приблизительно сказал время своего прибытия.

-Надо было игрушку купить! – Анна нервничала, выискивала глазами знакомую фигуру отца. Основной поток людей был за пределами вип-территории. Вот вышла сначала охрана, просканировала помещение, буркнула что-то в микрофон. Я сделал шаг вперед, Анна тоже, наши руки нашли друг друга и пальцы переплелись. Вот за стеклянными перегородками мелькнула высокая фигура Саида в костюме, он смотрел куда-то вниз и в бок, что-то говорил, улыбался. Если бы не напряжение, обратил внимание на то, как смягчился его взгляд. Он вышел и рядом с ним в припрыжку шла девочка. Сердце пропустило удар. Соня. Ее задорные два хвостика подпрыгивали от каждого шага хозяйки, она смотрела с восторгом на Саида и что-то у того спрашивала, не выдергивала руку из его ладони, в другой руке был медведь. Мой медведь, которого я ей подарил на день рождения, когда был рядом. Они очень гармонично смотрелись друг с другом.

-Мама! Папа! – Соня выдернула руку, но ее не стали ловить и со всех ног побежала в нашу сторону. Анна напряглась, а потом рванула ей навстречу, подхватив где-то на середине и закружила. На маму она не была похожа, больше на старшую сестру. Я как был на месте, так и остался. Две дорогих сердцу девочки кажется с первого взгляда влюбились в друг друга. Соня обнимала Анну за шею, говорила много, сбивчиво, смешивая испанские и английские слова в единый поток. Анна кивала и то поцелует ее в щечку, то поправит хвостик, то

прижмет к себе.

-Для мамы Анна слишком молода! – посмотрел на подошедшего Каюма. Вновь собран. Вновь этот хозяйский взгляд, которому весь мир принадлежит.

-Соня сама определила меня в дедушки и логически домыслила, что раз вы оба тут, значит ты – папа, а Анна- мама. Чудесная малышка, напомнила мне дочь в таком же возрасте.

-Она же знает, что у нее есть мама...

-Мигель! – голубые глаза холодно сверкнули, напоминая мне клинок кинжала. – У нее только одна мама. Женщина, которая родила, матью сложно назвать. Так что забудь Аманду и никогда не упоминай ее имени в нашей семье. Соня уже забыла этого человека.

-Вы ей перепрограммировали память?

-Можно итак сказать!

-Страшный вы человек, Саид Каюм! – сказал с улыбкой, но вздрогнул. Мне еще предстоит привыкнуть и научиться читать между слов, между интонациями. Анна подошла с Соней к нам.

-Папа! – карие глаза меня узнали, она потянулась ко мне. Я прижал свою малышку к груди и теперь осознал, что все. Точка в старой истории. В той жизни поставлена. Теперь новая жизнь. С любимой дочерью. С любимой женщиной. С ее отцом. С разными по темпераменту братьями.

Поднял голову и встретился с голубыми льдинками, которые как драгоценные камни переливались на солнце. Саид обнимал Анна за плечи и прижимал к своей груди. Благосклонно склонил он голову, двинулся в сторону выхода. Мы шли рядом. Впереди охрана, позади охрана. Главное то, что было внутри этого кольца.

14 глава

Анна (09.08.2018)

Если бы люди умели предвидеть, что будет через неделю, через год, наверное, не было б такого ожидания праздника, лучшей доли в душе. Если бы знали, кого встретим, кого отпустим, кто станет нам другом, кто врагом, наверное, мы бы больше проводили время с

любимыми людьми. И я ценила каждую минутку, когда после долгого отсутствия, возвращалась в родные стены дома. Дом- там, где родные, любящие люди. Дом- это место, где всегда можно найти крепкие объятия, нежный поцелуй, понимание и принятие тебя таким, каков ты есть. Я любила возвращаться домой...

Я даже не знаю, с какого момента вести отсчет новых дней. Наверное, с той самой минуты, когда за одним большим столом собралась вся моя большая семья. Это канун Нового года... Мы с Мигелем только вернулись в Дубай после большого турне по Европе. Иногда возникало желание все бросить, я искала в Мигеле это же желание, но он просил слушать только себя и делать, как мне хочется. Однажды я проснулась и поняла, что хочу перерыв. Мое желание словно нашло отклик и так получилось, что перед Новым годом не было концертов. Мы рванули домой. В отцовский дом. Был у нас с Мигелем разговор о своем жилье, но после долгих раздумий пришли к выводу, что покупать жилье, чтобы оно пустовало не было смысла. А дворец папы мог вместить в себя большое количество людей и еще была вероятность потеряться в нем. Поэтому Соня оставалась в этом доме. С Соней в этот дом стали приходить дети Ахмета и Хабиби не только в определенные дни, но и просто так. Благодаря Соне я впервые увидела, что папа умеет обращаться с маленькими детьми. Он с удовольствием примерял роль деда, отчего старшие внуки пришли в дикий восторг. Действительно, с кем как ни с дедом можно поехать на ипподром и восторженно наблюдать за тренировками чистокровных скакунов.

Али основательно взял на себя управление делами папы. Он все больше и больше становился на него похожим в повадках, взглядах, в манере разговаривать. Но при этом он оставался собой: бесстрастным, холодным, равнодушным. Для посторонних. Как и папа, только в кругу самых близких, маска слетала с его лица и возникал очаровательный молодой человек с очень чарующей улыбкой.

Азамат. Тут хотелось просто промолчать. Он не смог или не хотел смириться с тем, что папа не такой идеальный, как представлялось большую часть жизни. Он ушел из дома, сказав, что нахождение рядом с этим человеком его разлагает как личность, толкает на темные дела. А он не хочет становиться таким же, как отец. Поэтому где был брат, в какой части мира, знали папа и Али, в целях его же безопасности. Азамат появлялся перед всеми нами только по

большим праздникам. Как, например, канун Нового года.

Аман. Мой любимый, самый ласковый младший брат. Он полностью погрузился в науку. Выглядел немножко чужаком на фоне стильного Али, делового Ахмета, brutального Азамата, но я знала, что у него самое доброе сердце, знала, что он всегда распахнет свои объятия, не зависимости от того, занят или нет. У него не было личной жизни. Парень полностью себя отдал химии. Старшие братья иногда его подкалывали, но это было добродушно и без злости.

Ахмет был гордостью семьи. Он получил какой-то престижный диплом в области юридических наук, стал партнером крупной юридической конторы, недавно Хабиби по секрету сказала, что они вновь ждут ребенка. Четвертого. Или четвертую. Пока неизвестно. Идеальный мой братец.

Мигель всегда со мною. Он всегда ждал меня за кулисами. Ждал в машине. Ждал в номере. Ждал. Или был рядом, как моя тень. И его это устраивало. Хотя папа подшучивал над ним, что он вечно в тени женской юбки. Он меня любил, он меня принимал и не пытался указать, что делать, не давил, не тиранил. Если что-то не устраивало, мы садились и разговаривали. Мы всегда говорили и никаких тайн между нами не было.

Мы собрались в канун Нового года. Было шумно. Дети носились по всему дому, взрослые беззаботно разговаривали, шутили. Азамат и папа сидели в разных концах стола, были рядом в одном доме и хорошо. Я постучала по бокалу, привлекая всеобщее внимание. Мигель улыбнулся, пожал мою руку в знак поддержки. Я смотрела на всех, и в тоже время я видела только одного человека перед собою. Папа крутил ножку бокала, стоящего на столе и в ожидании, смотрел на меня.

-Мигель сделал мне предложение, и я сказала «да»!

Мигель сделал мне предложение в Париже. Было до невозможности банально, предсказуемо, но я расплакалась от переизбытка чувств. Это было в кафе. Недалеко была Эйфелева башня. Рядом стояли музыканты и что-то ненавязчивое, романтическое играли. Он стоял на коленях, протягивал мне черный футляр с кольцом и спрашивал: «Ты выйдешь за меня замуж?».

Папа улыбнулся и отсалютовал бокалом, слегка пригубил игристое вино. Все вокруг восторженно начали проявлять свою радость, лезть

обниматься, давать уже какие-то советы и думать об организации. Мы с Мигелем переглянулись, о свадьбе договорились еще в Париже. Будет скромно. Среди родных. Самых близких. В саду за домом.

-Али! – схватила брата за локоть, поворачивая к себе. Брат улыбнулся. – Ты не видел папу? – он с высоты своего роста обвел гостиную взглядом, покачал головой.

-Может быть он в кабинете!

-Ага! – поспешно согласилась и помчалась в указанное направление. На душе скребли кошки. У меня было какое-то предчувствие. Давно я его не ощущала. И тут же затормозила, свернув в сторону входных дверей, прихватив уже на выходе в ванне для персонала полотенце. Это было то самое чувство из далекого детства, когда я просыпалась посреди ночи и шла искать папу. И находила его в воде. Я садилась на песок и терпеливо ждала, когда он ко мне вернется. И он возвращался. Злой, недовольный, но живой. Я никогда ему не говорила, что всегда боялась тех минут, когда он скрывался под водою и не выныривал долгое время.

Пляж был пустынный. Почти. Ноги вязли в песке, но я упорно шарила глазами по поверхности воды. Заметила небрежно брошенные брюки и рубашку на песке. Рядом валялись черные туфли. Как и в пять лет, села и устремила взгляд на гладкую поверхность моря. Вынырнул. Я выдохнула, оказывается все это время не дышала.

Он медленно вышел из воды, тряхнул головой сначала в одну сторону, потом в другую. Двинулся к своим вещам, замер, заметив меня. Подошел и долго смотрел в глаза. В его глазах была пустота. Но не пугающая. Это пустота, как чистый белый лист. И он вот думал, что теперь писать на новой странице своей истории.

Протянула ему полотенце. Взял, вытер лицо, потом присел рядом и обнял за плечи, притянув к прохладной груди. Я охотно прильнула. Мы довольно долго сидели на пляже и смотрели на темную воду.

-Обещай мне, что будешь счастлив! – подняла голову и заглянула в темные глаза. Папа посмотрел на меня, губы тронула едва заметная улыбка.

-Я счастлив.

-Ты лукавишь. Я имею ввиду, что отпустишь воспоминания о маме и

найдешь в себе способность вновь полюбить!!! – он судорожно вздохнул, отвернулся, смотря в сторону огней от фонарей. – Папа, ты не должен быть один!!!

-Я не один! У меня дом полон людей! О каком одиночестве ты мне пытаешься сейчас сказать? – ехидно бросил в сторону папа, так и не повернув в мою сторону голову.

-Ты знаешь о каком.

-Теперь, когда ты пристроена в надежные руки, когда каждый из твоих братьев нашел себя в этой жизни, я могу спокойно выдохнуть и наслаждаться тем, что у меня есть. У меня оказывается чудесные внуки и я часть их жизни пропустил, как когда-то я пропустил два года твоей жизни...и с сыновьями мало проводил время!

-Папа! – перебила я его, понимая, что он увिलивает от основной темы. – Ты у меня еще о-го-го, ты еще можешь примерить на себя роль отца и восполнить те пробелы, которые допустил с нами! – его голубые глаза вспыхнули весельем, а потом он раскатисто рассмеялся, слегка откидывая голову назад. – Только для этого нужно влюбиться и жениться!

-Аня! – все еще посмеиваясь, протянул руку и погладил по щеке. – Для того, чтобы родить ребенка, влюбляться и жениться не обязательно! Ты уже взрослая девочка и прекрасно понимаешь, откуда берутся дети и что не всегда там могут присутствовать какие-то чувства.

-Это будет дите акта, а я хочу, чтобы ребенок был от большой любви!

-Боюсь, что тебе придется долго и упорно ждать этого ребенка! Надо Мигелю посоветовать данную тему перевести из теории в практику, чтобы ты от меня отстала, занялась своим ребенком! – вскочил на ноги, подобрал одежду, выпрямился и протянул мне руку, чтобы я встала. Я смотрела снизу на своего папу и млела от счастья, что он у меня такой есть.

-Я люблю тебя, папулик! – вложила свою ладонь в его руку, он потянул на себя. –Я все равно уверена, что ты встретишь одно очаровательное создание, которое сведет тебя с ума, выбьет из привычного мира и наполнит тебя собою до отказа.

-С нетерпением буду ждать это недоразумение в своей жизни!!!

Єанд

-Я в отель, ты куда? – Али стоял возле машины и смотрел мне в глаза без единой эмоции. Я снял пиджак, протянул его сыну, расстегнул манжеты рубашки.

-Я прогуляюсь, – поднял палец, когда Али хотел сказать про Абу, который маячился за его спиной. Мне требовалось полчаса побыть одному в толпе людей. Я знал, что телохранитель все равно последует за мною, но будет держаться на расстоянии.

Люди были всюду и везде, я шел, рассекая толпу, как уверенный лайнер. Купил в кофейне запретный кофе. Почему теперь люблю полчаса одиночества даже в центре города? Потому что сыновья вдруг решили, что за мною нужен тщательный присмотр, дабы не учудил чего, дабы сердце не подвело. Теперь сигареты под контролем, кофе под запретом, все важные дела Али взял на себя. Я мог взбрыкнуть и указать всем место, но почему-то нравилась эта забота детей. Анна каждый день звонила, интересовалась не встретил ли я свое «недоразумение».

Присел на скамейку, отпивая обжигающий напиток, жмурясь от простого удовольствия. Когда что-то запрещают, запрет становится сладок. Взгляд упал на запястье, где под ремешком часов выглядывали концы двух черных букв. Улыбнулся, вспоминая, как говорил Арине, что тату навсегда с тобою останется, а все остальное – это можно отнять, разбить, порвать, уничтожить. После разговора с дочерью накануне Нового года, тоска, которая всегда меня душила, отпустила. Нет, Арину я никогда не смогу забыть. Она навсегда в моем сердце, в мыслях. Она просто теперь стала тенью воспоминаний, а не разрывающей болью, с которой я так долго жил. Прошное нужно отпустить.

-Позолоти мне ручку, я тебе всю правду расскажу, что ждет впереди! – раздался скрипучий голос сбоку. Я повернул голову и прищурился. Передо мною стояла старая цыганка. Их в Испании было достаточно, предпочитали околачиваться по окраинам города, редкие смельчаки совались в центр. Старуха была прилично одета, возможно поэтому она сейчас и стояла напротив меня.

Что она увидела в моих глазах, не знаю. В тот момент я вспомнил другую старую женщину, которая предсказала мне и Арину, и Анну, и Амана. Воспоминания мягко говоря не очень приятные, может там

загорелся огонь мести или еще чего-то страшного, потому что цыганка резко попятилась назад.

-Ну, расскажи мне все правду будущего, а я в зависимости от предсказания и озолочу твою ручку! – хищно улыбнулся, не пытаясь даже скрыть свою вспыхнувшую агрессию. Старуха замерла на месте, увидев, как я вытащил пару купюр большой величины, она подошла ко мне и присела рядом. Преодолевая свою брезгливость, протянул ладонь. Черные глаза смотрели мне в глаза, а я вновь почувствовал, как кровь побежала по венам, как успокоившиеся демоны и звери взволнованно задышали. Я вновь почувствовал себя тем самым мужчиной, когда мне предсказывали Арину. Почему-то был уверен, что и в этот раз на моей ладони разглядят ту, которая снесет мой привычный мир.

Цыганка взяла ладонь, но не водила своим грязным пальцем по линиям, а внимательно их рассматривала. Потом осторожно отпустила мою руку и встала, так и не произнеся и слова. Я опешил. Я очень удивился. Обычно они были падки на легкие деньги. Ей ничего не стоило сказать пару общих фраз, я бы дал ей денег.

-А предсказание? – как мальчишка вскочил со скамейки, схватил старуху за руку и развернул к себе. Вновь прежний дикий зверь рыкнул из глубины моей души.

- Сейчас ты стоишь перед выбором: либо принять новый облик, либо оставаться в прежнем. Этот выбор и определит твой дальнейший путь.

-Должна быть подсказка, чтобы понять, какой путь правильный.

-Тебе подсказка будет дана. Сумеешь ли ты ее разглядеть, только от тебя зависит.

-И?

-Это все. Остальное все в руках твоего Бога и твоего Демона, кто из них победит в тебе, тот тебя и поведет по дороге! – цыганка настойчиво дернула рукой, я отпустил, протянув деньги. Ответы меня не удовлетворили, только разозлили. Старуха спрятала купюры, вновь пронзила меня черным взглядом.

-У нее будут глаза цвета моря, то самое море, возле которого ты потерял ту, глаза которой цвета неба.

Я отшатнулся от цыганки, словно она меня ударила в солнечное

сплетение. Изумленно впиваясь в нее безумным взглядом. Она еще секунду смотрела на меня.

-Помоги одному сыну разобраться в себе, второму дай право выбора, он все равно выберет тебя. Третьего...не родного, принимай таким, какой он есть. Не пытайся его изменить и сломать. Старший и дочь надежно пристроены, о них можешь не волноваться! – цыганка еще постояла рядом, но видимо все, что касалось меня, было сказано. Она торопливо нырнула в толпу прохожих, растворилась в один миг, словно ее и не было. Я даже рта не успел открыть, чтобы спросить откуда она знает про Амана...

Телефон постоянно вибрировал в брюках. Это Али звонил, волновался, потому что я на автомате шел по городу, не разбирая дороги, не особо сознавая куда шел. Абу меня потерял.

-Извините! – меня кто-то ощутимо толкнул в плечо, я бы не обратил внимание, но это было сказано по-русски. Я уже отвык от этой речи. Я и язык бы забыл, если бы не разговаривал с детьми дома на этом языке, если бы не звонил изредка братьям в Россию.

Обернулся. Сзади оказалась девушка. У нее были светло-русые волосы до талии. Загорелые ноги, белые шортики едва прикрывали упругую попку. Она смеялась, склонила голову в сторону другой девушки. Я завороченно рассматривал этот профиль. Этот слегка курносый нос. Я даже сделал шаг в ее сторону, намераясь догнать. Кажется, она почувствовала мой интерес. Обернулась. На меня смотрели глаза морской волны. Как море, возле которого потерял Арину. И тут я начал смеяться. Почти истерично. Девушка неуверенно улыбнулась, слегка сдвинув бровки к переносице. Ей на вид не было и двадцати. Точно недоразумение.

Выставив вперед открытые ладони, показывая, что просто ошибся в своем интересе, все еще посмеиваясь над самим собой, достал телефон, который вновь завибрировал в кармане.

-Али, все хорошо. Я иду в отель! – улыбаясь, заметил, как незнакомая малышка поспешила догнать своих подруг, но перед тем, как мы завернули в разные стороны, наши глаза встретились. Ее морские, мои, как небо.

P.S.Всем спасибо! Благодарю каждого за поддержку, за то, что активно критиковали, осуждали, понимали героев. Спасибо, что

читали эту историю! Можно теперь сказать: “До новых встреч”.
Продолжение этой семьи вы точно еще увидите!!!

За комментарии, за свою точку зрения, за лайки, репосты – большое спасибо. Очень приятно. Муз местами остался собою недоволен, поэтому сейчас уходит анализировать свои ошибки, промахи, достижения и планы!!!!

Благодарю, что после прочтения не удаляете мои книги из библиотеки, очень ценю, что вы остались равнодушны к историям!!!!